

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

ЧТЕНИЯ И РАССКАЗЫ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Сергей Соловьев

**Чтения и рассказы
по истории России**

«Public Domain»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)

Соловьев С. М.

Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев — «Public Domain», 2015

ISBN 978-5-699-84061-8

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – великий русский историк. В книгу включены знаменитые произведения по истории России с древнейших времен до времени Петра I. «Русская летопись для первоначального чтения», «Публичные чтения о Петре Великом», материалы из «Истории России с древнейших времен».

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)

ISBN 978-5-699-84061-8

© Соловьев С. М., 2015
© Public Domain, 2015

Содержание

Предисловие	6
Русская летопись для первоначального чтения	10
Предисловие	10
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	34
Глава IX	36
Глава X	38
Глава XI	46
Глава XII	57
Глава XIII	61
Глава XIV	65
Глава XV	68
Глава XVI	72
Глава XVII	77
Глава XVIII	83
Глава XIX	87
Взгляд на историю установления государственного порядка в России	90
до Петра Великого	
Чтение первое	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Михайлович Соловьев

Чтения и рассказы по истории России

Сергей Михайлович Соловьев
(1820–1879)

В книге сохранена авторская пунктуация

В оформлении обложки использованы фрагменты миниатюры из рукописи «История Петра I», XVIII век

Предисловие

(к «Истории России с древнейших времен»)

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда.

Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особенного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней Средней и Южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призванными племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала – непосредственно и посредством другого начала – дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние грекоримское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом – с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, – каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о господстве норманнов, о норманнском периоде.

Выше замечено, что быт племен, быт родовой могущественно действовал при определении отношений между правительственным началом и остальным народонаселением. Этот быт долженствовал потерпеть изменения вследствие влияния новых начал, но оставался еще столько могущественным, что, в свою очередь, действовал на изменявшие его начала; и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать родовые отношения, тем более что род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный

стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт Древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы за счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, чрез ослабление родовой связи между княжескими линиями, чрез их отчуждение друг от друга и чрез видимое нарушение единства Русской земли готовится путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности югозападных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось постарому; но губительно было для русской жизни на югозападе соединение всех литовскорусских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор ЮгоЗападная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основою которой была вера; успех этой борьбы, возможность для ЮгоЗападной Руси сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как начала нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал власть его от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь. Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, – именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление – переход родовых отношений между князьями в государственные – условливает ряд других явлений, сильно отзываясь в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей условливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях, Земля замутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить на счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всю Землю. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династиею начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отзывавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделять их нельзя. Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительною целию материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить *душу* в приготовленное прежде *тело*, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод – познание вообще привело к *самопознанию*.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

Русская летопись для первоначального чтения

Предисловие

Еще в 1846 году профессор Редкин предложил мне поместить в издаваемой им *Новой Библиотеке для воспитания* несколько статей по русской истории, приспособленных к понятиям тех читателей, для которых назначалось его издание. Я не нашел ничего, более соответствующего этой цели, как представить извлечения из древней русской летописи до половины XIII века на новом русском языке, но с возможным сохранением формы и духа памятника, извлечения не отрывочные, но с характером непрерывного повествования. Начиная этот труд, я руководился следующими побуждениями: во-первых, я думал, что нет ничего доступнее для молодых читателей, как простое и вместе с тем живое повествование древних наших летописцев, повествование безыскусственное о делах юного народа, только что начавшего общественную жизнь с ее первоначальными, простыми отношениями; во-вторых, я считал полезным познакомить молодых русских читателей с самым важным памятником нашей древней литературы, тем более что многие из них, по своим специальным занятиям, будут не в состоянии познакомиться с ним в подлиннике, в-третьих, наконец, я имел в виду пользу, какая могла произойти от моего труда для изучения того периода русской истории, который всего более затрудняет юношество в сухих учебниках; причины же, по которым я избрал именно только древнюю русскую летопись до половины XIII века, надеюсь, будут понятны всякому, кто знаком с источниками нашей древней истории: известно, что летописи после половины XIII века теряют уже те живые краски, которыми отличаются летописи древние.

Профессор Сергей Соловьев

Глава I

О том, как началась Русская земля и кто были первые князья в Киеве

Вот повесть о том, откуда пошла Русская земля, кто начал первый княжить в Киеве и как стала Русская земля.

Мы так начнем эту повесть. После потопа три сына Ноевы, Сим, Хам и Афет, разделили землю: восток достался Симу, южная страна Хаму, север и запад Афету; от племени Афетова пошел народ славянский. Спустя много времени славяне сели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле многие народы и назвались каждый своим именем, где кто сел на каком месте; так, например, одни поселились на реке именем Морава и назвались моравами, и другие назвались чехами; а вот тоже славяне: белые хорваты, сербы и хорутане. Когда волохи напали на славян подунайских, поселились сзади них и стали их притеснять, то славяне опять начали двигаться к северу: так одни пришли и сели на Висле и прозвались ляхами; от этих ляхов пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другие славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, иные древлянами, потому что стали жить в лесах; а некоторые стали между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; полочане прозвались от речки именем Полоты, которая впадает в Двину. Те, которые поселились около озера Илменя, прозвались своим именем, славянами; они построили себе город, назвали его Новгородом. Так разошелся славянский народ.

Все эти племена жили особо друг от друга, каждое на своем месте с своими нравами, обычаями и преданиями. У полян были обычаи кроткие и тихие, а другие племена жили как звери. Между полянами были три брата: одному имя Кий, другому Щек, третьему Хорив, сестру их звали Лыбедью. Они построили город и назвали его, по имени старшего брата, Киевом. По смерти этих братьев древляне и другие окольные народы стали притеснять полян; тогда пришли к ним козары и сказали: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали им по мечу от каждого дома. Козары принесли мечи к князю своему и старшинам и сказали: «Вот мы нашли новую дань». Старшины спросили: «Откуда вы это взяли?» «Да вот там, в лесу, на горе, над рекою Днепровскою», – отвечали они. Тогда старцы козарские сказали: «Ох, не хороша эта дань, князь! мы воюем саблями, острыми с одной только стороны, а у этого народа мечи с обеих сторон острые: будут они брать дань и на нас, и на других странах». – Так и сбылось, как предсказали старцы: русские и до сих пор владеют козарами.

В то время, как поляне, северяне и другие племена платили дань козарам, по белке с каждого дома, варяги изза моря брали дань на славянах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом и начали междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо»; – отправили послов к варягам к руси; русью назывались варяги точно так же, как другие зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, пойдите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск; от нихто и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. Двое из них, Аскольд и Дир, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти ко Царюгороду. Идучи вниз по Днепру, они увидели на горе городок и спросили: «Чей городок?» Жители отвечали им: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив; онито и построили этот

город, да после изгибли, а мы вот платим дань козарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть полянами; а Рюрик княжил в Новгороде.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, при царе Михаиле. Царь в их время пошел было войною на аравитян, но, получив весть, что русь идет на Царьград, возвратился. Между тем Аскольд и Дир вошли в Константинопольскую гавань, перебили множество христиан и с двумястами кораблей обступили город. Царь с патриархом всю ночь молились в церкви Влахернской и потом, вынеся ризу богородицы, погрузили ее в воду. До того времени море было тихо; вдруг поднялась буря с ветром, встали волны и разбились русские корабли; очень немногие из Аскольдовых воинов спаслись от такой беды и возвратились в свою землю.

Между тем умер Рюрик, он передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему и сына своего Игоря, который был еще дитя. Собрав много войска, пошел Олег к Смоленску, взял этот город и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз, взял Любеч и посадил в нем также своих мужей. Пришедши к горам Киевским и видя, что Аскольд и Дир княжат, Олег скрыл часть воинов своих в лодках, других оставил позади, а сам пришел, неся малютку Игоря на руках. Он послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы; идем в Грецию от Олега и Игоря; придите повидаться с нами». Аскольд и Дир пришли. Тогда воины повыскакали из лодок, и Олег сказал киевским князьям: «Вы не князья, не княжеского рода, но я княжеского рода, и вот сын Рюриков». Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли там. Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам», – после чего начал строить города и установил дани. Сперва Олег воевал с древлянами и заставил их давать дань по черной кунице. Потом он пошел на северян; победив их, он наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил, сказавши: «Я неприятель им, а с вами у меня нет никакой вражды». Послал и к радимичам спросить: «Кому даете дань?» Они отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне». Радимичи согласились.

В 907 году пошел Олег на греков, а Игоря оставил в Киеве; взял с собою варягов множество, и новгородцев, и чуди, и кривичей, и других народов. Со всеми с ними пошел Олег на конях и в кораблях и пришел к Царюгороду: греки замкнули гавань и затворили город. Олег вышел из корабля, велел корабли вытащить на берег и повоевал городские окрестности. Русские перебили множество греков, разорили дома, пожгли церкви, одним словом, поступили так, как обыкновенно поступают неприятели. Греки, видя все это, испугались, выслали к Олегу из города и сказали ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, драгоценные ткани, плоды и вина. Народ прозвал его *Вещим*.

По смерти Олега начал княжить Игорь, древляне затворились от него; Игорь пошел на них, победил и наложил дань больше, чем Олег. В 941 году пошел Игорь на греков. Болгары послали весть к императору, что идет русь на Царьгород. Русские опустошали азиатские берега до тех пор, пока не пришли греческие воеводы с востока и окружили их со всех сторон. Русские, посоветовавшись, вышли на греков, и, после злой сечи, греки едва могли одолеть. Русские сели ночью в лодки и побежали; но греческий воевода встретил их в лодках с огнем и начал пускать его трубами на русские лодки, так что было страшно смотреть. Русские, увидав пламень, пометались в морскую воду, чтоб уйти какнибудь, и таким образом возвратились домой. Пришедши, каждый рассказывал своим о чудесном огне. «У греков в руках точно молние небесное, которое они пускали и жгли нас; вот почему и не одолели мы их», – говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, начал собирать большое войско и послал звать варягов из моря: он опять хотел идти на греков. В 944 году Игорь в самом деле отправился к Царюгороду в лодках и на конях. Корсунцы, услыхав об этом, послали сказать императору Роману: «Идет русь; кораблей у них множество; покрыли все море корабли». Также и болгары послали весть: «Идут русские, наняли и печенегов». Тогда царь послал к Игорю лучших бояр с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег; придам и еще к той дани». Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и стал думать с нею о предложении царя. Дружина сказала: «Если царь так

говорит, то чего же нам еще больше; без битвы возьмем золото, серебро и дорогие ткани. Ведь неизвестно, кто одолеет – мы или они? с морем нельзя заранее уговориться; теперь мы не по земле ходим, но по глубине морской: здесь одна смерть грозит нам всем». Игорь послушался дружины и велел печенегам воевать Болгарскую землю; а сам, взявши у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад в Киев.

Вслед за князем пришли назад и послы русские и привели с собой послов от греческого царя Романа. Игорь призвал к себе греческих послов и спросил их: «Скажите, что же вам говорил царь?» Послы отвечали: «Вот царь послал нас к тебе; он очень рад миру, хочет мир иметь и любовь с русским князем: твои послы водили наших князей к присяге, и нас послали привести тебя и мужей твоих также к присяге». Игорь обещался исполнить это. На другой день он призвал послов и пошел на холм, где стоял Перун: поклали перед идолом оружие, щиты и золото, и клялись Игорь и все люди его, сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви св. Илии, что над ручьем; то была соборная церковь, потому что многие варяги были уже христиане. Игорь, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их звериными шкурами, рабами и воском. После этого Игорь начал княжить мирно в Киеве; когда же пришла осень, начал задумывать поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. Дружина сказала ему: «Наши товарищи, которые с Свенельдом, богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдем, князь, с нами за данью; и ты добудешь, и мы». Игорь послушался: пошел к древлянам за данью и начал обижать их; побравши дань, пошел было назад в свой город, однако на дороге раздумал и сказал дружине: «Ступайте вы с данью домой, а я возвращусь назад, похожу еще». Как сказал, так и сделал: отпустил дружину домой, а сам с немногими возвратился назад, желая взять еще больше с древлян. Те, услышав, что Игорь опять идет, начали советоваться с князем своим Малом; они говорили: «Поведится волк к овцам, перетаскает все стадо, если не убьют его; так теперь и с нами: если не убьем Игоря, то всех нас погубит». После совещания они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять, ведь ты уже взял всю дань». Но Игорь не послушался их; тогда древляне вышли из города и убили Игоря и дружину его, потому что ее было очень мало.

Глава II

О том, как Ольга отмстила древлянам за смерть своего мужа и установила порядок в земле, как приняла святое крещение, и как сын ее Святослав воевал с разными народами

Услыхав о смерти Игоря, жена его Ольга, вместе с сыном Святославом, собрала большое и храброе войско и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли против нее; когда оба полка сошлись, Святослав бросил копьем в древлян; копье, пролетев между ушей его лошади, ударило ей в ноги, потому что Святослав был еще дитя и не умел владеть копьем. Тогда Свенельд и Асмуд, дядьки Святослава, сказали: «Князь уже начал; пойдем, дружина, за князем». Древляне были побеждены, побежали, затворились в своем городе. Ольга взяла город и сожгла его; старшин городских взяла в плен, а прочих людей иных убила, других отдала в рабство своим приближенным, остальных обложила тяжелой данью. Кончив войну, пошла Ольга с сыном и дружиною по древлянской земле; установила везде дани и оброки. Потом пришла в город свой Киев, и, пробыв здесь год, отправилась к Новгороду, и по дороге устала везде так же оброки и дани.

В 955 году пошла Ольга в Грецию и пришла в Царьгород. Там приняла христианскую веру и, возвратясь в Киев, уговаривала и Святослава креститься; но он и слышать не хотел о том; если же кто другой хотел креститься, то ему не мешали, но только смеялись над ним. Часто Ольга говаривала сыну: «Я рада, что узнала истинного бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь его». Святослав обыкновенно отвечал на это: «Как мне одному принять новую веру? дружина станет смеяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «Если ты крестишься, то и все станут делать то же». Но Святослав не слушался матери и жил по языческим обычаям.

Когда он вырос и возмужал, то начал собирать около себя много храбрых воинов; ходил легко, как барс, и только и делал, что воевал. В походах не возил за собою ни возов, ни котлов и не возил мяса; но, изрезав тонкими ломтиками конское мясо, или какогонибудь другого зверя, или говядину, пек сам на углях и так ел. Шатра у Святослава также не было, а спал он на войлоке, положив седло в головы, точно так же жили и все остальные воины. Он посылал к разным народам сказать им: «Хочу идти на вас». Ходил на Оку и на Волгу; на Оке нашел вятичей и спросил их: «Кому дань даете?» Вятичи отвечали: «Козарам». Тогда пошел Святослав на козар, победил их и взял их город; потом победил ясов и косогов; наконец пошел на Дунай, на болгаров, одолел их, побрал города по Дунаю и сел княжить здесь в Переяславце.

Между тем пришли в первый раз печенеги на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце. Ольга затворилась в Киеве со внуками своими: Ярополком, Олегом и Владимиром. Печенеги обступили город со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни вести послать; народ изнемог от голода и жажды. Жители другой стороны Днепра собрались в лодках, но ни одному из них нельзя было пробраться в город, ни из города к ним. Встужили тогда киевляне и стали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог пройти на ту сторону и сказать им: если завтра никто нас не выручит, то сдадимся печенегам». Вызвался один мальчик и сказал: «Я перейду», – и точно пошел с уздой из города, и ходил между печенегами и спрашивал: «Не видал ли кто его лошади?» (Он умел говорить попеченежски, так что печенеги приняли его за своего.) Когда же он дошел до реки, то скинул платье, бросился в Днепр и поплыл; увидав это, печенеги кинулись за ним и начали стрелять, но не могли уже ему ничего сделать, потому что жители другой стороны Днепра подъехали к нему и взяли его в лодку. Мальчик сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то жители его хотят сдаться печенегам». Тогда воевода, именем Претич, сказал: «Подступим завтра в лодках к городу, схватим княгиню и молодых князей и умчим их на нашу сторону; если же так не сделаем, то Святослав погубит нас». На другой день, сев в лодки на рассвете, начали они громко трубить; а люди в городе отвечали

им радостными кликами. Печенеги подумали, что сам князь пришел, и побежали от города в разные стороны, а Ольга со внуками вышла к лодкам. Увидав это, князь печенежский возвратился один к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» Ему отвечали: «Лодки с той стороны». Князь печенежский спросил опять у Претича: «А ты князь ли?» Претич отвечал: «Я его воевода и пришел с передовыми, а за мною идет полк с князем – бесчисленное множество народа». Все это он наказывал, чтоб испугать печенегов. Тогда печенежский князь сказал Претичу: «Будь мне другом»; Претич отвечал: «Пожалуй». Печенежский князь подарил Претичу коня, саблю и стрелы, а воевода подарил ему броню, щит и меч. Печенеги отступили от города. Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги, вместе с твоею матерью и детьми; если ты не придешь и не оборонишь нас, то нас опять возьмут печенеги: видно, тебе не жаль родной земли, ни материстарухи, ни детей». Услыхав такие вести, Святослав тотчас же сел на коней с дружиною и приехал в Киев: рад он был, что нашел мать и детей своих в безопасности; но очень жалел, что случилась с ними такая беда от печенегов, и, собрав войско, прогнал варваров в степи, после чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу в Киеве; он стал говорить матери своей: «Не нравится мне здесь, хочу жить в Переяславце на Дунае; там середина земли моей; туда привозится все доброе: из Греции идет туда золото, ткани, вина, плоды разные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из Руси звериные шкуры, воск, мед и рабы». Ольга отвечала ему на это: «Разве не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь от меня уйти? похорони меня по крайней мере, а там уже ступай, куда хочешь». Через три дня после этого разговора Ольга умерла; сын, внуки и весь народ горько плакали по ней; потом вынесли тело и погребли. Ольга перед смертью не велела делать над собою тризны¹, потому что при ней был священник, который и похоронил ее.

По смерти матери Святослав посадил Ярополка в Киев, а Олега у древлян. В то же время пришли новгородцы просить также себе князя; они говорили: «Если не пойдете к нам, то найдем себе другого князя». Святослав отвечал им: «Да кто же пойдет к вам?» Ярополк и Олег отказались идти в Новгород. Тогда Добрыня сказал новгородцам: «Просите Владимира». (Добрыня был дядя Владимиру.) Новгородцы так и сделали. Тогда Святослав сказал им: «Вот вам князь, возьмите». Таким образом Владимир пошел в Новгород с дядею своим Добрынею, а Святослав в Переяславец.

Когда пришел Святослав к Переяславцу, то болгары затворились в городе и не пустили его; потом вышли они из города на сечу против русского князя; сеча была злая, и болгары начали одолевать. Тогда Святослав сказал своим воинам: «Видно, уже нам здесь умереть; так станем же биться мужественно, братья и дружина!» К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Мы не сможем бороться с вами; но возьми с нас дань и на дружину свою; для этого скажите, сколько вас, чтобы нам расчесться по числу людей». Греки говорили таким образом, желая обмануть русских. Святослав отвечал им: «Нас двадцать тысяч»; десять тысяч он прибавил, потому что русских всего было десять тысяч. Тогда греки собрали девяносто тысяч войска на Святослава и не дали ему дани; Святослав пошел на греков. Когда же русские увидели против себя такое множество войска, то испугались; Святослав сказал: «Уже нам теперь некуда деться; волею и неволею должны биться; не посраим Русской земли, но ляжем здесь костями; мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас стыд, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим». Русь приготовилась к битве, и была сеча злая. Святослав одолел; греки побежали. Тогда Святослав пошел к Византии, воюя и разбивая по дороге города. Царь созвал бояр своих в палату и спросил: «Что

¹ Тризна – языческий обряд, употреблявшийся при погребении.

нам делать? не можем никак одолеть русских». Бояре отвечали: «Пошли ко Святославу дары, поизведать, на что он больше падок: на золото или на дорогие ткани?» Так и сделали: послали с умным человеком к Святославу золото и ткани, наказавши послу: «Смотри, замечай хорошенько, какими глазами он будет глядеть на подарки». Посол, взяв дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки с поклоном; тогда он сказал: «Введите их сюда». Греки вошли, поклонились и разложили перед Святославом золото и ткани; Святослав, смотря равнодушно по сторонам, сказал слугам: «Спрячьте это». Послы возвратились; царь созвал опять бояр; послы сказали им: «Как пришли мы к Святославу и подали дары, то он и не посмотрел на них, велел только спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Попытайся еще, пошли к нему оружие». Совет был принят, послали к Святославу меч и разное другое оружие; когда же принесли к нему, то он взял, начал хвалить, любоваться и велел благодарить царя. Узнав о таком приеме, бояре сказали царю: «Должен же быть храбр этот человек, когда пренебрегает именем, а берет только одно оружие; делать нечего, приходится дать ему дань». Тогда царь послал сказать Святославу: «Не ходи к городу, но возьми дань, сколько хочешь». Святослав взял богатые дары и возвратился в Переяславец; но, увидав, что дружины осталось мало, начал думать: «Что, если какоюнибудь хитростию перебьют дружину мою и меня? пойти лучше в Русь, привести побольше дружины». Для этого он послал сказать царю: «Хочу иметь с тобою твердый мир». Царь обрадовался и послал ему дары еще больше, чем прежде. Святослав принял дары и начал советоваться с дружиною, причем говорил: «Если не заключим мира с царем и он узнает, что нас мало, то, пришед, обступят нас в городе; а Русская земля далеко; печенеги с нами в войне; кто нам тогда поможет? заключим лучше мир с царем; греки уже взялись давать нам дань: будет с нас; если же перестанут платить, то пойдем опять к Царюгороду, тогда уже возьмем больше войска». Эта речь понравилась дружине.

Заклучив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам. Отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Пойди лучше, князь, на конях, печенеги стоят около порогов». Святослав не послушался его и пошел в лодках. Тогда переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь пешком, с большим именем и с малой дружиною». Услыхав об этом, печенеги заступили пороги, и когда Святослав пришел, то негде уже было пройти. Русские стали зимовать в Белобережьи; съестные припасы у них повышли, и сделался большой голод. Так провел Святослав всю зиму. Весною двинулся он вперед; но печенежский князь Куря напал на него и убил, а Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Глава III

О том, как сыновья Святослава воевали между собою, как Владимир овладел Киевом и как принял христианскую веру

В 975 году сын Свенельда, именем Лют, вышел из Киева в лес на охоту; тут увидал его Олег, князь древлянский, и спросил у своих: «Кто это такой?» Ему отвечали: «Сын Свенельда»; тогда Олег напал и убил Свенельдича за то, что тот охотился с ним вместе в одном лесу. Отсюда пошла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд, желая отомстить за сына, все подготавливал Ярополка: «Пойди на брата и отними у него владение». На третий год Ярополк пошел на Олега, в древлянскую землю; Олег вышел к нему навстречу, и стали биться: князь киевский победил древлянского. Когда Олег с воинами своими бежал в город именем Овручъ, то на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, столпилось множество беглецов, и в тесноте воины спихивали друг друга в ров, в том же числе спихнули и самого Олега; за ним попадало еще много воинов, даже на лошадях, и лошади передавливали людей. Между тем Ярополк вошел в город Олегов, захватил там всю власть и послал искать своего брата; искали, искали – и нигде не нашли; тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера спихнули его с моста». Услыхав это, Ярополк велел искать брата во рву: с утра до полудни вытаскивали трупы изо рва; наконец нашли Олега на самом исподу, внесли во дворец княжеский и положили на ковре. Пришел Ярополк и начал над ним плакать, он говорил Свенельду: «Полюбуйсяка, вот чего тебе хотелось!» Олега погребли у города Овруча. Тогда Владимир, услыхав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море, а Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и владел один на Руси.

В 980 году пришел Владимир с варягами в Новгород и сказал Ярополковым посадникам: «Ступайте к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя; пристроивайся к битве». Отпустив посадников, Владимир сел в Новгороде и послал в Полоцк, к тамошнему князю Рогволоду, свататься на его дочери Рогнеде. Рогволод спросил у дочери: «Хочешь ли выйти за Владимира?» Она отвечала: «Нет, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великого князя киевского». Послы Владимира, возвратясь, пересказали ему всю речь Рогнедину; тогда Владимир, собрав большое войско, варягов и славян, чудь и кривичей, пошел на Рогволода. В то самое время как уже хотели вести Рогнеду к Ярополку, пришел Владимир на Полоцк, убил Рогволода, двоих сыновей его, а дочь взял за себя и пошел на Ярополка.

Когда Владимир пришел к Киеву со множеством войска, то Ярополк не мог противиться ему и затворился в городе с людьми своими и с воеводою Блудом. К этому Блуду Владимир прислал с такими речами: «Возьми мою сторону; если мне удастся убить брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь; ведь не я начал убивать братьев, а он: я же пришел на него из страха, чтоб он и меня не убил». Блуд отвечал послам Владимировым, что будет помогать их князю; и точно, беспрестанно ссылаясь с ним, убеждая приступить к городу, а Ярополка обманывал, мысля убить его; но по причине граждан нельзя было этого сделать. Тогда Блуд замыслил погубить Ярополка коварством и начал отсоветовать ему выходить из города на битву, говоря: «Беги скорее из Киева; киевляне пересылаются с Владимиром, зовут его на приступ к городу, обещаясь предать тебя ему». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод; есть пословица теперь: «Беда точно в Родне». В таких обстоятельствах Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам его не пересилить; заключай скорее мир». Ярополк отвечал: «Хорошо». Тогда Блуд послал сказать Владимиру: «Мысль твоя сбылась; я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядишься как бы убить его». Получив это известие, Владимир пошел на отцовский теремный двор и сел там с дружи-

ною, а Блуд между тем говорил Ярополку: «Ступай к брату и скажи ему: что мне дашь, тем и буду доволен». Ярополк пошел, хотя верный слуга его Варяж и говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополк пришел ко Владимиру и стал входить в двери, то два варяга пронзили его мечами под пазуху, а Блуд между тем захлопнул за ним двери и не дал Ярополковой дружине войти за своим князем; так был убит Ярополк.

После этого варяги сказали Владимиру: «Городто наш; ведь мы его взяли, и потому хотим брать окуп на гражданах, по две гривны с человека». Владимир отвечал им: «Подождите немного, пока сберут деньги за месяц». Варяги ждали, ждали – и ничего не получили; тогда они сказали Владимиру: «Обманул ты нас; позволь нам по крайней мере идти в Грецию». Владимир отвечал: «Ступайте». Потом выбрал из них мужей добрых, смысленных и храбрых и роздал им города; другие же пошли в Царьград, к грекам. Но Владимир еще прежде них послал сказать императору: «Идут к тебе варяги: не держи их в городе, а не то наделают они тебе бед, какие и у нас здесь; лучше разошли их по разным местам, а сюда к нам не пускай ни одного». После этого начал княжить Владимир в Киеве один и поставил разные кумиры на холму, за двором теремным: Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой; кроме него – Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своих и дочерей и приносили жертвы богам: осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но бог не хотел смерти грешникам; на том холме теперь церковь стоит св. Василия; но об этом после скажем, а теперь к прежнему возвратимся.

Пошел Владимир на ляхов и занял города их – Перемышль, Червен и другие, которые и теперь под Русью; победил вятичей и наложил на них дань от плуга, как и отец его брал. Когда князь пришел в Киев и приносил жертву кумирам, вместе с людьми своими, то старцы и бояре сказали: «Бросим жребий на мальчиков и девиц; на кого падет, того и зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; двор его стоял там, где теперь церковь св. Богородицы, построенная Владимиром; варяг этот пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын прекрасный лицом и душою; на него то и пал жребий. Посланные от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «То не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; ни едят, ни пьют, ни говорят; сделаны руками из дерева; бог же один, которому служат греки и кланяются; он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам». Посланные пересказали слова варяга гражданам; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына; нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть pošлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопочете?» В народе раздался яростный крик; толпа бросилась, подрубили сени под обоими варягами; и таким образом убили их, и никто не знает, где их похоронили.

В 988 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий; корсунцы заперлись в городе и крепко оборонялись. Владимир послал сказать им: «Если не сдадитесь, то три года простою здесь»; но они не послушались. Тогда Владимир, устроив свое войско, велел делать насыпи около города; но корсунцы, подкопав городскую стену, уносили насыпанную землю к себе в город. В это время один житель корсунский, именем Настас, пустил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «На востоке от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду». Владимир тотчас велел копать, и точно воду переняли у граждан; тогда последние, изнемогши от жажды, сдались. Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать императорам Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и стольному городу вашему будет то же, что и Корсуню». Оба царя, услышав это, сильно огорчились и отве-

чали: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вместе с нею царство небесное, а с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестры». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон, и мне нравится ваша вера и богослужение». Цари, услыша это, обрадовались и послали ко Владимиру сестру свою, именем Анну, которую насилу уговорили идти; она села на корабль, простилась с родными и с плачем поплыла через море. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался на Анне и пошел с нею в Киев. Пришед туда, он велел повестить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый ли или бедный, тот будет мне противен». Услыхав это, люди шли с радостью, говоря: «Если б эта вера была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее». На другой день Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней – одни по шею, другие по грудь, малолетные у берега, возрастные же дальше, и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы.

Глава IV

О том, как Владимир воевал с печенегами, и о смерти Владимира

Владимир велел строить церкви в Киеве и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры; так поставил он церковь св. Василия на холме, где прежде стоял Перун и где приносили жертвы князь и люди; и по другим городам начал ставить церкви и к ним священников, и людей приводить на крещение по всем городам и селам. Послал также взять у лучших граждан детей и отдать их в книжное ученье; при этом матери плакали по своим детям, как по мертвецах, потому что не были еще утверждены в вере.

В 991 году пошел Владимир на хорватов. Только что возвратился он с Хорватской войны, и вот печенеги пришли с той стороны, от реки Сулы; Владимир пошел против врагов и встретил их на реке Трубеж. Русские стали на этой стороне, а печенеги на той, и не смели ни наши перейти на печенежскую сторону, ни печенеги на нашу. Тогда приехал князь печенежский к реке, позвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина, и я своего – пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года, если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целые три года». После этого разговора князья разошлись розно; Владимир, пришедши к себе в стан, послал кликать по шатрам: «Нет ли такого, кто бы взялся биться с печенегом?» – и не сыскался никто. На другое утро приехали печенеги и привели своего бойца, а у наших никого не было... Стал тужить князь Владимир и послал опять кликать по всему войску; тогда пришел к князю старик и сказал ему: «Князь! вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его: однажды он мял воловью кожу, а я стал его за что-то бранить, так он, рассердясь на меня, прорвал кожу руками». Князь, слыша это, обрадовался и послал за силачом; когда он пришел, то князь рассказал ему в чем дело; тот отвечал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом; но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка, большого и сильного, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь, биться с печенегом». На другое утро пришли печенеги и начали опять кричать: «Что же? нашелся ли боец? а наш уже готов!» Владимир еще за ночь велел своему бойцу вооружиться, и вот оба показались. С печенежной стороны вышел великан, страшный видом; выступил и Владимиров богатырь: он был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов: те схватились и начали крепко щемить друг друга; наш стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир был очень рад, сделал богатыря знатным человеком, и отца его тоже; потом возвратился в Киев с победою и славою великою.

В 995 году опять пришли печенеги к городу Василеву. Владимир вышел против них с малою дружиною, и когда вступил в битву, то не мог удержаться, побежал и едва укрылся от врагов под мостом. Тут обещался Владимир поставить церковь св. Преображения в Василеве, потому что в тот день было Преображение. Избавившись от беды, Владимир точно поставил церковь и сделал большой праздник, наварил меду и созвал бояр своих, и посадников, и старшин из всех городов, и всяких людей много, а нищим роздал триста гривен. Праздновав восемь дней, Владимир возвратился в Киев на Успение Богородицы и тут опять сделал большой праздник, созвав бесчисленное множество народа. Он приказывал всякому, нищему и убогому, приходить на княжий двор и брать все что надобно: питье, кушанье и деньги из казны. Князь говорил также: «Ведь больные и слабые не могут дойти до моего двора» – и потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас

и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» – тем раздавали все это. Каждое воскресенье завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десяцкие, лучшие люди, при князе и без князя; на тех пирах бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вот, бывало, как подопьют, то и начнут роптать на князя, говоря: «Что это наше здесь за житье горькое! дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!» Владимир, услышав ропот, велел подавать серебряные ложки и сказал: «С серебром и золотом не найдешь дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Владимир любил свою дружину и думал с нею обо всяких делах: об устройстве земском, о войнах, об уставах земских. С окольными князьями жил он мирно, и с польским князем, и с венгерским, и с богемским: были между ними мир и любовь.

В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском на печенегов, потому что войны были беспрестанные. В это время печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Белгорода, не давая никому выхода, от чего сделался вдруг большой голод. В такой беде граждане собрали вече и сказали: «Пришлось помереть с голода, а от князя нет помощи; сдадимся печенегам: кого убьют, а кого в живых оставят; нам все равно помирать же голодною смертию». Так и решили. На этом вече не было одного старика, и когда он после спросил: «Зачем это собирали вече?» – то ему отвечали, что завтра хотят сдаться печенегам. Старик послал за городскими старшинами и сказал им: «Что это я слышал, будто вы хотите сдаться печенегам?» Те отвечали: «Да что ж будешь делать? люди не хотят терпеть голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте же меня, не сдавайтесь еще денька три и сделайте так, как я вам скажу». Когда те обещали слушаться его, старик продолжал: «Сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Старшины исполнили его волю. Тогда он велел женщинам сделать раствор, на чем кисель варят; велел также выкопать колодезь, вставить в него кадку и налить ее раствором; велел выкопать и другой колодезь и в него вставить кадку. Потом велел сыскать гденибудь меду; ему принесли его целое лукошко: спрятано оно было в княжеском погребке; старик приказал сделать из него сыту пресладкую и вылить в кадку, которая стояла в другом колодезе. На другой день он велел послать за печенегами; граждане пошли и сказали им: «Возьмите у нас заложников, а сами подите, человек с десять, в город и посмотрите, что у нас делается». Печенеги обрадовались, думая, что хотят им сдаться: взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город проведать, что там такое делается. Когда печенеги пришли в город, то жители сказали им: «Зачем вы себя губите? хоть десять лет стойте под нашим городом, ничего не сделаете: у нас сама земля дает корм; если же не верите, посмотрите своими глазами». Сказав это, привели их к колодезю, где был раствор, почерпнули из него ведром и налили в котлы; когда сварили кисель, то взяли печенегов, и привели к другому колодезю, почерпнули сыты, и начали есть, сперва сами, а потом дали и печенегам. Те удивились и сказали: «Ни за что не поверят наши князья, если сами не отведают». Тогда граждане налили горшок раствора и сыты из колодезца и дали печенегам; те пошли к своим и рассказали им все, что с ними случилось. Князья печенежские сварили себе кисель, поели, подивились, потом собрались и пошли прочь от города.

В 1014 году сын Владимира, Ярослав, который княжил в Новгороде и давал каждый год в Киев по две тысячи гривен, а тысячу раздавал в самом Новгороде дружине, что делали и все прежние посадники новгородские, в этот год вдруг не захотел давать дани отцу своему. Владимир сказал: «Поправляйте дороги и мостите мосты», – потому что хотел идти на Ярослава войною, да вдруг разболелся. Между тем слышали, что печенеги идут на Русь; Владимир выслал против них сына своего Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер.

Глава V

О том, что случилось по смерти Владимира, и о княжении Ярослава

По смерти Владимира в Киеве сел старший сын его Святополк. Он созвал киевлян и начал давать им подарки; киевляне брали, но сердце их не лежало к Святополку, потому что братья их были с Борисом. Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, как вдруг пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». Борис горько плакал, потому что он был у Владимира сын любимый. Отцовская дружина сказала ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе». Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услышав такой ответ, воины разошлись от Бориса, который остался на реке Альте с одними своими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца»; но все это была лесть: он хотел погубить его. Ночью пришел Святополк в Вышгород, тайно призвал Путшу, городских старшин и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Путша и другие вышгородцы отвечали: «Головы свои за тебя сложим». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; те обещали немедленно исполнить его волю. Ночью пришли они к реке Альте, и когда подступили поближе, то услышали, что Борис поет заутреню: к нему уже пришла весть, что собираются погубить его. Помолвившись, он лег на постель, – и вот убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копья и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина. Это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; Борис его очень любил и надел на него большую золотую цепь, в которой он всегда находился при князе; тут же было побито и много других отроков Борисовых. Сам Борис еще дышал, когда убийцы завернули его в шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополк, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его; когда посланные пришли и увидели, что князь еще жив, то один из них вынул меч и пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис; тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви св. Василия. Тогда окаянный Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» Для этого он послал с лестиею к Глебу, веля сказать ему: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. В это же время пришла весть в Новгород к Ярославу, от сестры его Предславы, об отцовской смерти, и Ярослав послал сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, и брат твой убит Святополком». Услышав это, Глеб горько заплакал об отце, но еще больше плакал он о брате. Когда Глеб молился со слезами, внезапно пришли убийцы, посланные Святополком; отроки Глебовы обмерли от страха; окаянный Горясер, один из посланных Святополком, велел тотчас же зарезать князя; повар Глебов, именем Торчин, вынув нож, зарезал своего господина; злодеи возвратились назад и сказали Святополку: «Мы исполнили твою волю».

Этот Святополк окаянный убил и третьего брата, Святослава, послав догнать его, когда тот бежал в Венгрию. После третьего убийства Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русскою землею». Когда еще Ярослав новгородский не знал об отцовской смерти, то, собираясь воевать с Владимиром, призвал множество варягов; эти варяги делали новгородцам большое насилие; новгородцы встали и перебили их. Ярослав рассердился и, зазвав к себе хитростию лучших новгородцев, перебил их всех. Но в ту же самую ночь получил он весть из Киева от сестры Предславы, которая писала: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал; берегись его». На другой день, собрав остаток новгородцев, Ярослав сказал им со слезами: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве да

братьев убивает». Новгородцы отвечали: «Хотя братья наши и перебиты, но все можем стать за тебя». Тогда Ярослав собрал войско и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но он; пусть будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что Святополк без вины пролил кровь праведного Бориса и Глеба: что ж, он, пожалуй, и со мной то же сделает?» Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, пристроил множество войска, руси и печенегов, и вышел к Любечу.

Оба брата стали, один по сю, другой по ту сторону Днепра, но ни тот, ни другой не смели начать битвы, и так стояли три месяца друг против друга. Тогда Святополков воевода, едзя возле берега, начал укорять новгородцев; он кричал им: «Что вы пришли с вашим хромым князем? ах, вы, плотники! вот мы заставим вас строить нам хоромы!» Услыхав такую брань, новгородцы сказали Ярославу: «Завтра переведемся на ту сторону; если же кто не пойдет с нами, того сами убьем». В это время уже настали морозы; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною; а Ярослав, рано утром оставив свою дружину, на рассвете перевезся на другую сторону реки. Когда новгородцы вышли на берег, то оттолкнули лодки и ударили на врагов. Сеча была злая; печенегам нельзя было озером помочь Святополку, и новгородцы притиснули неприятелей к озеру; те сошли на лед, лед под ними подломился, и Ярослав начал одолевать. Тогда Святополк побежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

В 1018 году пришел Болеслав, король Польский, с Святополком на Ярослава. Ярослав собрал русь, варягов, славян и пошел навстречу к Болеславу; враги стали по берегам реки Буга. У Ярослава был воспитатель и воевода именем Будый; он начал смеяться над Болеславом, говоря: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!» Болеслав был велик и тяжел, так что насилу мог сидеть на коне, но был смышлен; услышав насмешки, он сказал дружине своей: «Если вы можете терпеть такой укор, то я один пойду на врагов и погибну». Сказав это, он сел на коня и въехал в реку, за ним бросилось и войско его. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только с четырьмя мужами в Новгород, а Болеслав пошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда бежать за море, то посадник Константин с новгородцами рассек лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и Ярослав собрал много войска. Болеслав в это время сидел в Киеве, и дружина его была разведена по городам; окаянный Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам бейте их»; и поляков перебили. Тогда Болеслав побежал из Киева, взяв имение и бояр Ярославовых, и всяких людей множество повел с собою в плен, занял и города Червенские. Святополк же начал княжить в Киеве и, услышав, что Ярослав идет на него, убежал к печенегам.

В 1019 году пришел Святополк с печенегами в силе тяжкой; Ярослав, также собрав множество войска, вышел против него на реку Альту, и покрылось Альтское поле толпами воинов. Была тогда пятница, только что показалось солнце, враги сошлись; сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; секлись, схватывая друг друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удолям; к вечеру одолел Ярослав, и Святополк бежал.

В 1022 году брат Ярослава Мстислав, который княжил в Тмутаракани, пошел на косогов. Косожский князь Редедя вышел против него с войском, и когда оба, исполчившись, стали друг против друга, то Редедя сказал Мстиславу: «Для чего нам губить дружину? Сойдемся лучше сами бороться, и если ты одолеешь, то возьмешь все мое имение, и жену, и детей моих, и землю мою; если же я одолею, то возьму все твое». Мстислав согласился. Тогда Редедя сказал: «Будем бороться без оружия», – и начали бороться крепко и уже долго боролись; когда Мстислав стал изнемогать, потому что Редедя был велик и силен, то сказал: «Пречистая Богородица, помоги мне; если одолею врага, то построю церковь в твое имя». Сказав это, он ударил Редедию об землю, вынул нож и зарезал его; потом пошел в его землю, взял все имение, жену, детей и

наложил дань на косогов; когда же пришел в Тмутаракань, то заложил церковь св. Богородицы и построил ее.

В 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани к Киеву, и не приняли его киевляне; тогда он пошел и сел в Чернигове, а Ярослав все был в Новгороде. Услыхав о приходе Мстислава, он послал за море звать варягов, и вот пришел к нему слепой Якун с варягами. Тогда Ярослав пошел с ним на Мстислава, и оба брата сошлись при Листвене. Мстислав с вечера исполнил дружину и поставил северян в середине против варягов, а сам стал с дружиною своею по бокам. Ночь была претемная, с молниею, громом и дождем; тогда Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них!» Враги сошлись; северяне схватились с варягами; и когда варяги утомились, поражая северян, тогда наступил на них Мстислав с дружиною и начал бить варягов. Сильная была сеча! Как осветит молния, так и заблестит оружие; и гроза была большая, и сеча была сильная и страшная. Когда Ярослав увидел, что побежден братом, то побежал вместе с Якуном: Ярослав пошел в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на другой день, на рассвете, видя трупы своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не порадуется? вот лежит северянин, а вот варяг; а дружина моя цела». После победы Мстислав послал сказать Ярославу: «Сядь в своем Киеве: ты старший брат, а мне будет эта сторона». На другой год Ярослав заключил мир с братом, и разделили Русскую землю по Днепр: Ярослав взял правую сторону, а Мстислав левую, и начали жить мирно, в братолюбьи, усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина в земле. В 1036 году Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер; положили его в церкви св. Спаса, в Чернигове, которую сам построил. Мстислав был полон, красноват лицом, с большими глазами; был храбр на войне, милостив, очень любил дружину, не щадил для нее ни имения, ни еды, ни питья. Владение его досталось Ярославу, и стал Ярослав самовластцем в Русской земле.

В 1043 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате. Вот и пошел Владимир в лодках; пришли в Дунай, а отсюда отправились к Царюграду. Вдруг поднялась большая буря и русские корабли разбило, князя Владимира взял к себе в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов; прочие же воины, числом 6000, выброшены были на берег и хотели идти в Русь, но никто из дружины княжеской не хотел идти с ними. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; останусь жив, хорошо, а погибну, все лучше, с дружиною». Когда к грекам пришла весть, что русские корабли разбиты бурей, то царь, именем Мономах, послал свои корабли вслед за неприятелем. Владимир, видя с дружиною, что за ними погоня, обратился назад, разбил греческие корабли и пришел в Русь; но Вышату с остальным войском греки взяли в плен и привели к Царьграду, где много русских ослепили; только уже через три года, когда заключен был мир, пустили Вышату в Русь к Ярославу.

В 1054 году умер великий князь русский Ярослав. Еще при жизни он урядил сыновей своих, сказав им: «Вот я отхожу из этого света, дети мои; любите друг друга, потому что вы дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно; если же станете ненавидеть друг друга, жить в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которую они достали себе трудом великим. Но живите мирно, слушаясь брат брата. Вместо себя поручаю Киев старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: он будет вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленск». Так поделил он между ими города, заказав им не вступаться в братние области и не выгонять друг друга, а Изяславу сказал: «Если кто вздумает обижать брата своего, то ты помогай обиженному». Ярослав умер в Вышегороде; при нем был тогда третий сын его, Всеволод, которого он любил больше всех и держал всегда при себе. Всеволод положил тело отца своего в сани и повез в Киев; по дороге священники пели обычные песни, а народ провожал

с плачем; привезши в Киев, положили его в мраморном гробе, в церкви св. Софии, и плакали по нем Всеволод и все люди.

Глава VI

О княжении Изяслава Ярославича

Когда Изяслав, по смерти отца, начал княжить в Киеве, то племянник его Ростислав, сын Владимира Ярославича, побежал в Тмутаракань и выгнал оттуда Глеба, сына Святослава Черниговского. Святослав пошел к Тмутаракани на Ростислава, и тот вышел вон из города, не потому, что испугался его, но потому, что не хотел поднять оружия против родного дяди. Святослав, пришед в Тмутаракань, посадил там опять сына своего Глеба и пошел назад домой в Чернигов; но как скоро он удалился, то Ростислав пришел опять, выгнал Глеба и сел в Тмутаракани. Утвердившись здесь, он стал брать дань у кософов и в других странах. Греки испугались и подослали корсунского правителя известить князя коварством. Правитель пришел к Ростиславу; тот совершенно вверился ему и начал оказывать большую честь. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною, грек сказал ему: «Князь! хочу пить за твоё здоровье»; Ростислав отвечал: «Пей». Грек выпил половину чаши, а другую половину подал выпить князю; но прежде незаметно обмакнул в чашу палец, а под ногтем у него был яд, который должен был подействовать в седьмой день. Когда князь выпил свою долю, то отравитель скрылся и, приехав в Корсунь, объявил, что в тот день умрет Ростислав, как и случилось. Ростислав был муж доблестный, воинственный, телом строен, красив лицом и милостив к убогим.

В 1066 году начал войну Всеслав, князь полоцкий, и занял Новгород; трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши войско, пошли на Всеслава, когда на дворе стояли страшные морозы. Ярославичи пришли к Минску; жители его затворились в городе; но князья взяли Минск, перебили мужчин, жен и детей повели в полон и пошли к реке Немизе. Всеслав вышел к ним навстречу. Враги сошлись на Немизе; глубокие снега лежали на полях; несмотря на то, однако, войска пошли друг против друга, и была злая сеча; много людей пало с обеих сторон, но Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Потом Изяслав, Святослав и Всеволод поцеловали Всеслава крест и сказали ему: «Приди к нам, мы не сделаем тебе никакого зла». Всеслав понадеялся на крестное целование и переехал в лодке через Днепр. Но Изяслав нарушил клятву: схватив Всеслава в своем шатре, привез в Киев и посадил в темницу, вместе с двумя сыновьями. В следующий год пришли иноплеменики на Русскую землю, половцы, большими толпами. Изяслав, Святослав и Всеволод вышли к ним навстречу на реку Альту, ночью произошла битва; половцы победили, и русские князья обратились в бегство: Изяслав с Всеволодом побежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Когда киевляне прибежали в свой город, то созвали вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы рассеялись по земле; дай нам, князь, оружие и коней; хотим биться с ними». Князь не послушал их. Тогда люди начали кричать на воеводу Коснячка; пошли с вече на гору, пришли на двор к Коснячку и, не нашедши его дома, остановились у двора Брячиславова и сказали: «Пойдем, высадим дружину свою из тюрьмы». Толпа разделилась надвое: одни пошли к тюрьме, а другие по мосту, на княжеский двор. Изяслав сидел тогда на сених с дружиною и начал спорить с народом: народ стоял внизу, а князь смотрел из окошка с дружиною. Тогда один из бояр сказал Изяславу: «Видишь, князь, народ так и взвыл, пошли постеречь Всеслава, а то долго ль до беды». Не успел он еще договорить, как другая половина народа пришла от тюрьмы, отворивши ее; тогда дружина начала говорить князю: «Беда теперь! пошли когонибудь к Всеславу, чтоб хитростью приманил его к окну и пронзил мечом». Князь не послушался. Тогда в толпе народа раздался крик, и все двинулись к темнице Всеслава. Изяслав, увидав это, побежал вместе с братом Всеволодом, а народ выпустил Всеслава из темницы и поставил его среди княжеского двора; имение Изяслава было разграблено, он убежал в Польшу. Между тем половцы воевали по Русской земле; когда они стали опустошать окрестности Чернигова, то Святослав собрал несколько дружины и вышел

против них. Увидав множество половцев, выстроившихся на битву, Святослав сказал дружине: «Станем крепко, ведь нам теперь некуда деться», – и русские поскакали на врагов; Святослав одолел с своими тремя тысячами, тогда как половцев было двенадцать тысяч; одни из них были побиты, другие потонули в реке, а князя их поймали руками живого. Таким образом Святослав возвратился с победою в свой город.

В 1068 году пошел Изяслав с Болеславом, королем Польским, на Всеслава; тот вышел против них; но когда прибыл в Белгород, то ночью тайком от киевлян бежал в Полоцк. Киевляне, увидав на другой день, что князь убежал, возвратились в Киев, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Мы сделали дурно, что прогнали своего князя; но вот он ведет теперь на нас поляков; ступайте в город отца вашего; если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем свой город, да и уйдем в греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату; если он пойдет с поляками губить вас, то мы выступим против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же он захочет мира, то придет с малою дружиною». Этими словами князья утешили киевлян. В самом деле, Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав убежал; не води поляков в Киев: там тебе не будут противиться; если же ты все еще сердисься и хочешь изгубить город, то знай, что мы пожалеем отцовского стола». Услыхав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взявши только маленький отряд войска; но наперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, пришедши в город, умертвил тех, которые освободили Всеслава, числом 70 человек, других ослепил, иных погубил и без вины, не исследовав дела. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и с честью приняли своего князя.

В 1073 году встала распря между братьями Ярославичами: Святослав соединился со Всеволодом на Изяслава; последний принужден был выйти из Киева, и младшие братья вошли туда, нарушив завещание отцовское. Святослав был всему виною: желая иметь больше власти, он стал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится со Всеславом, мысля на нас зло; если не предупредим его, то прогонит он нас». Такими речами возбудил Святослав Всеволода на Изяслава. Последний отправился, как и прежде, в Польшу, взявши с собою большие сокровища. Он говорил: «С деньгами я найду себе войско»; но ошибся: поляки обобрали у него имения и показали путь от себя.

В 1076 году умер Святослав Ярославич и его место занял Всеволод; но в следующем же году явился Изяслав с поляками; Всеволод пошел к нему навстречу на Волынь: здесь братья заключили мир, и Изяслав сел опять в Киеве. Скоро, однако, племянники его, которым он не дал областей – Олег Святославич и Борис Вячеславич, – привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; тот вышел против них и был побежден. Олег и Борис пришли в Чернигов, думая, что одолели дядю, и начали делать много зла Русской земле, проливая кровь христианскую. Разбитый Всеволод пришел к брату Изяславу, в Киев; когда братья поздоровались и сели, то Всеволод рассказал все, что с ним случилось. Изяслав отвечал ему на это: «Не тужи, брат! ты знаешь, сколько и со мною самим случилось бед: прежде всего не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имение? и потом в чем я провинился, а между тем былтаки изгнан вами! не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего имущества? а видит бог, что зла я не сделал никакого; и теперь, брат, не будем тужить; если остались в Русской земле, то оба останемся; если же лишать нас ее, то обоих вместе: я сложу за тебя свою голову». Сказавши это, он утешил Всеволода и велел собирать войско, от мала до велика, после чего выступили в поход – Изяслав с сыном своим Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром. Когда племянники услышали, что дяди идут на них, то Олег сказал Борису: «Нам нельзя идти к ним навстречу, нельзя стать против четырех князей, пошлем лучше к дядям просить мира». Борис отвечал: «Ты только смотри, а я один пойду на них всех». Как сказал, так и сделал: у села Нежатины Нива сошлись дядя с племянниками, и была сеча злая: сперва убили Бориса, сына Вячеславова, который

так много прежде хвалился, потом убит был и великий князь Изяслав; несмотря на то, однако, брат его Всеволод остался победителем, и Олег едва успел убежать в Тмутаракань.

Когда тело Изяслава привезено было в лодке, то вышел к нему навстречу весь Киев; священники и монахи с песнями понесли его в город, но песен было не слышать от плача и от воплей, потому что плакал по нем весь Киев; сын его Ярополк шел позади его тела, плакал с дружиною и приговаривал: «Батюшка, батюшка! много ли пожил ты без печали на свете? много напастей принял ты от людей своих и от братьев своих; но вот теперь погиб ты не от брата, а за брата положил голову свою». Изяслав был взрачен и высок ростом; нравом незлобив, коварство ненавидел, любил правду, лести в нем не было, ум имел простой и не платил злом за зло. Как с ним поступили киевляне! самого выгнали, дом разграбили, однако он не отплатил им злом за зло. Если кто скажет: а как же он перебил тех, которые освободили Всеслава из темницы? – Но ведь то не сам он сделал, а сын его. Потом прогнали его родные братья, и он скитался по чужой земле; когда же снова сел на столе своем и побежденный Всеволод пришел к нему, то Изяслав не сказал брату: «А я сколько от вас натерпелся?» – не отплатил злом за зло, но утешил, говоря: «Как ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим, так и я теперь не помяну первого зла; мы братья родные, и я положу голову свою за тебя», что и случилось на самом деле; не сказал он ему: «Сколько зла наделали вы мне, и вот теперь с тобою то же случилось»; не сказал: «Ступай от меня, ищи помощи, где хочешь»; но взял на себя печаль братнюю и великую показал любовь, поступив по «Апостолу», который велит утешать печальных.

Глава VII

О княжении Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича

По смерти Изяслава Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, взяв один все владения русские. В 1093 году он умер. Этот князь из детства был боголюбив, любил правду, раздавал большую милостыню нищим, чтит духовенство, особенно же любил монахов, был очень воздержен, за что отец любил его больше всех других сыновей и обыкновенно говаривал ему: «Радуюсь, слыша о твоей кротости и видя, как ты покоишь мою старость; если, бог даст, сядешь на моем столе, после братьев своих, как следует по порядку, а не насилием, и когда бог пошлет тебе кончину, то ляжешь там же, где и я, у моего гроба, потому что люблю тебя больше всех других твоих братьев». Когда Всеволод начал княжить в Киеве, то забот стало у него больше, чем когда он княжил в Переяславле, потому что племянники беспрестанно докучали ему, все просили областей, тот ту, другой другую; великий князь только и знал, что мирил их да раздавал волости; а тут начались болезни разные, к ним приспела и старость; Всеволод начал любить молодую дружину и с нею обо всем советоваться, а молодые стали отводить его от старой дружины и наговаривать ему на нее; в судах пошли притеснения; наместники стали грабить людей, брать с них взятки, а великий князь ничего об этом не знал в своих болезнях.

По смерти Всеволода сын его Владимир Мономах стал думать: «Если сяду на престоле отца своего, то будет у меня непременно война с Святополком потому, что Киев прежде принадлежал отцу его». Размыслив таким образом, он послал за Святополком в Туров; а сам пошел в Чернигов. После Светлого Воскресенья пришел Святополк в Киев; киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и приняли его с радостью. В это время пошли половцы на Русскую землю и, услышав, что Всеволод умер, отправили послов к Святополку просить мира. Святополк не посоветовался с старшею дружиною отцовскою и дядиною, а только с дружиною, которая пришла с ним из Турова, и, по совету последней, схватив половецких послов, посадил их под стражу: это раздражило половцев, и они рассеялись всюду для войны и грабежа. Тогда Святополк испугался и выпустил послов, желая мира, но уже теперь половцы не хотели мириться и продолжали опустошать Русь. Святополк начал собирать войско, думая идти на врагов; тогда умные бояре сказали ему: «Куда тебе против них! посмотри, как у тебя мало войска»; Святополк отвечал: «У меня 800 отроков, довольно будет: могут стать против половцев»; и несмысленные советники также подстрекали его: «Ступай, князь, нечего бояться». Но благоразумные бояре твердили свое. «Если бы ты собрал 8000, – говорили они, – и то было бы мало: наша земля оскудела от войны и от налогов; пошли лучше к брату своему Владимиру за помощью». На этот раз Святополк послушался их, послал к Владимиру за помощью, и тот немедленно собрал войско. Когда он пришел в Киев и соединился с Святополком, то между князьями начались распри; тогда умные бояре стали говорить им: «Что вы тут ссоритесь, а враги между тем губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против половцев, либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк войны; когда русские полки пришли к реке Стугне, то и тут Владимир говорил, что надобно мириться; с ним согласны были все умные и опытные мужи, но киевляне не захотели мира и перешли Стугну в самое половодье. Вот и половцы показались с стрельцами наперед, они напали прежде всего на Святополка и стеснили отряд его; сам Святополк стоял крепко, но люди его побежали и увлекли князя. Потом враги наступили и на Владимира; брань была лютая; побежал и Владимир с братом Ростиславом. Когда оба брата стали переправляться через реку Стугну, то Ростислав начал утопать перед глазами Владимира, тот ринулся подхватить брата и едва сам не утонул, а Ростислава не спас. С малою дружиною переправился Владимир через реку, потому что много простых людей и бояр потерял он в битве; переправившись на ту сторону Днепра, горько плакал

он по брате своем и по дружине своей и печален возвратился в Чернигов; а половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле. Много христиан пострадали в то время; печальные, истерзанные, в страшный холод, в оковах, томимые голодом и жаждою, с бледными лицами, шли русские пленники неизвестною странюю, наги и босы, ноги их были исколоты тернием; со слезами и вздохами несчастные спрашивали друг друга о родной стране; один говорил: я из такого города, а другой: я из такойто веси.

В 1094 году Святополк заключил мир с половцами и взял за себя дочь их князя Тугоркана. В тот же год пришел к Чернигову Олег Святославич с половцами из Тмутаракани; Владимир затворился в городе; неприятели выжгли окрестности и монастыри; и наконец Владимир заключил мир с Олегом и пошел в отцовский город Переяславль, а Олег стал княжить в Чернигове. В 1096 году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев; там мы урядимся о Русской земле перед епископами, игуменами, перед боярами отцов наших и перед людьми городскими: пора нам приняться всем сообща оборонять Русскую землю от поганых». Но Олег загордился и отвечал: «Неприлично мне стать на суд пред епископами и чернию», – и не захотел идти к братьям своим, послушавшись злых советников. Тогда Святополк и Владимир послали сказать ему: «Вот ты не идешь на врагов и не едешь к нам на совет: ты мыслишь на нас зло и хочешь помогать половцам: бог рассудит между нами». Оба князя пошли к Чернигову, откуда Олег бежал в Стародуб: осажденный и здесь двоюродными братьями и доведенный до изнеможения, Святославич запросил мира, Святополк и Владимир отвечали ему: «Ступай к брату своему Давиду, и приходите оба в Киев, стольный город отцов наших и дедов наших; это старейший город во всей земле; здесь должно нам сойтись и урядиться обо всем».

В 1097 году съехались в Любеч Святополк, Владимир, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид Святославич и брат его Олег; князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами поднимая вражду друг на друга? а половцы несут нашу землю розно и рады, что между нами идут войны; отныне будем сообща, одним сердцем, охранять Русскую землю, и пусть каждый из нас держит свою отчину». Князья целовали крест на том, что если ктонибудь из них вооружится на другого, то все должны восстать на зачинщика. Из Любеча Святополк с Давидом возвратились в Киев; тогда некоторые мужи из дружины Давида стали говорить своему князю: «Владимир соединился с Васильком на тебя и на Святополка». Давид поверил лживым словам, пошел к Святополку и начал наговаривать ему на Василька. «Вспомни, – говорил он великому князю, – кто убил брата твоего Ярополка, разве не Ростиславичи, Василько с братьями? а теперь Василько мыслит на тебя и на меня, соединившись с Владимиром; промышляй о своей голове!» Святополк сильно смутился от этих речей. «Как узнать, – думал он, – правда это или ложь?» Вспомнил он о брате Ярополке, и жаль стало ему брата: потом стал думать и о себе: «Ну как в самом деле это правда, что говорит Давид?» Кончилось тем, что он поверил наговору. Тогда Давид начал опять говорить ему: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». Святополк согласился, что надобно схватить Василька.

В это самое время приехал Василько в Киев; помолвившись и поужинавши в Выдубицком монастыре, он хотел было уже на другой день отправиться в свою область, как Святополк прислал сказать ему: «Не ходи от моих именин». Василько отказался, говоря: «Нельзя мне медлить, неравно дома начнется война». И Давид от себя прислал упрасивать его остаться: «Не ходи, брат, не ослушайся брата старшего», – но Василько и тут не послушался. Тогда Давид сказал Святополку: «Видишь, теперь он в твоём городе и знать тебя не хочет; что же будет, как уедет в свою область? увидишь, как займет все твои города; тогда помянешь меня – призови киевлян, вели схватить его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин моих, то зайди хоть нынче повидаться со мною, и посидим все вместе с Давидом». Василько обещался прийти, не подозревая дурного умысла; он уже сел на коня и поехал, как вдруг на дороге встретился ему один из молодых его дружин-

ников и сказал: «Не езд, князь, хотят тебя схватить». Василько не послушался его, подумав: «Как им меня схватить! разве они не целовали креста, что если кто вооружится на брата, то все будут на зачинщика». Помыслив таким образом, Василько перекрестился и сказал: «Воля господня да будет!» Когда он приехал с малою дружиною на княжеский двор, то Святополк вышел к нему навстречу, и вместе вошли в комнату, куда пришел скоро и Давид. Святополк начал опять уговаривать Василька остаться на праздник; тот отвечал попрежнему: «Не могу остаться: я уже велел обозу моему идти вперед». Между тем Давид сидел, как немой. Святополк снова обратился к Васильку и просил его по крайней мере позавтракать у него. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите вы здесь вдвоем, а я пойду распоряжусь завтраком» – и вышел вон, а Давид с Васильком сели. Василько начал было разговор, но у Давида точно не было ни ушей, ни языка: так он перепугался своего замысла. Посидевши немного, Давид спросил: «Где брат?» Ему отвечали: «Там стоит в сених». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним, а ты, братец, посиди» – и вышел. Как скоро Давид вышел, Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили стражу на ночь.

На другое утро Святополк созвал бояр и киевлян и объявил им, что сказал ему Давид, будто Василько убил его брата и сговаривался на него с Владимиром, хотел убить его и овладеть его городами. Бояре и граждане отвечали: «Тебе, князь, должно беречь свою голову; если Давид сказал правду, то пусть Василько примет казнь; если же Давид оклеветал его, то пусть клеветник примет месть от бога; и отвечает пред ним». Но игумены, узнав, что случилось на княжеском дворе, стали просить Святополка за Василька; великий князь отвечал им: «Это все Давид наделал». А Давид, узнав о расположении духовенства и граждан, начал подумывать Святополка на ослепление. «Если ты этого не сделаешь, – говорил он, – а отпустишь Василька, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить пленника, но Давид никак не хотел этого, потому что сильно боялся Василька. В ту же ночь последнего повезли в Белгород и там ослепили.

Владимир Мономах, услышав, что Василько схвачен и ослеплен, ужаснулся горько; заплакал и сказал: «Никогда еще такого зла не бывало в Русской земле, ни при дедах, ни при отцах наших». Он тотчас велел повестить Давиду и Олегу Святославичам: «Ступайте к Городцу, чтоб поскорее поправить зло, которое случилось в Русской земле: нож ввергнут среди братий; если мы не исправим этого зла, то еще больше встанет среди нас: начнет брат убивать брата, и погибнет Русская земля; враги наши, половцы, придут и возьмут родную страну нашу». Давид и Олег также сильно опечалились и горько плакали о несчастье Василька. «Не было еще такого злодейства в роде нашем», – говорили они, собрали войско и пришли ко Владимиру. Трое князей, Владимир, Давид и Олег, послали сказать Святополку: «Для чего сделал ты такое зло в Русской земле и ввергнул нож среди нас? за что ослепил брата своего? если б он был виноват в чемнибудь, то ты б обличил его перед нами и, доказав вину, поступил бы с ним как следовало, а теперь объяви нам его преступление, за которое он потерпел такую ужасную казнь?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка, да и меня хотел убить и занять волость мою, и что будто они уговорились с Владимиром: Владимиру сесть в Киеве, а Васильку на Волыни; мне ведь надобно беречь свою голову, да и не я же ослепил Василька, а Давид – он повел его к себе». Послы союзных князей сказали на это Святополку: «Ты этим не оправдывайся, что Давид ослепил его: не в Давидове городе был он схвачен и ослеплен, а в твоём». На другое утро союзники намеревались уже переправиться за Днепр на Святополка, и тот хотел уже бежать из Киева, но киевляне не пустили его и послали жену покойного великого князя Всеволода да митрополита Николая ко Владимиру с такими речами: «Князь, молим тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли; если начнете рать между собою, то половцы станут радоваться и возьмут землю нашу, которую отцы ваши и деды стяжали трудом великим и храбростию, поборая по Русской земле; они приискивали чужие земли, а вы хотите погубить и русскую». Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «В

самом деле отцы наши и деды сберегли Русскую землю, а мы хотим погубить ее», – союзные князья преклонились на просьбу княгини и митрополита и заключили мир с Святополком на том условии, чтобы последний шел с войском на Давида, и либо взял его в плен, либо выгнал из Русской земли.

Между тем Василько содержался в плену во Владимире Волынском; Давид, услышав, что князья поднялись на него за Василька, послал уговаривать слепца, чтоб тот примирил его с рассерженными родственниками, обещая дать ему за это любой город. Василько попросил посланного остаться у себя и, выслав вон слугу, начал говорить ему: «Слышу, что Давид хочет выдать меня полякам; видно, мало еще он напился моей крови, когда хочет выдать меня им, потому что я много наделал зла полякам и еще больше хотел сделать, мстя за Русскую землю. Если он выдаст меня ляхам, то не боюсь смерти; но вот что скажу тебе: поистине наказал меня бог за мою гордость; как пришла весть, что идут ко мне берендеи, печенег и торки, то я и начал думать: вот как будут у меня берендеи, печенег и торки, то скажу братьям своим Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте себе и веселитесь спокойно; я думал: наступлю зимою на землю польскую, а на лето повоюю ее всю и отомщу за Русскую землю; потом хотел я покорить болгар дунайских и поселить их у себя; затем хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев, чтоб сыскать себе славу либо сложить голову за Русскую землю. Но клянусь богом и его пришествием, что у меня не было никакого умысла на Святополка и Давида, а низложил меня бог и смирил за мою гордость».

После долгой войны за Василька в 1100 году князья Святополк, Владимир, Давид и Олег снова съехались вместе; пришел к ним и Давид Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? вот я пришел; у кого на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал нам сказать: хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды, вот теперь ты пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре: что ж не жалуешься, кто из нас тебя обидел?» Давид не отвечал ни слова. Тогда все братья встали, сели на коней, разъехались, и каждый стал советовать о Давиде с своею дружиною; а Давид Игоревич сидел особо вдали, и никто не допускал его к себе. Посоветовавшись, князья послали мужей своих сказать Давиду: «Вот что говорят тебе братья: не хотим дать тебе стола Владимирского на Волыни; потому что ты ввергнул среди нас нож, чего прежде не бывало в Русской земле; мы не хотим тебя схватить, не хотим сделать тебе никакого зла; но вот Святополк дает тебе четыре города, а Владимир от себя 200 гривен, да Давид и Олег Святославичи также 200 гривен». Тем и покончили дело.

В 1111 году вложил бог Владимиру в сердце пойти на половцев. Он объявил о своем намерении Святополку, а тот сказал дружине; дружина отвечала: «Не время весною идти в поход: отнимешь только земледельцев от работ». Тогда Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною». Владимир приехал, и сели в одном шатре: Святополк с своею дружиною, а Владимир с своею, и все молчали; наконец Владимир сказал: «Брат! ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить: против меня будет и твоя и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить земледельцев, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что земледельцев жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет земледелец пахать с лошадыю, и приедет половчин, ударит мужика стрелою, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно запалит, об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобою, братец!» Во вторую неделю поста двинулись князья в поход и на шестой неделе, во вторник пришли к Дону; здесь они исполнились и пошли к городу Шаруканю; жители вышли из города, поклонились русским князьям, вынесли им рыбу и вино. На другой день в среду пошли к городу Сугрову и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу 24 марта собрались половцы, изрядили полки свои и пошли на бой. Князья наши, положив надежду на бога, сказали: «Умрем здесь, но станем крепко!» – и простились друг с другом. Бой был крепкий, и бог помог русским кня-

зьям: иноплеменники были побеждены. В понедельник на страстной неделе опять собралось множество половцев, и выступили они, как боровы великие, и тьмами тем оступили русские полки. Но и тут господь бог послал ангела на помощь русским князьям, и попадали половцы перед полком Владимировым. Князья взяли большую добычу и возвратились домой с великою славою; молва о походе их прошла и в дальние стороны: к грекам, венграм, полякам и чехам и даже достигла Рима.

Глава VIII

О княжении Владимира Мономаха и сыновей его, Мстислава и Ярополка

В 1113 году умер великий князь Святополк; княгиня его раздала по монастырям, священникам и нищим большое богатство, на диво всем: еще никто не раздавал такой милостыни. На другой день киевляне собрались на вече и послали сказать Владимиру: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский». Услыхав о смерти Святополка, Владимир горько заплакал и не пошел в Киев, жалея о смерти брата. Тогда киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты; потом пошли на жидов, и их пограбили, и послали опять ко Владимиру сказать ему: «Ступай, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла будет: разграбят не один Путятин двор, соцких и жидов, достанется и вдове покойного князя, боярам и монастырям, и ты, князь, дашь ответ, если монастыри пограбят». Услыхав это, Владимир пошел в Киев; митрополит Никифор, епископы и все киевляне встретили его с великою честью; Мономах сел на стол отца своего и дедов своих; и все люди были рады, и мятеж утих. В 1126 году преставился благоверный, христолюбивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю; он просветил ее, подобно солнцу, испускающему лучи свои; слава его пронеслась по всем странам, особенно был он страшен половцам. Тело его положили у св. Софии, подле отца, Всеволода; святители плакали по святом и добром князе, плакал весь народ, все люди, как дети по отце или по матери.

По смерти Мономаха Мстислав, старший сын его, сел на столе киевском. В его княжение Всеволод Ольгович Черниговский захватил врасплох дядю своего Ярослава в Чернигове, а дружину его ограбил и перебил; но когда услышал, что великий князь Мстислав с братом Ярополком собираются идти на него войною, то испугался, послал к половцам за помощью, а Ярослава отпустил в Муром. Половцы пришли, стали за рекою Вырем и отправили послов к Всеволоду; но посадники Ярополковы перехватили послов. Тогда половцы, не получая никаких вестей от Ольговичей, бежали к себе домой. Мстислав начал сильно наступать на Всеволода, попрекая ему: «Ты привел половцев, да что взял?» Всеволод, видя беду, стал упрашивать великого князя, чтобы помирился с ним; в то же время подучивал и бояр Мстиславовых, давал им большие дары и своими происками дотянул время до зимы. Тогда пришел и Ярослав из Мурома в Киев; он кланялся Мстиславу и упрашивал его. «Ведь ты дал мне слово, – говорил он ему, – пойти на Всеволода: поди же теперь». Но Всеволод также не переставал упрашивать Мстислава о мире. В это время был игуменом в монастыре у святого Андрея Григорий, которого прежде любил Владимир Мономах, да и Мстислав и все люди очень уважали его. Этот Григорий никак не давал великому князю встать ратью на Всеволода за Ярослава; он говорил ему: «Меньше тебе будет греха нарушить крестное целование и не встать ратью, чем пролить христианскую кровь». Созвали и собор из всех священников (митрополита в то время не было), и все сказали Мстиславу: «На нас будет твой грех, если преступишь клятву: не начинай войны!» Мстислав послушал, сделал по их, но после плакал об этом всю жизнь. Ярославу нечего было делать: он пошел назад в Муром, где скоро и умер.

В 1132 году умер и великий князь Мстислав, оставив княжение брату своему Ярополку, которому поручил и детей своих. В княжение Ярополка началась страшная война между потомками Владимира Мономаха и князьями черниговскими, потомками Святослава Ярославича. Черниговские начали просить у Ярополка: «Что наш отец держал при вашем отце, того же и мы хотим; если вы не отдадите нам этих городов, то не жалуйтесь после, а на себя пеняйте; сами будете виноваты, на вас будет кровь». Все дело пошло из того, что Юрий Владимирович Долгорукий, князь Ростовский, выгнал племянника своего, Всеволода Мстиславича, из Переяславля; потом брат Юрия, Вячеслав Владимирович, выгнал из того же Переяславля дру-

гого Мстиславича, Изяслава, и наконец выгнал его и из Турова. Озлобленные племянники вооружились против дядей и пристали к Ольговичам черниговским. Ольговичи обрадовались и встали против Мономаховичей. «Вы первые начали нас губить», – говорили они им. В 1135 году пришел Всеволод Ольгович со всею братьею к Переяславлю, и стояли под городом три дня, все бились у ворот; но услышав, что Ярополк идет на них, отошли к верховью реки Супоя и там пристроились к битве, дожидаясь полков великокняжеских. Ярополк скоро явился с дружиною своею и братьями; увидав черниговское войско, он не захотел дожидаться остальных полков своих, даже не позаботился хорошенько устроить войско и устремился на битву, думая: «Не устоять Ольговичам против нашей силы!» Полки сошлись, бились крепко, и Ольговичи победили: много киевских бояр попало к ним в руки. Тогда Ярополк должен был уступить и отдать черниговским князьям все, чего хотели.

Глава IX

О княжении Всеволода Ольговича

В 1139 году умер великий князь Ярополк. Место его в Киеве занял родной брат его, Вячеслав; но не прошло месяца, как Всеволод Ольгович Черниговский явился с братьями под Киевом и начал зажигать дворы в предместье. Вячеслав не вышел против него, боясь кровопролития, но уступил и выслал к черниговскому князю митрополита, велел так сказать ему: «Отступи на время к Вышгороду, а я нынче же пойду в свою волость, и Киев будет твой». Таким образом Ольговичу удалось достать себе Киев. Сначала он хотел мира с Мономаховичами и разослал к ним послов; но потом, видя, что они не хотят мира, но ссылаются друг с другом, мысля идти на него, поспешил предупредить врагов и вышел с войском к Переяславлю, где княжил теперь Мономахов сын, Андрей. Надеясь на свою силу, Всеволод послал сказать Андрею: «Ступай в Курск из Переяславля». Андрей, подумав с дружиною, велел отвечать ему: «Лучше мне умереть с дружиною в Переяславле, на своей отчине и дедине, чем взять Курское княжение: отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу умереть на своей отчине; если же тебе мало всей Русской земли, а хочешь еще и мою волость взять, то прежде убей меня, а потом и возьми, в нашем роду это уже не новость: не в первый раз братьям убивать братьев, Святополк разве не убил Бориса и Глеба за волость? Но сам долго ли пожил? и здесь жизни лишен, да и на том свете будет мучиться вечно». Бог помог Андрею: дружина его разбила полки Святослава, Всеволодова брата; после чего Всеволод, заключив мир, оставил его спокойно княжить в Переяславле. В это время в Новгороде княжил брат Всеволодов, Святослав. Невзлюбили его новгородцы за его злость и качали вставать на вечах. Святослав, увидав, что народ поднимается, послал сказать брату Всеволоду: «Брат! мне мочи нет с этими людьми; не хочу жить с ними; кого хочешь пошли сюда». А между тем новгородцы начали уже убивать на вечах приятелей Святославовых за их насилия. Тысяцкий, который был кум князю, уберег его от беды, послав сказать ему: «Князь! хотят тебя схватить». Святослав испугался и убежал с женою и дружиною в Смоленск. Тогда новгородцы отправили епископа и лучших граждан к Всеволоду сказать ему: «Дай нам сына своего, а Святослава, брата твоего, не хотим». Всеволод исполнил их желание, послал к ним сына; но когда тот доехал еще только до Чернигова, новгородцы уже переменили мысли и прислали сказать Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата; не хотим вовсе вашего племени, хотим племени Владимирова: дай нам одного из шурьев своих, Мстиславичей». Всеволоду не хотелось уступить Новгорода Владимирову племени, и потому он, призвав Мстиславичей, дал им Брест и сказал: «Не думайте о Новгороде; пусть их там посидят одни, пусть сыщут себе князя, где хотят!». Но новгородцы не могли сидеть без князя и послали к Юрию Ростовскому за сыном. Тогда Всеволод увидал, что дело идет дурно – Новгород отходит к Владимирову племени, да к тому же и жена его просила за своих братьев: вот почему он согласился лучше видеть в Новгороде брата жены своей, Мстиславича, чем сына Юриева, и послал в Новгород Святополка Мстиславича, которого новгородцы и приняли с радостью, а Юрьевича отослали назад к отцу.

В 1145 году послал Всеволод за братьями своими, за Игорем и Святославом, да за двоюродными братьями, Давыдовичами Владимиром и Изяславом, послал также и за Изяславом Мстиславичем, князем Переяславским, внуком Мономаха. Когда все князья съехались, то Всеволод начал говорить им: «Владимир Мономах посадил после себя в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав брата своего Ярополка; так и я хочу сделать то же, отдаю Киев после своей смерти брату Игорю». Изяслав Мстиславич много тому противился, да делать нечего, принужден был целовать крест, что исполнит волю Всеволодову. Когда после того все братья великого князя уселись в сенях, то Всеволод начал говорить им: «Игорь! клянись, что будешь любить

братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, клянитесь быть довольны тем, что будет вам давать Игорь». Братья поцеловали крест.

В следующем году, возвратясь из похода против поляков, Всеволод разболелся, созвал киевлян и начал говорить им: «Я сильно болен, а вот вам брат мой, Игорь, возьмите его себе в князья». Киевляне согласились, но притворно. На другой день Игорь поехал в Вышгород, и вышгородцы также присягнули ему. Всеволод послал к Изяславу Мстиславовичу и к Давыдовичам спросить у них: «Стоите ли в крестном целовании, как присягали брату Игорю?» И те отвечали: «Стоим». На другой день скончался Всеволод.

Глава X

О том, как Изяслав Мстиславич воевал с князьями Черниговскими

Тотчас по смерти Всеволода Игорь поехал в Киев и созвал всех киевлян на гору, на двор Ярослава, и тут киевляне в другой раз целовали ему крест; но тотчас же после того двинулись все толпами к Туровой божнице и послали сказать Игорю: «Князь! приезжай к нам!» Игорь, взяв брата Святослава, поехал, но остановился с дружиною недалеко от веча, а Святослава послал к гражданам узнать, чего хотят они. Киевляне начали обвинять тиуна Всеволодова, Ратшу, да другого еще тиуна вышгородского, Тудора, говоря: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород; теперь, князь Святослав, целуй нам крест, и с братом своим, что если кому из нас будет обида, то вы сами будете судить». Святослав отвечал: «Целую крест за себя и за брата, что не будет вам насилья никакого и тиуна вам дадут по вашей воле, кого хотите». После этих слов Святослав сошел с коня и поцеловал крест. Киевляне тоже все сошли с коней и говорили: «Коли так, то брат твой – наш князь и ты»; после чего целовали все крест и с детьми, что не изменят Игорю и Святославу. Последний, взяв лучших граждан, поехал с ними к брату Игорю и сказал ему: «Брат, я присягал, что ты будешь держать киевлян, как следует, и любить их». Игорь, услышав это, сошел с коня и поцеловал крест на всей воле граждан; после чего поехал домой обедать; но киевляне устремились на Ратшин двор грабить. Игорь выслал к ним брата Святослава с дружиною, и тот едва успел утишить их. В то же время Игорь послал к Изяславу Мстиславичу сказать ему: «Бог взял нашего брата, а ты стоишь ли в крестном целовании?» Изяслав не дал никакого ответа и самого посла задержал: он надеялся, что киевляне недолго уживутся в мире с Игорем. В самом деле, скоро они прислали к Изяславу звать его в Киев на стол. «Пойди, князь, к нам; хотим тебя», – говорили они. Изяслав собрал полки, выступил из Переяславля и перешел Днепр у Заруба. Тут прислали к нему черные клобуки² и все поросье³ сказать ему: «Ты наш князь; Ольговичей не хотим; ступай поскорей, а мы все с тобою». Изяслав двинулся к Дерновому, и тут собрались к нему все черные клобуки и порошане; тут же прислали белгородцы и василевцы послов; все говорили одно и то же: «Ступай! ты наш князь; Ольговичей не хотим». Вслед за белгородцами и василевцами приехали и от киевлян послы; они то же говорили: «Ты наш князь, ступай, Ольговичей не хотим; как только завидим твое знамя, так все и бросимся к тебе». Изяслав, собрав на поле весь народ, и христиан и поганых, сказал им: «Братья! Всеволода признавал я старшим братом, потому что старший брат и старший зять нам вместо отца; но с этими, с Игорем и Святославом, хочу управиться, как мне бог даст и сила крестная: либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отцовский и дедовский». Сказав это, Мстиславич пошел в поход. Между тем Игорь послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу, спрашивая: «Стоите ли вы, братья, в крестном целовании?» Те стали с ним торговаться и запросили множество волостей. Игорю делать было нечего, на все согласился. Тогда Давыдовичи тронулись к Киеву. Игорь призвал к себе и бояр – Глеба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковского и сказал им: «Как были вы у брата моего, так будете и у меня»; а Глебу сказал: «Ты держи тысячу⁴, как у брата моего держал». Несмотря, однако, на то, что эти вельможи были в большой чести у Всеволода и у брата его, они вздумали, вместе с киевлянами, отложиться от последнего и послали сказать Изяславу Мстиславичу: «Ступай, князь, поскорей: идут Давыдовичи Игорю на помощь». И точно, Изяслав Давыдович приехал очень скоро, поцеловав прежде крест у св. Спаса, вместе с братом Владимиром, что им не отступать

² Пограничный степной народ, служивший в войсках русских князей, как теперь казаки.

³ Жители городов, построенных на реке Роси.

⁴ То есть будь тысяцким.

от Игоря и брата его Святослава, причем черниговский епископ Онуфрий сказал бывшим тут священникам: «Кто эту присягу нарушит, тот будет проклят двенадцатью господними праздниками». Но угроза епископа мало помогла: несколько дней спустя Давидовичи забыли свое крестное целование и отступили от Игоря. Заводчиками всему делу были названные прежде Глеб тысяцкий, Иван Войтишич, Лазарь Саковский да в Святославовом полку двое бояр: они собрали около себя киевлян и начали советоваться, как бы им переместить своего князя, а к Изяславу послали сказать: «Ступай, князь! мы уговорились с киевлянами; хотим бросить знамя Ольговичей и бежать с полками своими в Киев»; а между тем Игоря и Святослава обманывали, говоря им: «Ступайте против Изяслава». Ольговичи взглянули на небо и сказали: «Изяслав целовал крест не думать о Киеве».

В это время пришел Изяслав к валу, где Надово озеро, и стал там с полками и с сыном своим Мстиславом; а киевляне стояли особо у Ольговой могилы: множество их было там. Когда еще полки стояли друг против друга, то Игорь увидал, что киевляне послали к Изяславу, и взяли у него тысяцкого с знаменем, и привели к себе, а потом и берендеи переехали реку Лыбедь и захватили шатры Игоревы. Когда Игорь увидал все это, то сказал брату своему, Святославу, и племяннику, Святославу Всеволодовичу: «Ступайте в свои полки, а там как нас с ними бог рассудит», – и Глебу, тысяцкому своему, и Ивану Войтишичу велел также ехать в свои полки. Но Глеб и Иван, приехав в свои полки, кинули знамена и бросились бежать к Жидовским воротам. Ольговичи, увидев это, не оробели и пошли против Изяслава, но попали в дурное место, были захвачены в тыл берендеями и принуждены бежать. Тут Изяслав с сыном Мстиславом заехал им с боку и заставил Игоря разлучиться с Святославом. Последний бежал к устью Десны за Днепр, но Игорь заехал в болото, увязил коня и был схвачен; Святослав же Всеволодович прибежал в Киев, в монастырь св. Ирины, где его и поймали.

Изяслав, восхваля бога за такую помощь, с великою славою и честью въехал в Киев; навстречу к нему вышло множество народа; игумены с монахами и священники со всего города, в ризах. Князь поехал ко св. Софии, поклонился Богородице и сел на стол деда и отца своего; потом призвал Святослава Всеволодовича и сказал ему: «Ты мне племянник, сын родной сестры моей», – и начал водить его подле себя. Между тем схватили многих бояр в Киеве, служивших Ольговичам, и заставили их откупиться деньгами. Спустя четыре дня привели к Изяславу Игоря, схваченного в болоте; сперва отвели пленника в монастырь Выдубецкий; потом, сковавши, отослали в Переяславль и посадили там в тюрьму, в монастырь св. Иоанна; после чего киевляне с Изяславом разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села и скот, много взяли всякого имения в домах и по монастырям. Брат Игоря, Святослав Ольгович, прибежав в Чернигов с малою дружиной, послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу; он спрашивал у них: «Стоите ли, братья, в крестном целовании, что целовали мне пять дней тому назад?» Те отвечали: «Стоим». Тогда Святослав велел сказать им: «Вот я вам оставляю здесь боярина своего Константина, неравно понадобится вам на чтонибудь», – а сам поехал в Курск утверждать жителей его в верности, а оттуда в Новгород Северский. Между тем Давидовичи стали совещаться друг с другом тайком от Святославова боярина; однако им не удалось утаиться: Константину дали знать, что Давидовичи думают схватить брата своего Святослава; Константин тотчас же послал сказать князю своему: «Князь! об тебе идет дело: хотят тебя схватить; если братья пришлют за тобою, не езди к ним». В самом деле Давидовичи нарушили крестное целование, забыли страх божий и послали в Киев сказать Изяславу: «Игорь как тебе злодей, так и нам; смотри же, держи его крепко»; а к Святославу послали сказать: «Ступай из Новгорода в Путивль и от брата Игоря отступись». Святослав отвечал им: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата». Давидовичи велели сказать ему на это: «Целуй к нам крест, что не будешь требовать брата, не будешь искать его освобождения: в таком случае мы оставим тебя жить спокойно в своей волости». Святослав заплакал и послал в Суздаль, к князю Юрию, велел сказать ему: «Брата моего Всеволода бог взял, а Игоря Изя-

слав пленил: помилосердуй, пойдй в Русскую землю, в Киев, и сыщи мне брата; а я здесь, в надежде на бога, буду тебе помощником!» Узнав, что Святослав не хочет исполнить их волю, Давидовичи сказали: «Вот мы уже начали злое дело, так dokonчим братоубийство; пойдём, искореним Святослава и переймем волость его!»

Согласившись между собою, Давидовичи послали к Изяславу проситься у него идти на Святослава к Новгороду Северскому. Изяслав пришел к ним на сходку и сказал: «Возьмите с собою сына моего Мстислава с переяславцами и берендеями, да и ступайте на Ольговича на Святослава, ступайте поскорее, чтоб он не убежал от вас, и станьте около него! Когда вы утомитесь от войны, то я сам приду к вам на смену и стану около Святослава, а вы пойдёте домой». Урядившись таким образом, Давидовичи пошли к Новгороду Северскому; прибыв туда, они пустили стрельцов своих к городу, и сами стали полками, и начали биться с горожанами. Последним пришлось очень тесно от врагов: их притиснули к острожным воротам, и много было у них убитых и раненых. В то же время Святослав опять послал к Юрию Ростовскому; Юрий поцеловал крест, что будет искать ему Игоря, и точно собрался в поход. Изяслав, узнав, что Юрий идет на помощь к Святославу, сел на коня и пошел сам к Новгороду Северскому, а к Ростиславу Рязанскому послал сказать, чтоб воевал волость Юрия и не пускал его на юг. Тогда Ростовский князь, услышав, что рязанцы воюют его землю, отпустил к Святославу сына Ивана, а сам воротился назад. Давидовичи и Мстислав Изяславич, посоветовавшись, пошли и приступили к Путивлю. Но путивляне не сдались им до тех пор, пока не пришел Изяслав Мстиславич с силою киевскою. Граждане крепко бились со стен; Давидовичи подъехали к ним и сказали: «Не бейтесь! клянемся св. Богородице, что не дадим вас в полон!» Но граждане и тут не сдались им. Когда же пришел Изяслав Мстиславич с полками, то путивляне вышли к нему, поклонились и сказали: «Мы тебя только и ждали, князь! целуй нам крест». Изяслав целовал к ним крест и вывел прежнего посадника, а своего посадил. Двор Святославов разделили на четыре части, скот, мед и всякую рухлядь; в погребях было пятьсот берковцев меду да вина восемьдесят корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупили, взяли сосуды серебряные, ризы, пелены, все шитое золотом, кадило, евангелия, книги, колокола; не оставили ничего, но все разделили по себе, между прочим и семьсот рабов. Когда Святослав узнал, что Изяслав Мстиславич город его взял, все имение и собирается идти далее, осадить его в Новгороде Северском, то созвал союзных князей, половецких ханов, всю дружину и сказал: «Вот идет на меня Изяслав Мстиславич: надобно какнибудь промышлять о себе». Ему отвечали: «Князь! ступай отсюда не мешкая; здесь тебе незачем больше оставаться, нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю: оттуда тебе удобнее будет ссылаться с Юрием». Святослав послушался и побежал из Новгорода в Карачев; дружина же его – одни пошли за ним, другие оставили его, а жена и дети с ним пошли. Когда Изяслав Давидович услышал, что Святослав ушел из Новгорода, то сильно рассердился и стал говорить братьям: «Пустите меня за ним; хоть сам уйдет от меня, так жену и детей у него отниму и имение его захвачу». Выпросившись у Изяслава Мстиславича и у Владимира, брата своего, он поехал к Карачеву; Святославу дали знать, что Изяслав пришел на него с 3000 дружины: ему не оставалось теперь ничего больше делать, как либо отдать жену, детей и дружину в полон, либо сложить свою голову, и потому, подумавши с братьями, с половцами, и с дружиною, положился на бога и вышел навстречу к Давидовичу, и бог помог ему.

Когда Изяслав Мстиславич с Владимиром Давидовичем остановились в лесу обедать, вдруг прибежал к ним боярин и объявил, что Изяслав Давидович разбит Святославом. Сильно рассердился Изяслав Мстиславич, узнав об этом, потому что был храбр и крепок на рать; он тотчас исполнил свое все войско и пошел к Карачеву на Святослава; бежавшая дружина встречала его на дороге и снова возвращалась с ним к Карачеву; Изяслава же Давидовича долго не было, только к полудню пришел он в киевские полки. Изяслав Мстиславич и Владимир Давидович шли целый день до самой ночи к Карачеву и остановились, не дошедши до города;

и Святослав, узнав, что на него идут, бежал за лес, к вятчанам. Тогда Изяслав сказал Давидовичам: «Каких волостей вы хотели, то я вам сыскал; вот вам Новгород и Святославовы волости; что там будет в тех волостях Игорева имения, рабы ли, рухлядь ли какая, то все мое; а что будет Святославовых рабов и рухляди, то разделим на части». Так и сделали. Когда Изяслав возвратился в Киев, то пленник его, Игорь Ольгович, прислал к нему с просьбою: «Брат! – велел он сказать ему, – я сильно разболелся и прошу у тебя позволения постричься; у меня была мысль о пострижении, когда еще я владел княжеством, а теперь я очень разнемогся и не думаю, что останусь в живых». Изяслав сжалился и велел отвечать ему: «Если у тебя была мысль о пострижении, то теперь ты волен исполнить ее; но я выпускаю тебя и без того, для твоей болезни». Больного Игоря вынесли из темницы и перенесли в келью: он не был в состоянии ни пить, ни есть и просил епископа постричь его; потом, когда бог возвратил ему здоровье, его перевели в Киев, в монастырь св. Феодора, где он принял схиму.

В 1147 году пошел Юрий Ростовский воевать Новгородскую волость: взял Торжок, да и всю Мету побрал, а к Святославу прислал сказать, чтобы воевал Смоленскую волость; Святослав пошел и обогатил пленниками дружину свою. После этого Юрий опять послал сказать Святославу: «Приезжай ко мне, брат, в Москву». Святослав поехал и с сыном своим Олегом; последний приехал прежде отца к Юрию и подарил ему пардуса⁵. За ним приехал и Святослав и принят был Юрием очень любезно; на другой день Ростовский князь велел устроить большой обед и оказал большую честь гостям своим, богато одарил Святослава и сына его, не забыл и мужей Святославовых и отпустил их, обещаясь непременно прислать сына на помощь, что и сделал. Святослав, ободренный союзом с Юрием, начал войну, побрал всех вятичей и, соединившись с Глебом, с сыном Ростовского князя, и с половцами, шел далее. Тогда двоюродные братья его, Давидовичи Черниговские, и родной племянник, Святослав Всеволодич, послали сказать ему: «Не жалуйся на нас, но будем лучше за одно. Забудь наши обиды, возьми свою отчину, а что мы захватили твоего, то тебе назад отдадим», – и между тем послали сказать Изяславу, князю Киевскому: «Брат! вот Святослав Ольгович занял нашу волость – Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль и там либо с ним мир заключим, либо станем биться». Изяслав, ничего не зная, согласился идти с ними на Юрия и Святослава.

Тогда же и Святослав Всеволодич приехал к Изяславу в Киев и начал у него проситься, говоря: «Батюшка!пусти меня в Чернигов; там у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьев, у Владимира и у Изяслава». Великий князь отвечал ему: «И давно бы тебе так сделать, сынок! ступай, готовься в путь». Святослав отправился в Чернигов. Тогда все черниговские князья, собравшись вместе и посоветовавшись, послали сказать Изяславу: «Земля наша погибает, а ты не трогаешься к нам на помощь». Изяслав созвал бояр своих, всю дружину, киевлян и сказал им: «Я сговорился с братьями своими, Давидовичами, и с Святославом Всеволодичем; хотим идти на дядю Юрия и на Святослава к Суздали за то, что Юрий принял врага моего, Святослава Ольговича, а там брат мой Ростислав сойдется с нами; он идет ко мне с смолянскими и с новгородцами». Киевляне, выслушав это, сказали: «Князь! не ходи с Ростиславом на дядю; лучше какнибудь с ним уладься; не верь Ольговичам и не ходи с ними вместе в путь». Изяслав отвечал: «Они целовали крест мне, я с ними вместе думу думал, и потому мне нельзя отложить похода». Киевляне сказали на это: «Князь! ты на нас не сердись, а на Владимирово племя мы рук поднять не можем; хочешь ли на Ольговичей, то пойдем и с малыми детьми». Изяслав отвечал: «Кто меня любит, тот пойдет за мной». Изяслава любили, и потому у него набралось множество войска, с которым он и выступил в поход. Но на дороге пришла к нему весть от приятелей его из Чернигова: «Князь! – велено было ему сказать, – не ходи дальше, ведут тебя лестию, хотят убить, либо взять в плен на место Игоря; крест целовали Святославу Ольговичу, потом послали и к Юрию со крестом, с ним вместе сговорились на тебя».

⁵ То есть барса, или, вернее, кожу барсовую.

Изяслав, услышав это, возвратился назад и отправил послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу сказать им: «Вот мы замыслили великий путь и крест целовали, как деда наши и отцы всегда утверждались; но утвердимся еще, поцелуем крест в другой раз, чтобы на пути не было никакой распри и розни». Давидовичи отвечали: «К чему нам это без нужды еще крест целовать! уже целовали раз, а какая наша вина, что еще заставлять присягать?» Так и не согласились присягнуть вторично. Посол Изяслава говорил им: «Какой тут грех на любви крест целовать! то нам на спасение». Но князья никак не согласились. Изяслав наказал своему послу: «Если Давидовичи не станут целовать креста, то объяви им все, что мы про них слышали». Посол так и сделал; он сказал князьям «Великий князь вот что велел вам сказать: объявляю вам, братья, до меня дошла весть, что ведете меня лестью и Святославу Ольговичу крест целовали, что вам либо схватить меня на этом пути, либо убить вместо Игоря; правда ли это, братья, или нет?» Давидовичи не могли ничего отвечать, только посматривали друг на друга, долго молча, сказали послу Изяславову: «Выйди вон, посиди в сенях, а там опять позовем». Долго они думали вместе, потом позвали Изяславово посла и сказали: «Скажи от нас своему князю так: брат! точно мы целовали крест Святославу Ольговичу, потому что нам жаль брата своего Игоря; держишь ты его в плену, и он уже чернец и схимник, отпусти нашего брата, и мы будем подле тебя ездить; ведь и тебе не было бы любо, если бы мы брата твоего держали».

И так посол приехал назад и объявил Изяславу, что Давидовичи отступили от него; тогда великий князь отправил к ним снова посла с крестными грамотами и велел сказать им: «Вы присягнули быть со мною в союзе до самой смерти; я отдал вам волости Святославовы и Игоревы: я же с вами и Святослава прогнал и волость его для вас завоевал, отдал вам Новгород Северский и Путивль; имение его разделили мы на части, а Игореву взял я себе; а вот теперь, братья, крестное целование вы преступили, повели меня лестью на войну, хотели убить меня; но да будет со мною бог и сила крестная, а с вами как мне бог даст». Посол, проговоривши это, бросил им крестные грамоты.

В то же время Изяслав послал сказать брату своему, Ростиславу, князю Смоленскому: «Брат! вот Давидовичи крест к нам целовали и думали пойти с нами вместе на дядю; но все это они делали, замышляя коварство, желая убить меня. Бог и сила крестная обнаружили их замысел. Так теперь, брат, где было мы думали идти на дядю, уже не ходи туда, но ступай сюда ко мне; а там наряди новгородцев и смолян, пусть удержат Юрия, и к присяжникам своим пошли, в Рязань, и всюду». Тогда же Изяслав отправил посла в Киев, к брату своему Владимиру (потому что он его оставил в городе вместо себя), также к митрополиту Климу и к тысяцкому Лазарю, велел сказать им: «Созовите киевлян на двор к св. Софии; пусть мой посол скажет им речь мою и объявит о коварстве князей черниговских». Киевляне сошлись все от мала до велика к св. Софии, и когда стали на вече, то посол Изяслава начал говорить им: «Князь вам кланяется и говорит: я объявлял вам, что сговорился с братом Ростиславом и с Давидовичами идти на дядю Юрия, и вас взял с собою; но вы мне отвечали, что не можете поднять рук на Владимирово племя, на Юрия, а если на Ольговича, то пойдете охотно и с малыми детьми; так вот я вам объявляю: Давидовичи и с ними Святослав Всеволодич, которому я сделал так много добра, присягнувши прежде мне, теперь тайком от меня целовали крест Святославу Ольговичу; послали и к Юрию, а надо мною замыслили предательство, хотели либо схватить меня, либо убить за Игоря; но бог заступил меня и крест честной, который они мне целовали; теперь же, братья киевляне, чего вам хотелось, что обещали мне, то исполните: пойдите за мною к Чернигову на Ольговичей; собирайтесь все от мала до велика – у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет, тот в лодке: ведь Ольговичи не одного меня хотели убить и вас думали искоренить». Киевляне отвечали: «Рады мы, что бог избавил нас и братью нашу от такого коварства; идем за тобою и с детьми, как того желаешь». Но в это время один человек сказал: «За князем своим мы рады идти, но прежде о том подумаем, не случилось бы и теперь того же, что тогда при Изяславе Ярославиче, как злые люди высвободили Всеслава из тюрьмы и поставили себе

князем, и много зла было от того нашему городу; а вот Игорь, враг князю нашему и нам, и не в тюрьме сидит, а в монастыре св. Феодора: убьем его прежде, а потом и пойдем к Чернигову за нашим князем; покончим с этими Ольговичами». Народ согласился, и все пошли на Игоря в монастырь Феодоровский. Тогда князь Владимир Мстиславич начал говорить народу: «Брат мой не приказывал вам этого делать: Игоря стерегут сторожа крепко; брат вам велел к нему идти, а не Игоря убивать». Киевляне отвечали: «Знаем мы, нам не кончать добром с этим племенем, ни нам, ни вам». Митрополит также запрещал им; и Лазарь тысяцкий, и Рачуйко, Владимиров тысяцкий, говорили им, чтоб не убивали Игоря. Но толпа не слушала; раздался крик, и все двинулись на убийство. Владимир сел на коня и хотел обогнать народ; но на мосту не мог проехать сквозь густые толпы, принужден был поворотить направо, мимо двора Глебова, и таким образом киевляне опередили его. Игорь, услышав, что народ идет на него, пошел в церковь и стал молиться со слезами; убийцы устремились на него, как звери свирепые, схватили во время обедни и разорвали на нем мантию. Игорь начал говорить им: «Законопреступные враги! зачем пришли убить меня как разбойника? разве вы не присягали мне в верности? но теперь я уже об этом позабыл, потому что бог сподобил меня принять чин монашеский». В толпе кричали: «Бейте, бейте!» Игоря раздели и поволокли из монастыря; тут в воротах встретил его Владимир; Игорь взглянул на него и сказал: «Ох, братец, куда это меня ведут?» Владимир соскочил с коня, и прикрыл Игоря, и сказал киевлянам: «Братья мои! ради бога не делайте этого зла, не убивайте Игоря», – и довел его уже до ворот матери своей; но тут начали бить Игоря, ударили и Владимира, который защищал его. Наконец Владимиру удалось было ввести Игоря на двор к матери своей и захлопнуть ворота; но убийцы выломали их и повергли Игоря на землю, потом поволокли за ноги, ругаясь царскому и священному телу, и волокли со Мстиславова двора через Бабин Торжок до княжеского двора, где его и прикончали; потом, положив труп на дроги, повезли на Подол, на Торговище, и кинули на поруганье; благочестивые люди прикрыли наготу его своими одеждами. Когда Владимиру сказали, что убитый Игорь лежит на Торговище, то он послал туда тысяцкого; тысяцкий приехал и сказал народу: «Вот уже Игорь убит, так по крайней мере похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы его убили, но Ольговичи и Всеволодич, которые мыслили на нашего князя зло, хотели погубить его коварством; но бог за нашим князем и св. София». Тысяцкий велел взять Игоря и положить пока в церкви св. Михаила, а в субботу, на рассвете, погребли его в монастыре св. Симеона.

В это время Изяслав стоял с войском у верховья реки Супоя; сюда прислал к нему Владимир с вестию об убийстве Игоря. Изяслав заплакал, когда услышал об этом, и сказал: «Если б я знал, что случится, то отослал бы Игоря подальше, тогда можно было бы его уберечь»; и потом, обратившись к дружине, примолвил: «Теперь мне не уйти от людских речей; все будут говорить, что я велел убить его; но бог свидетель, что я не приказывал и не научал; так уж пусть бог рассудит это дело». Дружина отвечала ему: «Нечего тебе, князь, жалеть об Игоре, что тебе людские речи! Бог и все люди знают, что не ты его убил, а убили его братья родные: целовали к тебе крест и не сдержали клятву, лестью хотели убить тебя». Изяслав отвечал: «Ну уже коли так случилось, делать нечего, а ведь нам всем там быть, и бог рассудит между нами». После этого Изяслав послал в Смоленск за братом своим Ростиславом; и когда шел с полками к Переяславлю, пришла к нему весть, что уже Ростислав идет; посол Смоленского князя говорил Изяславу: «Брат велел тебе сказать: подожди меня, я здесь Любеч пожег, и много воевал, и зла Ольговичам много наделал; а потом оба вместе посмотрим, что нам бог явит». Услышав это, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата, и стал на Черной Могиле: здесь пришел к нему брат Ростислав с смолянами и со множеством войска. Изяслав очень обрадовался братнему приходу, поблагодарил бога и начал думать с Ростиславом, с дружиною и черными клобуками, как им идти против Ольговичей к реке Суле, где стояли враги. Ростислав сказал: «Бог нас свел вместе, а тебя, брат, избавил от великой беды, что хотели тебя взять, либо убить, а теперь, брат, мешкать нечего, пойдем на волю божию, как он нас с ними рассудит». Все согласились с ним

и двинулись на Сулу. Половцы, услышав, что Мстиславичи соединились и вместе идут на них, бросили Ольговичей и ушли к себе домой; Ольговичи поспешили к Чернигову, за ними пошли туда же Мстиславичи, пожгли по дороге четыре города, но до Чернигова не дошли, а воротились в Киев, сказавши дружине: «Приготовляйтесь все к той поре, как реки установятся, а там пойдем к Чернигову, и как нас с ними бог управит, так и будет».

Возвратившись в Киев, поклонившись святым церквам и попирававши, Изяслав сказал Ростиславу: «Брат! тебе бог дал верхнюю землю, и ты пойдя туда против Юрия Ростовского, там у тебя смоляне и новгородцы и другие присяжники, с ними и удерживай Юрия; а я здесь останусь, буду, с божиею помощиею, управляться с Ольговичами и Давыдовичами». Ростислав пошел к Смоленску, а Изяслав в 1148 году двинулся к Чернигову, совокупив всю свою силу, и пришедши стал на Ольгове поле. Прошло уже три дня, как он стоял тут, и черниговские князья не смели сделать вылазку из города, смотря спокойно, как Изяслав жег их села; наконец он сказал дружине: «Вот мы пожгли их села, а они все к нам не выходят; пойдем к Любечу, где у них все животы». Пошли киевские полки к Любечу, шли пять дней и стали у города. Тогда Ольговичи и Давыдовичи вышли из Чернигова, соединились с рязанскими князьями и половцами и стали за рекой, что течет у Любеча. В воскресенье Изяслав, исполнив своих воинов, пошел против них, но полкам его нельзя было перебраться на другой берег реки, и только стрелки могли иметь дело с неприятелем. Ночью пошел сильный дождь, и на другой день утром Изяслав, видя, что Днепр вздулся, сказал своим мужам и союзным венграм: «Здесь нам нельзя биться: река мешает; а там за нами Днепр расплывается, так пойдем лучше за Днепр». Сказавши это, Изяслав пошел за Днепр, в понедельник, а на другой день тронулся лед на реке, тогда как Изяслав по той стороне благополучно шел к Киеву; только одни венгры въехали на озеро, обломились на льду, и несколько человек утонуло. Изяслав воротился в Киев, хваля бога и силу животворящего креста, потом послал к брату Ростиславу с такими речами: «Брат! было бы тебе ведомо: ходили мы на Ольговичей к Чернигову, и я на Ольгове поле стоял и много им зла наделал, землю их повоевал, а они не посмели ко мне выйти биться полком; оттуда пошли мы к Любечу, и туда они к нам приехали, да река развела, нельзя было биться через реку; ночью шел сильный дождь, а на Днепре был лед лих, так мы и пошли на другую сторону; и так бог и святая богородица и сила животворящего креста привели нас в Киев поздорову; а тебя, брат, спрашиваю: здоров ли ты и как тебе там бог помогает?»

Между тем Ольговичи и Давыдовичи послали сказать союзнику своему Юрию, князю Ростовскому: «Ты нам крест целовал, что пойдешь вместе с нами на Изяслава, и не пошел; а Изяслав пожег наши города за Десною и землю нашу повоевал; а потом опять пришел в другой раз к Чернигову и стал на Ольгове поле: тут пожег наши села до самого Любеча и все наши животы повоевал, а ты ни к нам не пошел и на Ростислава не наступил; теперь, если хочешь пойти на Изяслава, так ступай, и мы с тобою, а не идешь, то мы правы в крестном целовании: одним нам не погибать стать на войне». Объявивши это Юрию, они отправили послов к Изяславу Мстиславичу с просьбою о мире; послы говорили ему: «Так бывало прежде, при дедах и отцах наших, мир стоял до рати, а рать до мира; а теперь на нас не жалуйся, что мы встали на тебя войною: ведь нам жаль было брата своего Игоря; мы добивались одного, чтобы ты выпустил нашего брата; но теперь брат наш убит, пошел к богу, где нам и всем быть, так уж то дело богу судить; а нам до каких пор губить Русскую землю? пора улаживаться». Изяслав отвечал: «Братья! доброе дело христиан беречь; вы уже были на совете между собою: так и я пошлю к брату Ростиславу, подумаем с ним и приищем к вам сказать».

Отпустив черниговских послов, Изяслав послал в Смоленск сказать Ростиславу: «Пришли ко мне черниговские мира просить; а я хочу с тобой посоветоваться: как будет нам обоим годно; годен ли тебе мир? хотя они нам и зла наделали, но вот теперь у нас же ищут мира; впрочем, как тебе угодно, быть может, ты хочешь войны: я во всем на тебя полагаюсь».

Ростислав отвечал брату: «Брат! кланяюсь тебе: ты старше меня, и на чем ты положишь, на то я и согласен; если же ты, брат, меня хочешь почитать, то я бы, брат, так сказал: ради Русской земли и христианства, помоему, лучше взять мир; они встали на рать, да что взяли? а теперь, брат, ради христианства и всей Русской земли помирись, если оба отложат вражду за Игоря и не сделают того, что хотели сделать; если же они не перестанут враждовать за Игоря, то лучше нам с ними воевать, положась на волю Божию». Изяслав, узнав братнюю мысль, послал в Чернигов к тамошним князьям белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия и с ними мужей своих с такими словами: «Вы мне крест целовали на том, что вам брата своего Игоря не искать; но клятву свою преступили и наделали мне много зла; но я теперь не хочу ничего этого вспоминать, ради Русской земли и христианства; если вы ко мне прислали за миром и раскаиваетесь в том, что хотели сделать, то целуйте крест, что вам за Игоря вражды не иметь и не делать того, что прежде хотели». Черниговские согласились и поклялись в церкви св. Спаса вражду за Игоря отложить, Русскую землю блюсти и быть всем за один брат.

В том же году на осень съехались на сейм, у Городка, Изяслав Мстиславич, Владимир Давыдович и брат его Изяслав. В это самое время пришел к великому князю старший сын Юрия Ростовского, Ростислав, рассорившийся с отцом за то, что тот не дал ему волости в Суздальской земле. Пришедши в Киев, он поклонился Изяславу и сказал: «Отец меня обидел и волости мне не дал; я пришел сюда, в надежде на бога да на тебя, потому что ты старший из нас во Владимировых внуках: хочу за Русскую землю потрудиться и подле тебя ездить». Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой, но с нами не умеет жить, а мне дай бог иметь всех вас, братью свою, и весь свой род, как душу свою; теперь же, если отец не дал тебе волости, то я даю», – и в самом деле дал ему пять городов, и взял его с собою на сейм к Городку. Когда они приехали на сейм, то великий князь сказал Давыдовичам: «Брат Святослав и племянник мой ко мне не пришли, а вы все крест целовали на том, что кто будет мне врагом, на того вам быть вместе со мною; так я, братья, вот что думаю: дядя мой Юрий из Ростова обижает мой Новгород, дани у новгородцев отнял, на путях им всякие пакости делает; за это хочу пойти и управиться с ним либо миром, либо ратью, а вы крест целовали быть со мною».

Владимир отвечал: «Хотя брат Святослав и племянник твой и не приехали, но за то мы тут и крестное целовали на том, что кто будет мне врагом, на того вам быть с тобою». После этого уладились так: как лед станет, пойти на Юрия: Давыдовичам и Святославу Ольговичу идти на вятичи к Ростову; а Изяславу идти к брату своему Ростиславу в Смоленск, и всем сойтись на Волге. После сейма Изяслав Мстиславич позвал к себе обедать Владимира Давыдовича и брата его Изяслава: обедали весело и дружно, и разъехались – Изяслав поехал в Киев, а Давыдовичи в Чернигов. На возвратном пути Изяслав сказал Ростиславу Юрьевичу: «Иди в Бужск, побудь там, пока я схожу на отца твоего, возьму ли с ним мир, или как там с ним улажусь; а ты постереги Русскую землю».

Глава XI

О том, как Изяслав Мстиславич воевал с дядею Юрием

Изяслав по уговору пошел на дядю Юрия; но прежде хотел повидаться с братом своим Ростиславом, и потому велел полкам следовать за собою в Смоленск. Когда пришел Изяслав к Ростиславу, то оба брата похвалили бога, что привел их увидеться в добром здравьи, и жили князья в великой любви и весельи с мужами своими и смолянскими; дарили они друг друга богатыми подарками: Изяслав дарил Ростислава товарами, которые не из Русской земли⁶ и из Греческой, а Ростислав дарил Изяслава товарами немецкими. Потом Изяслав пошел с малою дружиною к Новгороду. Когда новгородцы услышали, что Изяслав идет к ним, то сильно обрадовались, и вышли к нему навстречу дня за три пути, а другие за день, и таким образом великий князь вошел в Новгород с великою честью. В воскресенье вышел к нему навстречу сын его Ярослав с боярами новгородскими, и все пошли в церковь св. Софии к обедне. После обедни Изяслав с сыном Ярославом послали по всем улицам звать народ к князю на обед от мала до велика, и обедали все весело и с большою честью. На другой день послал великий князь на Ярославов двор и велел звонить к вечу; когда народ собрался, он сказал ему: «Братья! сын мой и вы присылали ко мне с жалобою, что дядя наш Юрий обижает вас; и вот я пришел сюда, оставя Русскую землю для вас и для ваших обид; думайте же теперь, братья, что делать: мириться ли с Юрием или покончить с ним ратью?» Новгородцы отвечали: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав! рады идти с тобою мстить за свои обиды». Сказавши это, все разошлись с вечера по домам; потом скоро опять собрались и сказали: «Князь! мы все идем, всякая душа пойдет, только духовные останутся бога молить». И пошли новгородцы с Изяславом всеми своими силами, пошли и псковитяне и корела. Пришедши на Волгу, на устье Медведицы, великий князь остановился тут и четыре дня ждал брата своего Ростислава, который пришел со всеми русскими и смоленскими полками, после чего все вместе пошли вниз по Волге. Оба князя еще прежде из Смоленска отправили послов к дяде Юрию; но тот ни их посла не отпустил назад, ни своего не прислал. Не получая таким образом никакой вести от Юрия, Мстиславичи начали воевать всю его землю по обоим берегам Волги, потом пошли к Угличу и оттуда на устье Мологи. Здесь пришла к ним весть, что черниговские стоят в своих Вятичах, дожидаясь, чем кончится дело между дядею и племянниками, а к ним не идут по обещанию. Тогда Изяслав сказал брату: «Хотя они к нам и нейдут; да не велика беда, лишь бы бог был за нас». Новгородцы и русь пустились от Мологи воевать к Ярославлю; но в это время стало уже тепло, была Вербная неделя, и вода на Волге поднялась лошадям по брюхо. Изяслав с Ростиславом, видя, что лед уже трогается на реках, решились идти розно; Ростислав пошел с своими полками к Смоленску, а Изяслав к Новгороду, дружина же русская – одни пошли с Ростиславом, а другие куда кому годно.

В 1149 году пришел Изяслав из Новгорода в Киев, и начали ему наговаривать на Ростислава Юрьевича, будто бы он много зла замыслил, подмолвил на великого князя берендеев и киевлян; только бы бог отцу его помог, и он хотел въехать в Киев и захватить Изяславов дом и всю его семью. «Отпусти его поскорее к отцу, – говорили великому князю, – он тебе враг, держишь его у себя на свою голову». Услыхав это, Изяслав послал за Ростиславом, и когда тот пришел, то великий князь велел сказать ему: «Ты, брат, ко мне пришел от отца, потому что отец тебя обидел, волости не дал; я тебя принял, как достойного брата своего, и волость тебе дал, какой отец тебе не дал, и еще Русскую землю велел тебе стеречь; а ты, брат, вздумал, если бы твоему отцу бог помог, въехать в Киев, схватить моего брата, сына и жену и дом мой взять».

⁶ То есть из Южной Руси.

Ростислав отвечал ему на это: «Брат и отец! ни на уме, ни на сердце у меня того не бывало; если же кто на меня наговорил тебе, князь ли который, то я готов с ним переведаться; муж ли какой из христиан или из поганых, то ты старше меня, так и суди меня с ним». Изяслав сказал ему: «Этого ты у меня не проси, я вижу ты хочешь меня поссорить с христианами или с погаными; ступайка лучше к своему отцу», Ростислава посадили в барку с четырьмя отроками, а дружину его и все имущество перехватили. Пришедши к отцу своему в Суздаль, Ростислав ударил перед ним челом и сказал: «Живя на Руси, я слышал, что хочет тебя вся Русская земля и черные клобуки, говорят: Изяслав и нас обесчестил; ступай на него». Юрий сжалился над позором своего сына и сказал: «Так и мне нет части в Русской земле, да и детям моим тоже». Собравши всю свою силу и половцев, он выступил по дороге к земле вятичей; Владимир Давыдович послал сказать великому князю: «Юрий, дядя твой, идет на тебя и уже вошел в наши Вятичи, а мы к тебе крест целовали быть с тобою; объявляю тебе, пристраивайся». Изяслав стал вооружаться, а ко Владимиру послал сказать: «Брат! помоги тебе бог за то, что сам говоришь: мы крест целовали быть всем нам за один; теперь же, брат, возьми моего мужа и с ним пошли своего к Святославу Ольговичу». Владимир отвечал послу Изяславу: «Мы с братом готовы и будем стоять в крестном целовании, но не знаем, сдержит ли слово брат наш Святослав». Оба посла отправились к Святославу, и муж Изяславов сказал ему: «Изяслав, брат твой, велел тебе сказать: мы крест целовали на том, что вам быть со мною; а вот дядя мой идет на меня, так приготовляйся, брат, как Владимир готовится с братом своим Изяславом». Послы Давыдовичей сказали ему то же самое; Святослав ничего не отвечал им на их речи, только сказал: «Ступайте в свой обоз, я вас позову» – и держал их целую неделю, приставив сторожей к обозам, чтоб никто к ним не приходил, а сам в то же время послал сказать Юрию: «Вправду ли ты идешь на племянника? скажи мне, чтоб тебе не погубить моей волости и не ввести меня в напасть». Услыхав прямой ответ Юрия, Святослав призвал послов и велел сказать Изяславу: «Отдай мне имяние брата моего, тогда буду с тобою». В то же самое время Давыдовичи послали сказать Изяславу: Святослав посылал к Юрию спрашивать, вправду ли он идет на тебя; Юрий отвечал ему: «Как мне не идти вправду? племянник мой Изяслав пришел на меня, волость мою повоевал и пожег, да еще сына моего выгнал из Русской земли, волости ему не дал, позор на меня положил; так я либо позор свой сложу с себя и землю свою отомщу и честь свою возвращу, либо голову сложу». Изяслав, услышав об этом, послал опять сказать Святославу: «Брат, крест честной целовал ты ко мне, чтобы быть со мною, и вражду за Игоря отложить, и об имении его не думать; а теперь ты вспомнил об них, когда дядя идет на меня ратью? так пусть уж крест честной управит между нами; будь со мною; если же не хочешь быть, то ты уже преступил крестное целование; а я без тебя и на Волгу ходил, да бог помиловал, ничего не случилось; и теперь был бы со мною бог да крестная сила». Святослав соединился с Юрием; оба князя послали сказать Давыдовичам: «Братья, пойдемте с нами на Изяслава». Давыдовичи отвечали Юрию: «Ты крест целовал быть с нами и ничего не помог; а Изяслав пришел и землю нашу повоевал; за Десною города пожег; теперь же мы целовали крест к Изяславу Мстиславичу, и хотим с ним быть, и душою не можем играть». Юрий пошел к Переяславлю; Изяслав, услышав об этом, сказал: «Если бы он пришел один с детьми, то получил бы от меня любую волость; но когда привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, то хочу с ним биться». Киевлянам сперва не хотелось идти за Изяславом на Юрия; они говорили ему: «Мирись, князь, мы не идем»; но потом пошли и сошлись с полками Юриевыми у Переяславля. В ночь Юрий прислал к Изяславу с такими словами: «Брат! Ты на меня приходил, и землю мою повоевал, и старшинство с меня снял; теперь же, брат и сын, для Русской земли и христианства не прольем христианской крови, но дай мне Переяславль, я посажу там сына своего, а ты сиди себе, царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то бог тебе судья». Изяславу не понравилось дядино предложение; он задержал его посла и выбрался с полками из города.

На другой день, когда Изяслав отслужил обедню у св. Михаила, выходил из церкви, епископ со слезами на глазах подошел к нему и сказал: «Князь! помирись с дядею: много спасения примешь от бога и землю свою избавишь от великой беды». Но Изяслав не послушал епископа, надеясь на множество войска; он сказал: «Я головою добыл Киева и Переяславля» – и пошел против Юрия. От полудня до вечера стрельцы бились с обеих сторон; когда Юрий оборотил свои полки назад к стану, Изяслав двинулся за ним; увидав это, Юрий воротился опять, и началась злая битва; Изяслав был побежден и прискакал в Киев самтретей 23 августа. А на другой день Юрий, хваля и славя бога, вошел в Переяславль и пробыл там три дня; оттуда пошел к Киеву и стал против св. Михаила, по лугу. Изяслав, посоветовавшись с братом своим Ростиславом, вышел на вече к киевлянам и сказал им: «Дядя пришел, можете ли за нас биться?» Они отвечали: «Господа наши князья! не погубите нас до конца; отцы наши и братья и сыновья на полку, одни в плену, другие побиты и оружие снято; а теперь нас возьмут в полон; поезжайте лучше в свои волости; ведь вы знаете, что нам с Юрьем не ужиться; после где увидим ваши стяги, будем готовы за вас биться». Князья, услышав такой ответ, разъехались: Изяслав во Владимир Волынский, а Ростислав в Смоленск.

Юрий въехал в Киев; множество народа вышли к нему навстречу с радостью великою, и сел он на столе отца своего, хваля и славя бога. Изяслав же, пришед во Владимир, начал слать в Венгрию, в Польшу и в Богемию, к тамошним владельцам, своим родственникам, прося у них помощи, чтобы они сажались на коней и шли с полками своими к Киеву; если же самим нельзя будет идти, то пусть пошлют полки свои, либо с меньшими братьями, либо с воеводами. Король венгерский отрекся помогать ему, сказавши: «У меня рать с царем греческим; когда управлюсь с ним, то либо сам к тебе пойду, либо полки свои отпущу». Польские князья отвечали: «Мы от тебя недалеко; одного из нас оставим стеречь землю, а вдвоем пойдем к тебе». Чешский (Богемский) князь отвечал: «Я сам готов идти с своими полками». Тогда Изяслав опять отправил послов и в Венгрию, и в Польшу, и в Богемию, с дарами великими к тамошним владельцам, и велел сказать им: «Бог не оставит вас, что вы взялись мне помогать; а я вам скажу, братья! с Рождества Христова садитесь на коней», – они исполнили его просьбу. Королю венгерскому самому нельзя было идти; он отправил к Изяславу десять тысяч войска и велел сказать ему: «Отпускаю к тебе свои полки, а сам хочу подступить под горы галицкого князя и не дать ему на тебя двинуться, а ты управляйся там с теми, кто тебя обидел; если мои полки истомятся, то я пошлю к тебе новые или сам сяду на коня». Болеслав Польский сам поехал с братом своим Генрихом, а Мешку оставил стеречь землю свою от пруссаков. Вячеслав, услышав об этом, послал сказать Юрию: «Вот уж венгры идут, и польские князья сели уже на коней, и сам Изяслав выступил в поход: так пойди сюда с полками, заступись за мою волость; Изяслав мне говорит: будь мне вместо отца, ступай садись в Киеве, а с Юрием не могу жить, если же не хочешь принять меня в любовь и в Киев не пойдешь на стол, то я волость твою пожгу; так ступай же теперь, брат, сюда, и увидим на месте, что нам бог даст, добро или худо; если же, брат, не поедешь, то уж на меня не жалуйся, если мою волость пожгут». Юрий, услышав это, собрал силу свою и пошел из Киева с дикими половцами, а к Изяславу пришли на помощь венгры и поляки; но вдруг к полякам пришла весть, что пруссаки идут на их землю; Болеслав и Генрих, князья польские, сказали об этом Изяславу, и тому было очень нелюбо. Стали думать, как быть, и придумали послать к Вячеславу и к Юрию с мирными предложениями. Послы, от имени венгерского короля и польских князей, говорили так Вячеславу и Юрию: «Вы нам вместо отцов; вот вы теперь воюете с братом и сыном вашим Изяславом; но ведь мы по боге все христиане, все мы братья, и потому всем нам следует жить мирно; нам бы хотелось, чтобы вы уладились с братом и сыном вашим Изяславом, вы бы сидели в Киеве, решивши между собою, кому из вас он приходит, а у Изяслава пусть остается Владимир, Луцк и что у него еще городов, пусть и сидит в них, да пусть Юрий воротит новгородцам все их дани». Вячеслав и Юрий отвечали на это послам: «Помоги бог зятю нашему королю, и брату

нашему Болеславу, и сыну нашему Генриху, что между нами добра хотят; но если вам хочется, чтобы мы помирились, то не стойте на нашей земле, не губите нашего имения и сел; но пусть Изяслав идет в свой Владимир, вы в свою землю, а мы с своим братом и сыном Изяславом сами одни будем ведаться». Услыхав этот ответ, Изяслав с союзниками разошлись по своим землям, и дядя с племянником начали улаживаться, пересылаясь друг с другом: Изяслав хотел всех даней новгородских, как и прежде требовал; но Юрий никак не согласился; он обрадовался, что венгры и поляки возвратились домой и племянник остался один без союзников. «Выгоню Изяслава, – говорил Юрий, – и волость его всю возьму». В это время Владимир, князь Галицкий, выступил с своими полками и стал между Изяславом и Юрием; по просьбе первого он начал стараться о мире; о том же старался и сын Юриев, Андрей; Вячеслав также не переставал твердить Юрию: «Брат! мирись; если же ты уйдешь прочь не уладившись, то Изяслав пожжет мою волость». Юрий наконец согласился на мир и возвратил Изяславу все дани новгородские. Изяслав обрадовался миру и приехал к дядям в Пересопницу; здесь положили: что после Переяславского сражения было пограблено, то с обеих сторон возвратить тем, кому прежде принадлежало. Изяслав послал мужей своих и тивунов к Юрию, чтобы отыскивать свое; они отыскивали, но Юрий ничего не отдал.

В 1150 году Изяслав объявил, что не может быть в обиде, и выступил в поход к Пересопнице; Глеб, сын Юриев, стоял станом выше этого города, на реке Стубле; при приближении Изяслава он сам едва мог спастись бегством в город, стан, дружину и коней побрали неприятели. В таком положении Глеб послал сказать Изяславу: «Как мне Юрий отец, так мне и ты отец, и я тебе кланяюсь; ты с моим отцом сам ведаешься; а меня отпусти к отцу и клянись святою богородицею, что не возьмешь меня в плен, а отпустишь к отцу; тогда и к тебе выйду сам с поклоном». Изяслав поклялся святою богородицею и сказал ему: «Вы мне братья свои, и я на вас не держу вражды; но обижают меня твой отец и с нами не умеет жить». После этого Изяслав отправился к черным клобукам: те приняли его с большою радостью. Юрий ничего не знал о движениях Изяслава; сведав, что последний уже в черных клобуках, он побоялся оставаться долее в Киеве, перебежал с сыновьями за Днепр и скрылся в Городке. Изяслав пришел к Киеву; но дядя Вячеслав опередил его, вошел в город и сел на дворе Ярославовом. Киевляне, услышав, что Изяслав идет, толпами вышли к нему навстречу и сказали: «Юрий вышел из Киева, но Вячеслав сидит там на его месте; а мы его не хотим». Изяслав, услышав это, послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сидеть в Киев, но ты не захотел; а теперь как увидел, что брат выехал, так ты садишься в Киеве; ступайка в свой Вышгород». Киевляне сказали Изяславу: «Ты наш князь, ступай ко св. Софии, сядь на столе отца твоего и деда своего». Но Вячеслав, со своей стороны, послал сказать племяннику: «Хоть убей на этом месте, а не выеду». Изяслав, поклонившись св. Софии, въехал на двор Ярославов со всем своим полком, и киевлян пришло с ним множество. В это время Вячеслав сидел на сеннице, и многие стали говорить Изяславу: «Князь! возьми его вместе и с дружиною», – другие же говорили: «Хочешь, подсечем под ним сени?» То Изяслав отвечал: «Сохрани меня бог! я не убийца братья своей, а дядя мне вместо отца; я сам пойду к нему». Взяв с собою немного дружины, Изяслав пошел к дяде и поклонился ему. Вячеслав увидел его, встал и поцеловался; когда оба сели, Изяслав начал говорить: «Кланяюсь тебе, батюшка! нельзя мне с тобою рядиться; видишь ли, какая сила народу стоит и много тебе лихо замышляют; так поезжай лучше в свой Вышгород, оттуда буду с тобой рядиться». Вячеслав отвечал: «Ты меня сам, сынок, звал в Киев, но я тогда целовал крест к брату своему Юрию; но если уже теперь так случилось, то Киев тебе, а я поеду в свой Вышгород».

Между тем Юрий послал сказать Давыдовичам и Ольговичам: «Изяслав выгнал меня из Киева и сам сел там; помогите мне». В то же время Владимир Галицкий пошел на помощь свату своему Юрию против Изяслава; этот, взяв своих бояр, поехал с ними к Вячеславу в Вышгород и сказал ему: «Ты мне отец, а вот тебе Киев, и другую волость, какую хочешь, возьми, а остальное мне отдай». Старик отвечал с сердцем: «А для чего ты мне не дал Киева тогда и заставил

выехать из города с большим стыдом? Теперь же, когда одна рать идет из Галича, а другая от Чернигова, то ты мне Киев даешь!» Изяслав отвечал дяде: «Я к тебе посылал и Киев давал, объявляя, что с тобою могу жить, а с братом твоим Юрием мне нельзя ладить; тебя люблю, как отца, и теперь скажу: ты мне отец, и Киев твой, ступай в него». Вячеславу стало любо от таких слов, и оба князя целовали крест на том, чтобы Изяславу иметь Вячеслава отцом, а Вячеславу иметь Изяслава сыном: тут же и мужи их клялись хотеть между князьями своими добра, честь их беречь и не ссорить их. Изяслав поклонился святым мученикам и отцу своему Вячеславу и сказал ему: «Ты, батюшка, не трудись, я один поеду к Звенигороду против Владимира, а ты со мною отпусти полк свой, сам же ступай в Киев, если тебе угодно». Вячеслав отвечал: «Сын! что ни есть у меня дружины, всех с тобою пускаю». Изяслав приехал в Киев, ударил в трубы, созвал киевлян и пошел против Владимира, сказав: «Кто ко мне ближе, против того и пойду прежде». Он встретился с Галицким князем на реке Ольшанице; черные клобуки, видя силу Владимира, испугались и стали говорить Изяславу: «Князь! сила его велика, а у тебя мало дружины, не погуби нас, да и сам не погинь; ты наш князь, когда силен будешь, и мы тогда с тобою, а теперь не твое время, ступай прочь». Изяслав отвечал им: «Лучше, братья, помрем здесь, чем такой позор возьмем на себя». Но киевляне начали также приступать к нему, говоря: «Поезжай, князь, прочь», – и побежали, за ними побежали черные клобуки к своим вежам; Изяслав, видя это, побежал и сам. Приехавши в Киев, он пошел к отцу своему Вячеславу, оба князя подумали, как помочь беде, и сели обедать. В это время пришел Юрий с сыновьями своими, с Давыдовичами и Ольговичами, и стал на берегу против Киева: тогда много из киевлян поехали в лодках к Юрию, а другие начали перевозить его дружину на эту сторону, в Подолье. Вячеслав с Изяславом, видя это, сказали: «Теперь не наше время» – и отправились – Вячеслав в Вышгород, а Изяслав во Владимир, а Юрий сел опять в Киеве.

Зимою Изяслав послал сказать Андрею, сыну Юриеву: «Брат! помири меня с отцом своим; мне нет отчины ни у венгров, ни у ляхов, а только в Русской земле, выпроси мне у отца своего волость по реку Горынь». Андрей стал просить отца за Изяслава, но тот не хотел ничего слышать, тогда Изяслав сказал: «Дядя не дает мне волости, не хочет меня терпеть в Русской земле, а Владимир Галицкий, по его велению, волость мою взял да еще опять к Владимиру моему хочет прийти на меня». Подумав, он послал брата своего Владимира в Венгрию к королю, зятю своему, с такими словами: «Ты мне сам сказал, что Владимир, боясь тебя, не смеет головы положить на подушку; Юрия я выгнал из Киева, Юрий передо мною бегаёт; но пришел Владимир, соединился с Ольговичами и погнал меня из Киева; теперь же, брат, сдержи свое слово, сядь на коня». Король, услышав это, послал собирать дружину и полки, сам сел на коня и наделал много зла Владимиру и земле его. После этого король прислал Изяславу десять тысяч добрых людей; тогда Изяслав выступил к Киеву, потому что Вячеславова дружина, берендеи и киевляне звали его туда. Когда Изяслав стоял выше Пересопницы, то получил весть, что Владимир Галицкий идет на него; услышав это, он созвал дружину на думу; дружина сказала: «Князь! сам ведаешь, что тебе нелегко теперь: пришел ты ратью на Юрия, а за тобою другой враг – Владимир; ты пойдешь на Юрия, а там соединятся да ударят тебя в тыл; придется нам очень трудно». Изяслав отвечал: «Вы за мною вышли из Русской земли, лишились сел своих и всех животов, да и я от своей дедины и отчины не могу отказаться: но либо голову свою сложу, либо возвращу свою отчину и ваши все животы; если меня нагонит Владимир, то отдаюсь на суд божий, как меня бог с ним рассудит; если же встретит меня Юрий, то и с этим пусть меня бог рассудит». Сказав это, Изяслав отправился к Дорогобужу. Дорогобужцы вышли к нему со крестами и поклонились; Изяслав сказал им: «Бог вам помочь, вы люди деда моего и отца моего». Дорогобужцы отвечали: «С тобою, князь, чужеземцы, венгры: не наделали бы они какого зла нашему городу». Изяслав сказал им на это: «Я вожу венгров и все другие народы не на своих людей, но кто мне враг, на того вожу; а вы не беспокойтесь ни о чем».

На реке Уше встретился Изяслав с полками Галицкими и начал перестрелку; стрелки его схватили в плен одного из галичан и представили князю; тот спросил пленника: «Где твой князь?» – он отвечал: «Вот за городом первый лес, тут он услышал об тебе, тут же и встал, не посмев идти сквозь лес, он говорил: если пойдем сквозь лес, то нападут на нас, а сила наша за нами далеко, лучше подождем здесь». Изяслав, услышав это, сказал брату своему, и сыну, и всей дружине: «Пойдем на него». Дружина отвечала: «Князь! нельзя нам идти на него; перед тобою река, и вода в ней большая, как ты хочешь на него ехать? да еще он стоит заложился лесом; теперь, князь, не медли, но ступай в Киев, к своей дружине, если нас Владимир где настигнет на дороге, то и будем с ним биться; ведь ты сам сказал: кто нас встретит, с тем и бьемся. Теперь же, князь, не медли, поезжай; будешь ты на Тетереве, к тебе вся дружина твоя приедет, а коли бог даст до Белгорода дойдешь, то еще больше народа будет с тобою». Изяслав послушался и пошел дальше.

Пришедши к городу Воздвиженю, он позвал к себе брата, сына и венгров на думу и сказал им: «Владимир идет за нами, а мы здесь стоим; я бы вас спросил, братья: здесь ли нам оставаться или в ночь выступить дальше? если мы здесь останемся, то Владимир за нами и скоро нас нагонит, а перед нами еще другая рать, Юрий: дождемся того, будет трудно; не лучше ли, положась на бога и своего труда не жалеть, поехать дальше? если нам удастся въехать в Белгород, то Юрий наверно побежит перед нами, и тогда мы поедem в свой Киев, а когда в сильный полк киевский въедем, то я уж знаю, киевляне будут за меня биться; а нельзя будет пробраться к Белгороду, поедem к черным клобукам; когда к черным клобукам приедем и с ними соединимся, то не боимся ни Юрия, ни Владимира». Венгры отвечали: «Мы твои гости; если надеешься на киевлян, то тебе лучше знать своих людей; доброе дело, князь, когда друг прибудет; а кони под нами еще крепки, поедem, пока в силах». – Изяслав отпустил брата своего Владимира наперед к Белгороду, а сам пошел за ним. Борис Юрьевич, услышав о приближении Владимира, бежал из Белгорода в Киев к отцу и сказал ему, что Изяслав идет. Юрий поскорее сел в лодку, переплыл Днепр и спрятался в Городке. Киевляне, послышавши Изяслава, вышли к нему навстречу с радостью, и он сел опять на столе деда своего и отца с честью великою, захвативши много Юрьевой дружины по Киеву. Между тем Владимир Галицкий, слыша, что Изяслав уже в Киеве, а Юрий бежал оттуда, послал сказать Андрею Юрьевичу: «Не понимаю, как это княжит сын мой; рать идет на него из Владимира, а он того и не ведает? а вы, сыновья его, один сидит в Пересопнице, а другой в Белгороде, как же вы того не устерегли? если вы так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами как хотите, а я один не могу идти на Изяслава, он хотел вчера со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачиваясь, ловя случай как бы сразиться со мною; а теперь он въехал во всю Русскую землю, теперь и подавно мне одному нельзя на него идти». Сказавши это, он возвратился в Галич, а Изяслав послал в Вышгород к дяде Вячеславу с такими словами: «Батюшка! кланяюсь тебе; если бог взял у меня отца моего Мстислава, то ты мне вместо его отец; теперь кланяюсь тебе и прошу прощения, согрешил я пред тобою в самом начале; и потом, когда бог помог мне победить Игоря у Киева, то я на тебе чести не положил, а потом и в другой раз у Тумаща; теперь же, батюшка, я во всем раскаиваюсь пред богом и пред тобою: если ты меня простишь, то и бог меня простит; теперь даю тебе Киев, ступай, сядь на столе деда своего и отца». Изяслав отвечал ему: «Бог тебе помочь, сынок, за то что на меня честь возложил; давно б тебе так сделать, воздавши мне честь, ты этим самым богу честь воздал; ты говоришь, что я твой отец, а я тебе скажу, что ты мой сын: у тебя отца нет, а у меня сына нет, ты мой сын, ты мой и брат». Оба князя целовали крест на том, что не разлучаться им ни в добре, ни в лихе, но всегда быть вместе.

В 1151 году Изяслав ввел дядю и отца своего Вячеслава в Киев. Вячеслав, приехав в Киев, отправился к святой Софии и сел на столе деда и отца своего; потом позвал сына своего Изяслава к себе на обед и киевлян и венгров, и пировали в большой любви. На другой день Вячеслав послал сказать Изяславу: «Бог тебе помочь, сынок, за то, что на меня честь возложил,

как на отца родного; скажу тебе вот что: я уже стар, всех рядов не могу рядить, но будем оба в Киеве, и если случится какое дело с христианами или с погаными, идем оба вместе, а дружина и полк будут у нас общие, и ты ряди их; где можно будет нам обоим ехать, то оба поедем, если же нельзя, то ты один ступай с моим полком и с своим». Изяслав сильно обрадовался этим словам, с великою честью поклонился отцу своему и сказал: «Кланяюсь тебе, батюшка; как сказано, так пусть, бог даст, и будет, пока живы». На третий день оба князя позвали к себе венгров и сказали им: «Поезжайте к своему королю, а к нашему зятю, а мы в след за вами шлем сына своего Мстислава». Последний должен был сказать королю от имени отца: «Бог тебе помочь, брат, за твою помощь нам; только разве брат родному брату или сын отцу может то сделать, что ты нам сделал; дай нам бог жить с тобою нераздельно ни в чем, и если кто тебя обидит, на того мы сами пойдем, или братью свою пошлем, или сыновей с полками; нам тебе нечем отблагодарить за все твое добро, разве головою своею; но теперь доверши свое доброе дело: самого тебя не зовем, потому что у тебя война с царем греческим; но пришли нам помощь, или такую же, как теперь прислал, или посильнее, с братом своим Мстиславом, а нашим сыном, потому что Юрий силен, Давыдовичи и Ольговичи с ним, а того гляди, что и половцев диких наймет; помоги нам, брат, теперь, так весною, когда управимся у себя, будем к тебе с своими полками на помощь, если же ты с царем справишься, то будешь нам помощник; твои мужи и брат твой Мстислав расскажут тебе все, как нам бог помог, как стала за нас вся Русская земля и все черные клобуки».

Отрядивши Мстислава в Венгрию, князья отрядили также послов и к Ростиславу в Смоленск; Вячеслав велел сказать ему: «Брат! Бог соединил нас с твоим братом, а с моим сыном Изяславом: добыв Русскую землю, он на мне честь положил, посадил меня в Киеве; я тебе скажу вот что: и ты мне такой же сын, как и брат твой Изяслав; потрудись прийти сюда к нам, чтоб нам всем вместе втроем подумать о наших делах». Изяслав также велел сказать брату: «Ты меня, братец, не один раз заставил положить честь на дяде своем и на отце; вот теперь бог привел меня в Русскую землю, и я отдал честь нашему дяде для тебя и для всей Русской земли; скажу тебе еще: там в Новгороде у тебя сын мой и твой Ярослав, там же у тебя Смоленск; так урядивши все там, пойдя к нам сюда, вместе все втроем посоветуемся, что нам бог явит». Ростислав исполнил желание дяди и брата и пришел к ним на помощь с множеством войска, а Юрий, набрав диких половцев, пришел на Изяслава; начали биться по Днепру в лодках, от Киева до устья Десны, бились крепко, и Юрию не удавалось ничего сделать против Киева. Изяслав смастерил лодки удивительным образом: гребцов в них было не видеть, только весла наружи, потому что лодки были покрыты досками, наверху стояли борцы в бронях и стреляли; кормчих было двое; один на носу, другой на корме, и куда хотят, туда пойдут, не поворачивая лодок. Наконец Юрий перешел Днепр; тогда Вячеслав, Изяслав и Ростислав, созвавши братью свою, начали думать: Изяслав с Ростиславом хотели биться, но дружины всех князей отговаривали и киевляне, особенно же черные клобуки; они говорили: «Князь, нельзя нам к ним ехать, потому что ратники наши все на конях; ты к ним поедешь, а он перед тобою пойдет по Руси, так тебе и придется, оставя пеших, гнаться за ним: но мы, князь, вот что вам скажем: не делайте так, но ступайте в свой Киев, а к нам приставьте брата своего Владимира, заберем жен, детей, стада и все свои животы, да и пойдем к Киеву; вы добудьте там только до вечера, и мы тогда приедем; мы хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью головы свои положить: либо честь вашу отыщем, либо изомрем все с вами, а Юрья не хотим».

Князья сделали по их, и расположились около Киева; скоро пришел к ним и Владимир со всеми черными клобуками, с вежами и стадами их; князья, дружина, черные клобуки и киевляне согласились не идти на неприятеля самим, но дать ему приблизиться к себе и тогда уже начать битву. Изяслав сказал: «Только б ты бог нам помог, а мы уж от них отобьемся, ведь они не с крыльями; перелетевши за Днепр, сядут же». Тогда Вячеслав начал говорить

Изяславу и Ростиславу: «Вот мы, братья, приготовились к битве; но ведь Юрий мне брат, хоть и моложе меня; мне бы хотелось послать к нему и свое старшинство оправить, чтобы нас бог с ним рассудил, а бог смотрит на одну правду». Племянники отвечали: «Доброе дело ты задумал, батюшка; сделай так». Тогда Вячеслав сказал мужу своему: «Ступай к брату Юрию, поклонись ему от меня; а вы братья и сыновья мои, Изяслав и Ростислав, слушайте, при вас я отряжаю посла; скажи брату так от меня: я, братец, и тебе, и Изяславу много раз говорил: не проливайте христианской крови, не губите Русской земли; удерживая вас, я и на свою обиду не смотрел, что вы меня два раза обесчестили, а ведь у меня полки есть и силу мне бог дал; но я для Русской земли и для христианства все то забыл, как Изяслав, идучи биться с Игорем, говорил: я Киева не себе ищу, но отцу моему Вячеславу, тот брат старший; бог ему помог, и он Киев себе взял да еще к тому Туров и Пинск у меня отнял и тем меня сильно разобидел; а ты тоже, брат, едучи в Переяславль биться с Изяславом, говорил: я Киева не себе ищу, у меня старший брат есть, Вячеслав, он мне вместо отца, для него ищу Киева; бог тебе помог, а ты Киев себе да еще Пересопницу и Дорогобуж у меня отнял, а дал мне один Вышгород; но я во все то не вступился, для Русской земли и для христиан, да еще и вас удерживал, но вы меня не слушаетесь; ты когда-то говорил: не могу поклониться младшему; но вот Изяслав, хотя прежде и два раза не сдержал своего слова, теперь же, добыв Киев, поклонился мне и честь мне воздал, в Киеве меня посадил, отцом меня назвал, а я его сыном; ты говорил, что младшему не поклонись, но ведь я тебя буду постарше, и немалым: я уже был бородач, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поехать, то бог нас рассудит». Юрий прислал своего мужа с таким ответом: «Я тебе, брат, кланяюсь; твоя правда: ты мне вместо отца, если же хочешь со мною рядиться, то пусть Изяслав едет во Владимир, а Ростислав в Смоленск, а мы сами между собою урядимся». Вячеслав велел сказать ему на это: «У тебя семь сыновей, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два сына, Изяслав и Ростислав, и другие младшие есть же, но я, брат, тебе скажу: для Русской земли и для христиан поезжай в свой Переяславль и в Курск, с своими сыновьями, а там у тебя еще Ростов Великий; Ольговичей отпусти домой, и сами между собою урядимся и крови христианской не будем проливать; если же ты своего замысла не отложишь, то пречистой богородице с сыном своим и богом нашим судить нас в сей век и в будущий» – при этих словах он указал на образ богородицы, что на золотых воротах. Юрий не послушался.

Тогда Вячеслав, Изяслав и Ростислав, поклонившись св. Богородице и св. Софии, выступили из Киева; киевляне сказали им: «Все мы должны идти, кто только может; если же кто не пойдет, того сами побьем», – и пошли все с радостью за своими князьями, конные и пешие, многое множество. В то же время пришел посол из Венгрии к Изяславу от сына его Мстислава, который велел сказать ему: «Король, зять твой, отпустил к тебе помощь, какой еще никогда не бывало, многое множество; я уже с ним прошел Гору; если мы тебе понадобится поскорее, то ты пошли к нам, мы скорее пойдем». Изяслав отвечал: «Мы уже идем на суд божий, а вы нам надобны». Враги сошлись у реки Рута: Андрей Юрьевич начал рядить полк отца своего, потому что был тогда старший между братьями; Изяслав и Ростислав подъехали к отцу своему Вячеславу и сказали ему: «Ты хотел добра, но брат твой не захотел; теперь же, батюшка, хотим головы свои сложить за тебя или отыскать честь твою». Вячеслав отвечал им: «Брат и сын! от рожденья не охотник я был до кровопролитья; но брат мой довел меня до того, и если уже мы теперь на этом месте, то бог рассудит нас». Племянники поклонились ему и поехали в свои полки. Изяслав, въехавши в свой полк, послал повестить по всем полкам: «Смотрите на мой полк: как он пойдет, так и вы ступайте». Полки двинулись; Андрей Юрьевич взял копье и поехал наперед, съехался с неприятелем прежде всех и изломал копье: коня его ранили в ноздри, конь начал под ним соваться, шлем спал с Андрея, и щит у него оторвали; но Божиим заступлением и молитвою родителей своих он сохранен был без вреда. С другой стороны Изяслав въехал один в полки ратных и изломал свое копье; тут ранили его в руку и в стегно, и он слетел с коня. Когда полки соступились, была сеча крепка. Бог, св. богородица и сила чест-

ного животворящего креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: они победили Юрия. Половцы Юриевы, не пустивши и по стреле, побежали; за ними побежали Ольговичи, за Ольговичами и сам Юрий с детьми; в бегстве их множество дружины потонуло в Руте, тут же убили и Владимира Давыдовича, князя черниговского, доброго, кроткого. Когда сошлись полки конные и пешие, Изяслав лежал раненый, и когда хотел приподняться, то киевляне чутьчуть не убили его, не разглядевши и думая, что неприятель. Изяслав сказал им: «Я князь», – тогда один из ратных отвечал ему: «Ну так тебя то нам и надобно», – вынул меч и начал рубить его по шлему; Изяслав повторил: «Я Изяслав, ваш князь» – и снял с себя шлем; тогда узнали его, подняли на руки с радостию, как царя, и князя своего, и воскликнули: «Кирие, елеисон». Изяслав сильно изнемогал от ран, потому что исшел кровию, но когда услышал, что Изяслав Давыдович плачется над своим братом Владимиром, то позабыл свою немощь, сел на коня, поехал туда и плакался над покойным, как над родным братом. Долго плакавши, он наконец сказал Изяславу Давыдовичу: «Уж нам его не воскресить; но вот бог и пречистая врагов наших победили, и они бегают теперь около, так тебе, брат, стоять здесь теперь нечего: взявши брата, ступайка в Чернигов, а тебе придам помощь; поезжай, чтоб до вечера быть в Вышгороде».

Давыдович отправился в Чернигов, а Мстиславичи с дядею Вячеславом с честью и похвалою великою пошли в Киев; к ним навстречу вышли святители с крестами, митрополит Клим, и игумены честные, и попы; князья въехали в город с великою честью, поклонились св. Софии и св. Богородице Десятинной и начали жить весело и дружно. Между тем Мстислав Изяславич вел венгров на помощь к отцу, а вслед за ним шел Владимир Галицкий. Мстислав, ничего не зная, расположился станом недалеко от Дорогобужа; князь Владимир Андреевич прислал ему много хмельного питья, а между прочим велел сказать, что Владимир Галицкий идет за ним; Мстислав объявил об этом войску, но пьяные венгерцы с хвастовством отвечали: «Если придет на нас, то мы будем биться с ним». В полночь сторожа прибежали к князю с криком: «Владимир идет!» Мстислав с дружиною вскочил на коней и начал будить венгров, но те, напившись, лежали как мертвые; на рассвете ударил на них Владимир Галицкий и мало кого взял в плен, почти всех перебил; Мстислав же с дружиною ушел в Луцк. Когда князь Изяслав услышал, что сын его побежден и венгры перебиты, то сказал свою пословицу: «Не идет место к голове, а голова к месту; но дал бы бог здоровье мне и королю, а месть будет».

Между тем Вячеслав и Изяслав послали сказать Юрию: «Кланяемся тебе; ступай в Суздаль, а сына посади в Переяславле, не можем с тобою жить здесь, приведешь на нас опять половцев». У Юрия не было тогда ниоткуда помощи; дружина его – одни были перебиты, другие захвачены в плен; неволею принужден он был целовать к ним крест за себя и за детей своих.

В 1152 году король венгерский прислал сказать Изяславу: «Батюшка! кланяюсь тебе; ты прислал сказать мне про обиду от галицкого князя, а я уж здесь приготавлиюсь; и ты приготавлийся». Изяслав, слыша это, собрал всю свою дружину и пошел, чтобы соединиться с королем; на реке Соне встретились они с Владимиром Галицким и приготовились к битве. Изяслав сказал при этом дружине своей: «Братья и дружина! Бог никогда не налагал бесчестья на Русскую землю и на русских сынов, на всех местах они честь свою брали; теперь же, братья, поревнуем тому: в этой земле и перед чужим народом дай нам бог честь свою взять». Сказав это, Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры сделали то же, с своей стороны, Владимир был сильно поражен, и только самдруг убежал в город Перемышль. И Перемышль тогда же бы взяли, потому что некому было из него биться, да не взяли потому, что вне города стоял двор княжий, на лугу, над рекою Саном; на этом дворе было много всякого добра: тутато и ринулись все воины. Изяслав же и король, собравши всех своих воинов и дружину, раскинули тут же стан перед городом, над рекою Вягром. Между тем Владимир начал слать к королю, прося мира, на ту же ночь прислал к архиепископу и к воеводам королевским, притворился, что тяжело ранен, и велел сказать им: «Умоляйте за меня короля; я тяжело ранен и каюсь пред королем, что прежде его оскорбил и стал против него», – а королю велел сказать: «Бог грехи отпускает,

и ты мне отпусти, а не выдай меня Изяславу, потому что я крепко болен; если бог по душу пошлет, то прими к себе сына моего; отец твой был слеп, а я ему много послужил своим копьем и своими полками; за его обиду с ляхами бился; помяни это и отдай мне мои вины». Архиепископу и мужам королевским Владимир выслал множество даров, золота и серебра, сосудов золотых и серебряных и платья. На другой день король, съехавшись с Изяславом, пересказал ему речи Владимира; тот отвечал ему: «Сын! если Владимир умрет, то бог его убил, потому что он преступил крестное целование к нам обоим; исполнил ли он хоть чтонибудь, что обещал тебе, да еще и опозорил нас обоих, а теперь в чем ты ему будешь верить? благо, нам бог дал его в руки, самого возьмем и волость его поделим». Но король не послушал его, а послушал архиепископа и всех мужей своих, обдаренных Владимиром; он сказал Изяславу: «Не могу убить Владимира, он молится и кланяется и в своих винах кается; но если он, поцеловавши теперь крест, не сдержит клятвы, тогда уже как мне бог с ним даст, либо я буду в Венгерской земле, либо он в Галицкой». Изяславу сильно не хотелось мириться с Владимиром, да делать было нечего; король и мужи его все хотели мириться. Король сказал Владимиру: «На том тебе целовать крест, что все русские города возвратить и быть за одно с Изяславом, не отлучаться от него ни в добре, ни в лихе». Владимир согласился на все с радостью, и король послал к нему мужей своих с крестом. Изяслав не хотел приводить его к кресту; но король сказал: «Это тот самый крест, на котором Христос бог наш своею волею восхотел пригвоздиться и который, по воле божией, достался святому Стефану⁷; если Владимир, поцеловавши этот крест, изменит клятве и останется жив, то я тебе клянусь, батюшка, что либо голову свою сложу, либо завоюю Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Оба, и король, и Изяслав, отрядили мужей своих с крестом к Владимиру, причем Мстислав Изяславич сказал отцу своему и королю: «Вы поступаете похристиански, что честному кресту верите и обиды свои прощаете; но я вам скажу перед этим честным крестом, что Владимир не сдержит своей клятвы; но ты, король, своего слова не забудь: если Владимир изменит, то тебе стоять опять у Галича». Владимир целовал крест, лежа на постели, притворяясь, что изнемогает от ран, а ран на нем не было.

Когда же Изяслав, возвратившись во Владимир, послал своих посадников по тем городам, которые Владимир поклялся возвратить ему, то он не пустил их ни в один. Изяслав пошел в Киев, а к королю послал сказать: «Тебе уже теперь не воротиться, ни мне; но я только даю тебе знать, что Владимир преступил крестное целование; и ты не забывай своего слова». К Владимиру же послал Изяслав Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что этот самый Петр Бориславич и приводил его к присяге. Изяслав велел сказать галицкому князю: «Ты крест к нам с королем целовал на том, что возвратишь все, взятое из русской волости, и слова своего не сдержал; я забуду все, если захочешь обещание свое исполнить; если же нет, то ты будешь клятвopреступник, и вот твои грамоты крестные, а нам с королем как бог даст над тобою промыслить». Владимир отвечал: «Скажи своему князю: „Ты напал на меня врасплох и короля на меня навел; но если буду жив, то либо голову свою сложу, либо отомщу за себя”». Петр сказал ему на это: «Князь! ты крест к брату своему Изяславу и к королю целовал, что все уставишь и будешь с ними заодно, так ты уже изменил крестному целованию». Владимир отвечал: «Вот еще! такой маленький крестик». «Крестто мал, – возразил Петр, – но силато его велика на небеси и на земле; а ведь тебе король говорил о силе его, что это тот самый крест, на котором Христос был распят, и достался он, божией милости, св. Стефану; говорил и то, что если поцелуешь этот крест и преступишь клятву, то жив не будешь; а королевский посланник разве не говорил тебе о том честном кресте?» Владимир отвечал: «Ну уж вы тогда досыта наговорились; а теперь ступай вон, поезжай к своему князю». Петр положил пред ним крестные грамоты и пошел вон; ему не дали ни подводы, ни корма, так что он поехал на своих конях. Когда Петр съезжал с княжего двора, в то время Владимир шел в церковь к св. Спасу, к

⁷ Св. Стефан, король венгерский, апостол своей страны.

вечерни; когда он взошел на переходы, ведущие к церкви, и увидел едущего Петра, то сказал со смехом: «Поехал русский⁸ боярин, побравши все волости» – и, сказавши это, пошел на полати (хоры)⁹. Вечерня отошла, Владимир пошел из церкви: и когда был на том самом месте на ступени, где смеялся над Петром, то вдруг закричал: «Что это кто-то меня по плечу ударил» – и не мог соступить с места, чуть было не упал, слуги подхватили его под руки, понесли в горенку и уложили; начались разные толки; одни говорили, что такая болезнь, другие – другая, стали прикладывать лекарства; но князю становилось все хуже да хуже и к вечеру богу душу отдал. Между тем Петр выехал из Галича и на ночь остановился в Большеве; было так на рассвете, когда пришел к нему детский¹⁰ из Галича и сказал: «Князь не велел тебе ехать дальше, но ждать здесь, пока не придет за тобою».

Петр не знал еще о княжеской смерти, от детского ничего не слышал об этом, и потому начал сильно тужить, что ему придется опять ехать в город, думал, что будет ему мука пуще прежней. Еще до обеда пригнали за Петром из города звать к князю. Он отправился и когда приехал на княжий двор, то к нему навстречу вышли с сеней слуги княжеские все в черном. Петр удивился: что это значит? Когда он вошел на сени, то увидел, что молодой князь Ярослав, сын Владимира, сидит на отцовском месте, тоже в черном и в черной шапке, и все бояре в черном; Петру подставили скамью, он сел. Ярослав взглянул на него и залился слезами; Петр сидел, ничего не ведая, наконец спросил: да что же все это значит? Ему отвечали, что в эту ночь бог послал по душу князя Владимира. «Как так, – сказал Петр, – в эту ночь я выехал отсюда, он был совершенно здоров», – ему отвечали, что ударило князя в плечо, и с того начал изнемогать и богу душу отдал; Петр сказал на это: «Воля божия, а всем там быть». Тогда Ярослав начал говорить: «Мы тебя позвали вот для чего: бог волю свою, как ему было угодно, так и сотворил; а теперь поезжай к отцу моему Изяславу, отвези ему от меня поклон и скажи: коли бог отца моего взял, то ты будь мне вместо отца; ты сам с отцом моим ведался, как там что между вами было, и то уже бог рассудил; бог отца моего взял, а меня оставил на его месте; полк его и дружина его у меня, одно копье только поставлено у гроба его, да и то в моей руке; теперь, батюшка, кланяюсь тебе, прими меня в сыновья наряду с сыном своим Мстиславом: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени по одной стороне, а я буду ездить по другой, со всеми своими полками». Сказав это, он отпустил Петра.

Несмотря, однако, на такие обещания, Ярослав не сдержал своего слова относительно Изяслава, и в 1153 году последний принужден был выступить против него в поход. У реки Серета сошлись враги. Галицкие мужи начали говорить князю своему Ярославу: «Ты молод, так отъезжай подальше и смотри только на нас; отец твой кормил нас и любил, так и мы хотим за честь отца твоего и за твою головы сложить; ты у нас один князь: если с тобою что случится, то что нам будет делать? поезжайка, князь, в город, а мы останемся биться с Изяславом, и кто из нас будет жив, прибежим к тебе и затворимся с тобою». Ярослав послушался их, полки сошлись, и была сеча злая, бились от полудня до вечера. Вдруг встало смятение в обеих ратях, не видно было, которая победила. Изяслав гнал галичан, а братья его бежали от них; Изяслав набрал в плен галицких бояр, а галичане ополонились боярами киевскими. Великий князь переночевал на побоище и на другое утро, видя, что у него осталось очень мало дружины, пошел назад в Киев, а пленников галицких всех побил, потому что их было некому стеречь; и был плач великий по всей земле Галицкой.

⁸ То есть киевский, потому что Русью собственно называли один Киев с округом.

⁹ То есть на хоры в церкви.

¹⁰ Отрок, впоследствии сын боярский, младший придворный служитель.

Глава XII

О княжении Юрия Долгорукого, Изяслава Давыдовича и Ростислава Мстиславича

В 1154 году разболелся великий князь киевский Изяслав, честный, благоверный, христолюбивый и славный внук Владимира Мономаха, и плакалась по нем вся Русская земля, и все черные клобуки, как по царе и господине своем, или лучше сказать, как по отце; преставился он в воскресенье, на ночь, на Филиппов день, и погребли его в церкви св. Федора в монастыре отцовском. Дядя Вячеслав всех больше плакал по нем; он говорил: «Сынок! то мое было место, но пред богом нечего делать». В это время Ростислав пришел из Смоленска в Киев; все киевляне вышли с радостию к нему навстречу, все были ему рады – и Русская земля вся, и все черные клобуки. Ростислав вместе с Святославом Всеволодовичем поехали и поклонились отцу своему Вячеславу. Последний, увидав Ростислава, сильно обрадовался и сказал ему: «Сын! я уже стар, рядов всех не могу рядить; даю тебе их, как брат твой держал и рядил; ты меня имей отцом и честь на мне держи, а полк мой и дружину мою ты ряди». Ростислав поклонился дяде и сказал: «Очень рад, господин батюшка, буду держать тебя отцом господином, как и брат мой Изяслав держал тебя и в твоей воли был». Киевляне, с своей стороны, посадили Ростислава на столе киевском и сказали ему: «Как брат твой Изяслав честил Вячеслава, так и ты его чести, а до твоего живота Киев твой».

Скоро пришла весть к Ростиславу, что Глеб Юрьевич, со множеством половцев, идет к Переяславлю; Ростислав выступил в поход; когда же сын его Святослав успел отпроводить половцев, то он начал гадать с братьею своею, как бы пойти к Чернигову, на Изяслава Давыдовича; после чего, не входя в Киев, стал со всеми полками у Вышгорода, сказавши дружине своей: «Нам надобно упредить Юрия, либо прогоним его, либо помиримся с ним». На другой день пригнали к Ростиславу из Киева с вестью: «Отец твой Вячеслав приказал долго жить». Ростислав удивился. «Как, – сказал он, – мы вчера поехали, он был здоров». Ему отвечали: «Ночью он пировал с дружиною и пошел спать здоров; но как лег, так уже больше не вставал, тут и бог по душе послал». Ростислав, услышав это, бросил полки и погнал к Киеву; там плакался по отцу своему и проводил его до гроба с честью великою, со множеством народа. После похорон Ростислав поехал на двор Ярославов, созвал бояр покойного князя, тиунов его и ключников и приказал принести перед себя все имение Вячеслава, платье, золото и серебро; когда же все снесли, он начал раздавать по монастырям, по церквам, по затворам и нищим и роздал все, а себе не взял ничего, только крест честной взял себе на благословение. Урядивши все, он поехал опять на ту сторону Днепра, к полкам своим. Приехавши в полк, Ростислав начал думать с племянниками, Святославом Всеволодовичем и Мстиславом Изяславичем, и с боярами своими, как бы пойти к Чернигову. Но бояре отговаривали ему идти туда, они говорили: «Бог взял дядю твоего Вячеслава, а ты еще с людьми в Киеве не утвердился; ступай лучше в Киев, утвердись с людьми; тогда если и дядя Юрий придет на тебя, то годно тебе будет с ним мириться, помиришься, а не годно – начнешь войну». Но Ростислав не послушался их, а пошел на Изяслава Давыдовича к Чернигову. Тот призвал на помощь половцев; Ростислав испугался и побежал в Смоленск. Киевляне, оставшись без князя, послали епископа Демьяна Коневского сказать Изяславу: «Ступай к нам в Киев, чтоб нас не взяли половцы; ты наш князь, приезжай скорей». Черниговский князь въехал в Киев и сел на столе. Но между тем Юрий Ростовский выступил в поход на Русь и приближался к волости Ростиславовой. Смоленский князь послал просить у него мира: «Батюшка! кланяюсь тебе, ты и прежде до меня добр был, и я до тебя, а теперь кланяюсь, ты мне дядя вместо отца». Юрий отвечал: «Правда, сынок, с Изяславом не мог я ужиться, а ты мне свой брат и сын», – и не помянувши злобы брата его, помирился с ним. Потом послал Юрий сказать Изяславу Давыдовичу: «Мне отчина Киев, а не

тебе». Изяслав прислал к нему с молением и поклонами. «Разве я сам поехал в Киев? – велел он сказать, – киевляне посадили меня; не делай мне зла, а Киев твой». Юрий согласился на его просьбу; Изяслав мирно выехал из Киева, и ростовский князь вступил туда с торжеством. В 1158 году Изяслав Давыдович начал замышлять рать на Юрия, заключив союз с Ростиславом Мстиславичем и Мстиславом Изяславичем; подготовил было и Святослава Ольговича встать вместе на Юрия, но тот отвечал: «Я крест целовал к Юрию: не могу без причины встать на него». В тот самый день, как Изяслав собирался идти к Киеву, приехали к нему киевляне и сказали: «Ступай, князь, в Киев, Юрий умер». Изяслав прослезился и, подняв руки к небу, сказал: «Благословен еси, господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Юрий пировал у Петрила; в тот же день на ночь разболелся и, лежав пять дней, умер 15 мая, в среду на ночь, а на другой день в четверг похоронили его в монастыре св. Спаса. Много зла сотворилось в тот день: разграбили двор его Красный и другой двор его за Днепром, который сам называл раем, и двор Василька сына его разграбили также в городе; суздальцев перебили по городам и селам, именье их разграбили.

Изяслав Давыдович вошел в Киев 19 мая. В тот же год согласились все ростовцы, суздальцы и владимирцы, взяли Андрея, старшего сына Юриева, и посадили его на отцовском столе, в Ростове, Суздале и Владимире, потому что он был всеми любим за многие свои добродетели. По отце своем он сотворил великую память, церкви украсил и монастыри поставил.

В 1159 году один из князей полоцких, Рогволод Борисович, пошел от Святослава Ольговича искать себе волости с полками Святославовыми, потому что братья были злы до него, отняли у него волость и все имение. Приехав ко Слуцку, он начал пересылаться с дричанами. Дричане были рады ему и звали к себе, говоря: «Приезжай, князь, не мешкай, рады тебе: хотя б пришлось и с детьми биться за тебя, рады биться». И в самом деле выехало к нему навстречу больше трехсот лодок с дричанами и полочанами, и вошел он в город с великою честью; а Глеба Ростиславича, сына полоцкого князя, горожане друцкие выгнали вместе с дружиною. Глеб пошел к отцу, в Полоцк; здесь встал большой мятеж; многие хотели Рогволода; едва Ростислав успел установить людей, роздавши им много даров и приведши ко кресту, а сам пошел со всею братьею на Рогволода к Друцку. Рогволод затворился в городе, бились крепко, и много падали с обеих сторон, так что Ростислав принужден был помириться с Рогволодом, придал ему волости и возвратился домой в Полоцк. Но в том же году полочане совещали злой совет на князя своего Ростислава Глебовича и преступили крестное целование, что клялись ему: «Ты наш князь, и дай нам бог с тобой пожить», – они послали втайне к Рогволоду Борисовичу сказать ему: «Князь наш! согрешили мы пред богом и пред тобою, что встали на тебя без вины и именье твое и твоей дружины все разграбили, а самого выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы сделали тебе своим безумием и крест к нам поцелуешь, то мы твои люди, а ты наш князь; Ростислава же тебе выдадим, что хочешь с ним, то и делай». Рогволод поклялся им, что не будет помнить прежнего. Тогда полочане начали звать Ростислава лестию на братовщину¹¹ к св. Богородице, к старой, на Петров день, чтоб там схватить его; он поехал, поддевши броню под платье, и не посмели схватить его.

На другой день начали его звать опять: «Князь! приезжай к нам, у нас есть до тебя дело; ступай к нам в город», – потому что князь был в то время на Белчице. Ростислав отвечал послам: «Я у вас вчера был, что ж вы мне ничего не говорили, какое там у вас было дело до меня». Несмотря на то, однако, поехал в город. На дороге попался ему детский, который гнал из Полоцка: «Не езд, князь, вече на тебя в городе, дружину твою бьют и тебя хотят схватить». Ростислав воротился, собрал дружину на Белчице и пошел полком к брату Володарю в Минск, много наделавши зла волости Полоцкой, забирая скот и челядь. Полочане же послали за Рогволодом в Друцк; и вошел Рогволод в Полоцк в июле месяце, сел на столе отца

¹¹ Братовщина – складочный пир; обыкновенно складывались все прихожане на храмовые праздники.

и деда с великою честью, и рады были полочане. В том же году начал рать Изяслав Давыдович на Ярослава Галицкого, ища волости двоюродному брату его, Ивану Ростиславичу, по прозванию Берладнику¹²: присылали к Берладнику галичане, уговаривая его сесть на коня и ехать к ним; они говорили: «Только покажутся твои стяги, и мы отступим от Ярослава». Изяслав начал слать к брату Святославу Ольговичу и к Святославу Всеволодичу, зовя их с собою на Галич; объявлял и то, что хотят на него самого идти князья из Владимира Волынского. Святослав Ольгович отвечал ему: «Брат, кому ищешь волости, брату или сыну? лучше бы тебе не начинать первому; а что говоришь: хотят на меня поехать, так если поедут на тебя с похвалюбою, то и бог будет за тебя, и я, и мои племянники». Изяслав не послушался брата и пошел из Киева. На дороге нагнал его посланный от Святослава опять с теми же речами: «Не велит тебе брат начинать рати, велит тебе воротиться». Изяслав с яростию отвечал ему: «Будь тебе ведомо, брат, не ворочусь, уж я пошел; а когда ты сам не идешь со мною и сына не пускаешь, то если, бог даст, успею в Галиче, тогда не жалуйся на меня, если поползешь из Чернигова к Новгороду (Северскому)». Святослава сильно оскорбили такие слова; он сказал: «Господи! виждь мое смирение: я о себе не заботился, не желая проливать кровь христианскую и губить свою отчину; взял я Чернигов с семью городами пустыми, сидят в них псаря да половцы; а всю волость Черниговскую Изяслав держит с своим племянником; но и того ему мало, велит мне из Чернигова выйти, а крест ко мне целовал, что никогда не лишит меня этого города; пусть все рассудит бог и крест честной; а я, брат, для твоего же добра запрещаю тебе ходить, и чтобы тишина была в Русской земле». Изяслав был побежден и принужден бежать.

Тогда князья Мстислав, Владимир и Ярослав послали в Смоленск к Ростиславу, зовя его в Киев на стол, потому что и прежде целовали крест искать Киева для него. Ростислав отправил к ним двоих послов – от смолян боярина, и от новгородцев другого, с такими словами: «Если меня зовете вправду с любовью, то я пойду в Киев на всей своей воле, чтоб вам иметь меня отцом себе вправду и ходить в моем послушании; а наперед всего объявляю вам: не хочу видеть Климана на столе митрополичьем, не взял он благословенье от св. Софии и от патриарха». Но Мстислав крепко заступался за Климана и говорил: «Не бывать Константину на митрополии, за то что проклинал моего отца». Долго спорили они между собою, Ростислав со Мстиславом, и были между ними крупные речи; наконец положили, что ни Климану, ни Константину не сидеть больше на столе митрополичьем, а привести нового митрополита из Царяграда.

В 1160 году пошел Ростислав, сын Мстиславов, из Смоленска в Киев, на стол; и вошел в Киев 12 апреля, на самое воскресение Христова; встретили его все люди и приняли с достохвальною честью; сел на столе деда своего и отца благоверный князь Ростислав, и была людям двойная радость – Воскресение Господне и княжеский въезд. В этом же году съехались Ростислав с Святославом Черниговским в Моравске, и был съезд их на великую любовь. Ростислав позвал к себе Святослава на обед, тот поехал к нему без всякого извета; и была в тот день между ними большая радость и дары многие. Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками и рыбьими зубьями. На другой день позвал Святослав Ростислава к себе на обед, и веселились больше вчерашнего дня: подарил Святослав Ростиславу барса и двух коней борзых с коваными седлами; и, так попиравшись и обдарившись, разъехались по домам.

В 1168 году пошел Ростислав к Новгороду, потому что новгородцы нехорошо жили с сыном его Святославом. За 300 верст до Смоленска начали встречать его лучшие мужи смоленские, потом встретили его внуки, потом сын Роман и епископ Мануил, и мало не весь город вышел к нему навстречу: все сильно обрадовались его приходу и поднесли ему множество даров. Из Смоленска пошел он в Торопец, оттуда и послал к сыну Святославу в Новгород,

¹² От города Берлада, в нынешней Бессарабии, куда стекался всякий сброд; там же и изгнанные князья находили убежище и удалую дружину.

веля ему ехать к себе навстречу в Луки, потому что Ростислав уже чувствовал себя дурно и потому не поехал в Новгород, и имел свидание в Луках с сыном и новгородцами; новгородцы целовали крест Ростиславу на том, что иметь сына его князем у себя, а иного князя не искать; и много даров взял великий князь у сына и у новгородцев. Из Лук возвратился он в Смоленск. Сестра его Рогнеда, видя, что брат сильно изнемогает, начала просить его остаться в Смоленске. Он отвечал ей: «Не могу здесь лечь, повезите меня в Киев; если бог возьмет меня на пути, то положите меня в отцовском монастыре, у св. Федора: если же бог возвратит мне здоровье, то постригусь в Печерском монастыре». Будучи при последнем издыхании, он сказал своему духовнику, священнику Семену: «Ты отдашь ответ богу в том, что запретил мне постричься». Часто говаривал он печерскому игумену Поликарпу: «Тогда еще запала мне в голову мысль о пострижении, когда пришла из Чернигова весть о смерти Святослава Ольговича». С тех пор он всегда, бывало, говаривал игумену: «Поставь мне, игумен, добрую келью; боюсь напрасной смерти». У Ростислава был еще и другой добрый обычай: в великий пост, каждую субботу и воскресенье, сажал он у себя за обедом по двенадцати чернецов, тринадцатый был игумен Поликарп; он кормил их и домой отпускал не с пустыми руками; сам же приобщался каждую неделю и тогда, бывало, так заливается слезами, так вздыхает и стонет, что и другие, глядя на него, начнут плакать. Великую любовь имел он к святой богородице и к св. отцу Феодосию и так разговаривал часто с Поликарпом: «Хотел бы я освободиться от маловременного и суетного света сего и мимотекущего и многомятежного жития сего, о чем и прежде поминал тебе». На это Поликарп обыкновенно отвечал ему: «Вам бог велел правду творить на этом свете, вправду суд судить и в крестном целовании стоять». Ростислав возражал: «Отец! княжение и мир не может без греха быть, а я уже пожил немало на этом свете; а теперь хотелось бы мне поревновать правоверным царям, которые пострадали и приняли возмездие от господа бога своего, святым мученикам, пролившим кровь свою и восприявшим венцы нетленные, святым отцам, удручившим тело свое постом, и узким, тесным путем ходившим, и принявшим царство небесное; слышал я слово царя Константина: если бы ведал, как честен лик иноческий, как прямо восходят чернецы с ангелами к престолу господню, то снял бы венец и багряницу». Тогда говорил ему игумен: «Если хочешь этого, князь, то да будет воля божия». Ростислав отвечал: «Подожду еще немного: у меня есть койкакие дела». На дороге из Смоленска, в селе Зарубе, представился Ростислав в молитве и слезах и положен был в Киеве, в Федоровском монастыре.

Глава XIII

О взятии Киева войсками Андрея Боголюбского, о войне этого князя с Ростиславичами и о смерти его

В 1169 году, по смерти Ростислава, послали за Мстиславом Изяславичем, племянником покойного, братья его – Владимир Мстиславич, Рюрик и Давыд Ростиславичи, и киевляне с черными клобуками от себя послали за ним же. Урядившись с братьею, дружиною и киевлянами, Мстислав сел на столе киевском. В 1170 году пришла Мстиславу Изяславичу добрая мысль о Русской земле; хотел он ей добра всем сердцем и, созвавши братью свою на думу, так говорил им: «Братья! пожалейте о Русской земле и о своей отчине и дедине, что половцы каждый год уводят христиан в свои вежи; беспрестанно клянутся нам в соблюдении мира и беспрестанно преступают клятву, а теперь уже отнимают у нас Греческий путь и Соляной Залозный; хорошо было бы нам, братья, призвав на помощь бога и святую богородицу, поискать пути отцовского и дедовского и чести своей». Угодна была речь его и богу, и всей братье, и дружинам их. Они сказали: «Бог тебе помоги, брат, за такую мысль, а нам дай бог за христиан и за Русскую землю головы свои сложить и к мученикам быть причтенным». Все князья соединились и выступили из Киева; шли девять дней, взяли половецкие вежи по реке Угле и по Снопороду, а самих половцев настигнули у Черного Леса, притиснули к нему и перебили, а иных руками перехватили, всех же христиан, отполонивши, пустили на свободу. В это время в Суздале княжил Андрей Юрьевич, и не лежало у него на сердце ко Мстиславу. Тогда же новгородцы прислали к Мстиславу, прося у него сына его Рюрика в князья себе; Мстислав отпустил к ним сына; отсюда пошла вражда на Мстислава от всей братьи; все начали сноситься между собою, утвердились крестным целованием идти на великого князя. Зимой выслал против него князь Андрей Юрьевич полки ростовские, владимирские и суздальские с сыном своим Мстиславом, одиннадцатью другими князьями и воеводою Борисом Жидиславичем. Они оступили Киев; Мстислав затворился в городе, и была брань крепкая отовсюду. Три дня уже бились, Мстислав начал изнемогать, берендеи и торки изменили ему, дружина начала говорить: «Что, князь, стоишь? ступай из города, нам их не перемочь». Мстислав выехал во Владимир, и Киев был взят 8 марта 1171 года. Целые два дня грабили город, Подолье и Гору, и монастыри, и св. Софию, и Десятинную Богородицу: не было помилования ни кому ни откуда; церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен вели в плен, разлучая силою от мужей, младенцы рыдали, смотря на матерей своих; взяли именья множество, из церквей побрали иконы, книги, ризы и колокола, все вынесли смоляные, суздальцы и черниговцы; зажжен был монастырь печерский погаными, но бог молитвами св. богородицы соблюл его от такой беды; и были в Киеве у всех людей стон и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Все это случилось грех ради наших.

Мстислав Андреевич посадил дядю своего Глеба на столе киевском, а сам пошел в Суздаль к отцу своему Андрею, с великою честью и славою. В 1173 году умер Глеб; его место занял Владимир Мстиславич, но Андрею Суздальскому не любо было это; несколько раз присылал он ко Владимиру, веля ему идти из Киева, куда посылал Романа Ростиславича из Смоленска. В следующем 1174 году умер Владимир; Роман сел в Киеве, и была радость всем людям. Но скоро Андрей начал обвинять Ростиславичей; он прислал к ним мечника своего Михна с такими речами: «Выдайте мне Григорья Хотовича, и Степанца, и Алексея Святославича: они уморили брата моего Глеба и враги всем нам». Ростиславичи не послушались его и отпустили от себя Григорья. Тогда Андрей велел сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею, так ступай же из Киева, а Давыд пусть идет из Вышгорода, а Мстислав из Белгорода; у вас есть Смоленск, тем и делитесь, как хотите». Ростиславичи сильно опечалились, что Андрей отнимает у них Русскую землю, а брату своему Михайле дает Киев. Роман Ростиславич выехал

из Киева, но другие братья его – Рюрик, Давыд и Мстислав – послали сказать Андрею: «Брат! мы называли тебя отцом, крест целовали тебе и стоим в крестном целовании, желая тебе добра; но вот ты теперь брата нашего Романа вывел из Киева, а нам путь кажешь из Русской земли, без нашей вины; но за всеми бог и сила крестная». Андрей не дал им ответа; тогда Ростиславичи въехали ночью в Киев, схватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, с дружиною и отдали город брату своему Рюрику. Черниговские князья обрадовались вражде и начали подучать Андрея на Ростиславичей; они послали сказать ему: «Кто тебе враг, тот и нам, а мы с тобою готовы». Андрей принял совет их, исполнился высокоумья, разгорделся, надеясь на множество войска, разжегся гневом и послал опять мечника Михна сказать Ростиславичам: «Не ходите в моей воле, так ступай ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; а ты, Давыд, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а тебе, Мстислав, также не велю быть в Русской земле: от тебя то все и стало». Мстислав от юности привык не бояться никого, кроме одного бога: он велел остричь Андрееву послу голову и бороду и отослал назад с такими словами: «Ступай к князю своему и скажи ему: до сих пор мы держали тебя как отца; но если ты прислал ко мне с такими речами, не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а бог сделает посвоему». Андрей, услышав это от Михна, побледнел, взострился на рать и скоро был готов. Он послал собирать все свои войска: ростиславцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев; начел пятьдесят тысяч войска и послал с ним сына своего Юрия да Бориса Жидиславича воеводою, приказав им: «Рюрика и Давида выгоните из отчины их, а Мстиславу не делайте никакого зла, только приведите ко мне». Андрей князь умник был во всех делах и доблестен; но погубил смысл свой невоздержанием, распалился гневом и испустил такие похвальбы; а перед богом гордость постыдна и мерзка: ведь она от дьявола. Но мы на прежнее возвратимся. Так вот и пошло войско Андреево; когда шло оно мимо Смоленска, то Роман, князь тамошний, отпустил с ним сына своего и полки поневоле: не хотелось ему вооружаться на братью, да делать было нечего: он сам находился тогда в руках Андрея, который приказал и полоцким князьям пойти всем, и туровским, и пинским, и городенским.

Соединившись еще с Ольговичами и другими разными князьями, войска Андреевы переправились через Днепр и вошли в Киев. Ростиславичи же не затворились в Киеве, но пошли в свои города: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде с Давыдовым полком, а сам Давыд поехал в Галич к Ярославу за помощью. Войска Андреевы приблизились к Вышгороду; всех князей было более двадцати; Мстислав не испугался, въехал в неприятельские полки и потоптал их; было тогда смятение большое, и стоны, и клики, и голоса какието дикие: слышался лом копейный, звук оружейный; от множества пыли не распознать было ни конника, ни пешца. Бились крепко и разошлись; много было раненых, мало мертвых. Это был один бой на первый день: бился Мстислав со Всеволодом, с Игорем и с другими младшими людьми; потом пришли все силы, оступили весь город и приступали к нему всякий день; Мстиславовы полки, выходя из города, бились так же крепко, и много было в них побито и поранено добрых людей; враги стояли около города девять недель. В это время пришел Ярослав Луцкий¹³ на Ростиславичей же, со всею Волынскою землею, ища себе старшинства у Ольговичей; но Ольговичи не уступили ему Киева; тогда он сослался с Ростиславичами, урядился с ними о Киеве, отступил от Ольговичей и пошел на помощь Рюрику к Белгороду. Князья, союзники Андреевы, видя это, испугались; они говорили: «Вот как они совокупятся на нас с галичанами и с черными клобуками; то что нам будет делать?» В полках их началось смятение, и, не дождавшись совета, все ударились бежать чрез Днепр, и множество перетонуло. Мстислав, видя это, похвалил бога и погнался за ними; дружина его ударилась на стан неприятельский и набрала множество пленных. Мстислав много утер пота с дружиною своею и немало показал мужества

¹³ Ярослав Изяславич, сын великого князя Изяслава Мстиславича.

с мужами своими. Так возвратилась вся сила Андрея, князя Суздальского: совокупил он всю землю, и войску не было числа, пришли с высокомыслием, отошли в дома свои со смирением. Ростиславичи положили на Ярославе старшинство и дали ему Киев.

Вошел Ярослав в Киев и стал на столе дедовском и отцовском. Тогда Святослав Черниговский начал слать к нему с жалобою: «Помяни первый ряд, на чем ты целовал крест; ты говорил: сяду ли я в Киеве, то я тебя наделю, а сядешь ты в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел право ли, криво ли, я не разбираю; только надели меня». Ярослав отвечал ему: «Зачем тебе наша отчина? тебе этой стороны не надобно». Святослав послал сказать на это: «Я не угрин и не лях; но мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне; если ты не стоишь в первом ряду, то твоя воля». Сказав это, он совокупился с братьею и поехал врасплох к Киеву. Ярослав, не успевши соединиться с братьею и не смея затвориться в Киеве один, бежал в Луцк, а Святослав въехал в Киев, захватил жену, сына Ярославова, дружину и все имение и отправился с добычею в Чернигов. Ярослав, слыша, что Киев стоит без князя, пограбленный Ольговичами, приехал опять туда и в сердцах замыслил тяготу киевлянам; он сказал им: «Подвели вы на меня Святослава, так теперь промышляйте, чем выкупить княгиню и сына». Граждане не умели ничего отвечать ему; тогда он наложил пеню на весь Киев, на игуменов и попов, чернецов и черниц, на латину¹⁴ и гостей, даже на затворников, одним словом, на всех киевлян. В то же время Ростиславичи послали к князю Андрею с просьбою, чтоб позволил брату их Роману княжить в Киеве. Андрей отвечал им: «Подождите немного, я послал к своей братье в Русь; как мне будет весть от них, тогда дам ответ».

В 1175 году убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха. Был у него любимый слуга Яким, который, услышав, что князь велел казнить брата его, начал советоваться с подобными себе злыми советниками, как Иуда с жидами, и начали говорить: «Нынче того казнил, а нас завтра; так промыслимка над этим князем», – и уговорились убить его в ночь. Когда ночь наступила, они пошли с оружием к спальне княжеской; на дороге охватил их ужас, и они побежали назад из сеней, зашли в медушу¹⁵ и напились вина; понапившись и поободрившись, пошли опять в сени. Начальниками убийства были Петр, Кучков зять, Анбал Ясин ключник, Яким Кучкович, а всех убийц числом двадцать, которые собирались на совет в тот день, у Петра, Кучкова зятя. Когда они подошли в другой раз к спальне, то один, ставши у дверей, начал кликать князя: «Господине! Господине!» Князь закричал: «Кто там?» Тот же самый отвечал ему: «Прокопий». Князь узнал по голосу и закричал: «Какой Прокопий, вовсе не Прокопий!» Тогда убийцы начали бить в двери и силою их выломали. Андрей вскочил, хотел схватить меч, но меча уже не было: Анбал ключник днем припрятал его; а меч то был св. Бориса. Между тем двое убийц вскочили в спальню и бросились на князя: тот подмял одного под себя, остальные убийцы подумали в темноте, что это князь упал, и начали добывать своего же брата; потом узнали ошибку и стали бороться с Андреем, который имел силу необыкновенную: секли его мечами и копьями, а он все был на ногах и кричал им: «Горе вам, нечестивцы! какое я вам зло сделал; если прольете кровь мою на земле, то бог отомстит вам за мой хлеб». Наконец убийцы подумали, что уже покончили с князем и, схвативши своего раненого, пошли вон с трепетом; тогда Андрей опять вскочил на ноги и со стоном и воплями пошел под сени. Убийцы, услышав его голос, опять воротились на прежнее место, и, не найдя там князя, перепугались, и начали кричать друг другу: «Давайте искать его поскорее: пропали мы, если он от нас ускользнет». Зажгли свечи и отыскивали его по кровавому следу. Он сидел за восточным столпом. Петр первый бросился на него и отсек правую руку; князь взглянул на небо, сказал: «Господи! в руке твои предаю дух мой» – и скончался. Это было в субботу, на ночь.

¹⁴ Иностранцев католического исповедания.

¹⁵ Погреб собственно для медов.

На другой день, в воскресенье, на память 12 апостолов, убийцы нашли и закололи Прокопья, любимца княжеского; оттуда пошли на сени, вынули золото, камень дорогое, жемчуг и всякое узорочье, поклали все на лошадей и отослали еще до рассвета; а сами, побравши княжеское оружие, начали набирать себе единомышленников, говоря: «Что если да на нас придет дружина владимирская?» Собравши полк, послали сказать владимирцам: «Что вы на нас замышляете? мы хотим с вами покончить миром; ведь не наша была одна дума, были в ней и из вас койкто». Владимирцы отвечали: «Кто был с вами в думе, тот и оставайся с вами, а нам ненадобно». Тогда злоумышленники рассеялись на грабеж, так что страшно было смотреть. Между тем пришел на место убийства Кузьма Киевлянин и начал спрашивать, где убит господин. Ему отвечали: «Лежит там выволочен в огороде; только ты не смей брать его, все согласились выбросить его псам; если кто примется за него, тот нам враг, и его убьем». Тогда Кузьма начал плакать над телом: «Господин мой! Как это ты не почуял, что идут к тебе скверные и нечестивые враги, и как тебе не удалось победить их, когда прежде побеждал полки поганых болгар?» Увидав ключника Анбала, Кузьма обратился к нему: «Анбал, вражий сын! сбрось ковер, либо чтонибуть, чем прикрыть господина нашего». Анбал отвечал: «Ступай прочь, мы хотим выбросить его псам». «Ах ты, еретик, – закричал Кузьма, – выбросить псам? помнишь ли ты, жид, в каком ты платье пришел сюда? теперь ты в бархате стоишь, а князь нагой лежит; пожалуйста, скинь чтонибуть». Ключник сбросил ковер и сукно, в которое Кузьма завернул тело и понес в церковь. Здесь на просьбу свою, чтоб отперли церковные двери, он получил ответ: «Брось его здесь в притворе, охота тебе с ним носиться». Кузьма опять начал плакаться: «Уже и рабы тебя, господина своего, знать не хотят; бывало придет ли гость какой из Царяграда, или из иных стран русских, или латинин, или какойнибудь другой христианин, даже поганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся; так и случалось: болгары и жида и всякая погань, видя славу божию и украшение церковное, крестились и теперь горько плачут по тебе, а эти и в церкви не велят положить». Поплакавши, положил тело в притворе, прикрыв сукном; так лежало оно два дня и две ночи. На третий день пришел козмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Долго ли нам смотреть на старших игуменов и долго ли этому князю лежать так? отомкните божницу, я отпою над ним, и положим его в гроб; когда перестанет эта злоба, тогда придут из Владимира и понесут его туда». Так и сделал Арсений вместе с крилошанами боголюбскими.

Между тем граждане боголюбские пограбили дом княжеский и работников, пришедших к делу, золото и серебро, платье и ткани, бесчисленное множество всякого имения; пограбили дома посадников и тиунов княжеских, детских и мечников перебили, не понимая, что где закон, там и обид много; грабители приходили из сел. Начался было грабеж и во Владимире, но там духовенство начало ходить по городу с иконою Богородицы, и грабеж утих. На шестой день, в пятницу, владимирцы сказали игумену Феодулу и Луке демественнику в церкви св. Богородицы: «Нарядите носильщиков пойти взять князя и господина своего Андрея», – а Микулице сказали: «Собери всех попов; облачившись в ризы, выдьте перед серебряные ворота с иконою Богородицы, тут и дождитесь князя». Феодул и сделал так; взявши крилошан соборных и граждан, поехали они в Боголюбов, взяли тело Андреево и повезли во Владимир с честью и плачем великим. Как только завидели стяг¹⁶, выступивший от Боголюбского, то люди не могли удержаться, все начали вопить, ничего не видали от слез, и далеко был слышен вопль их. Все плакали и говорили: «Ужели ты в Киев поехал, господин наш, в ту церковь, теми золотыми воротами, что послал делать на великом дворе Ярославовом, говоря: хочу создать церковь такую же, как и ворота эти золотые, да будет память всему отечеству моему?» И так плакался по нем весь город.

¹⁶ В похоронных процессиях княжеских перед гробом несли знамя (стяг) покойного и вели коня его.

Глава XIV

О том, что случилось в Ростовской земле по смерти Андреевой

Узнавши о смерти Андреевой, ростовцы, суздальцы и переяславцы и вся дружина, от мала и до велика, съехались во Владимир и рассуждали: «Князь наш убит, а детей у него нет, один только маленький сын в Новгороде, а братья его в Руси; за какими князьями пошлем? соседи нам князя муромские и рязанские, боимся мести их, как пойдут внезапно на нас ратью, когда у нас нет князя; пошлемка к Глебу в Рязань, скажем ему: «Князя нашего бог взял, хотим на его место Ростиславичей, Мстислава¹⁷ и Ярополка, твоих шурьев». Забыли они крестное целование, что клялись князю Юрию держать на столе своем меньших его сыновей, Михаила и Всеволода; преступили крестное целование и прежде, посадивши Андрея и выгнавши меньших его братьев; не опомнились и по смерти Андреевой, слушали только Дедилца да Бориса, послов рязанских. Глеб, князь рязанский, обрадовался, что на него возлагают честь и хотят шурьев его в князья. Послали к ним сказать: «Ваш отец был добр, когда у нас жил, ступайте к нам княжить, а других не хотим». Ростиславичи отвечали: «Помоги бог дружине, что не забывают любви отца нашего». В это время вместе с ними в Чернигове жили и дядья их Юрьевичи – Михаил и Всеволод; Ростиславичи, подумавши, сказали: «Либо лихо, либо добро всем нам, пойдем все четверо, двое Юрьевичей да двое Ростиславичей». Двое поехали наперед: Михайло Юрьевич да Ярополк Ростиславич, давши старшинство Михаилу. Когда ростовцы узнали, что оба эти князя вместе приехали в Москву, то рассердились и послали сказать Ярополку: «Ты ступай сюда к нам», – а Михаилу велели сказать: «Подожди немного в Москве». Ярополк тайно от Михаила поехал с дружиною в Переяславль; Михайло, увидав, что Ростиславич уехал, отправился и сам во Владимир и затворился в городе. Ростовцы приехали на него со всею силою земли своей и много наделали зла, привели муромцев ц рязанцев и все пожгли около города. Владимирцы отбивались целых семь недель, наконец, не стерпевши голода, сказали Михаилу: «Миришь, либо промышляй о себе». Он отвечал: «Вы правы; не погибать же вам для меня!» – и поехал в Русь; владимирцы проводили его с плачем великим. Потом взяли они клятву с Ростиславичей, что те не сделают никакого зла их городу, и вышли с крестами навстречу Мстиславу и Ярополку. Князья, вошедши в город, утешили владимирцев, потому что разделили волость Ростовскую: во Владимире сел Ярополк, подоживши с гражданами весь поряд в церкви Богородицы. Не против Ростиславичей бились владимирцы, но не хотели покориться ростовцам, суздальцам и муромцам, потому что те говорили: «Пожжем Владимир или посадника в нем посадим, то наши холопы каменщики». Ростовцы посадили у себя в Ростове князем Мстислава, на столе дедовском и отцовском, с радостью великою. Ростиславичи, ставши князьями в Ростовской области, роздали посадничества русским детским¹⁸, которые начали делать всякие притеснения жителям; а сами князья были еще молоды, слушались бояр, а бояре подучали их на то, как бы побольше нажить имения: из церкви св. Богородицы Владимирской золото и серебро взяли, в первый же день отняли ключи от церковных полатей¹⁹ и город²⁰ и дани захватили, что дал той церкви князь Андрей. Тогда владимирцы начали говорить между собою: «Мы приняли князя на своей воле, утвердились с ним крестным целованием; а они смотрят на нашу волость как на чужую, будто они у нас на время сели, грабят не только всю волость, но и церкви; так промышляйте, братья!» Однако сперва они послали к ростовцам и суздальцам объ-

¹⁷ Сыновей Ростислава Юрьевича, старшего сына Долгорукого.

¹⁸ Членам дружины, которых они привели с юга, из собственной Руси.

¹⁹ От ризницы.

²⁰ Город, приписной к церкви, именно Гороховец.

явить им свою обиду. Те на словах были за них, а на деле далеко не так, особенно бояре, которые крепко держались Ростиславичей. Тогда владимирцы, укрепившись между собою, дослали сказать Михаилу в Чернигов: «Ты старше всех своих братьев, приезжай к нам во Владимир; если что замыслят на нас ростовцы и суздальцы за тебя, то будем с ними управляться, как нам бог даст и св. Богородица».

В 1176 году Михайло с братом своим Всеволодом пошел из Чернигова во Владимир; Святослав князь Черниговский дал ему в помощь сына своего Владимира с полком; на дороге схватила Михаила сильная болезнь: его положили на носилки и едва живого донесли до Москвы; здесь встретили его владимирцы с Юрием Андреевичем (сыном Боголюбского), потому что одни владимирцы были добры до него. За обедом пришла к Михаилу весть, что племянник его Ярополк идет на него; тогда он тотчас же выступил из Москвы ко Владимиру и в лесу разошелся с Ярополком. Тот уже послал сказать брату своему Мстиславу: «Михайло болен, несут его на носилках, дружины с ним мало, я иду за ним по пятам; ступай, брат, поскорее, чтобы не пропустить его во Владимир». Мстислав, получив эту весть, рано утром помчался из Суздаля, точно будто на заячью охоту, дружина едва успевала нагонять его. За пять верст до Владимира встретился он с Михаилом, у него было множество войска, но правда и св. Спас были с Михаилом. Мстиславовы полки сначала смотрели храбро, точно хотели пожрать врагов, но, еще не доехавши до последних, бросили стяг и побежали, гонимые гневом Божиим. Михаил одержал победу в день воскресный и поехал во Владимир с честью и славою великою, дружина его и владимирцы вели перед собою пленников; игумены, и попы, и все люди вышли к ним навстречу со крестом. Михаил возвратил церкви св. Богородицы города, которые отнял Ярополк: и была большая радость в городе Владимире: опять он увидел в себе великого князя всей Ростовской земли. Мы же подивимся чуду новому и великому божия матери, как она заступила свой град и укрепила граждан: не вложил им бог страха, не побоялись они ни двоих князей, ни прещенья боярского, семь недель просидели без князя, возложивши всю надежду на св. Богородицу да на свою правду. Потому что новгородцы изначала, и смоляне, и киевляне, и полочане, и все власти как на думу на веча сходятся, и на что старшие согласятся, на том и пригороды станут; а здесь города старые Ростов и Суздаль, и все бояре захотели свою правду поставить, а не захотели правды Божией исполнить. «Как нам любо, – сказали, – так и сделаем, Владимир наш пригород». Не уразумели ростовцы и суздальцы исправить правды Божией, загордились своею давностию, старшинством; новые же люди малые владимирские взяли крепко стоять за правду и сказали все друг другу: «Либо Михаила князя себе добудем, либо головы свои сложим за св. Богородицу и за Михаила». Потом прислали к князю Михаилу суздальцы с такими словами: «Мы, князь, на том бою со Мстиславом не были, были с ним наши бояре; ты на нас сердца не держи и приезжай к нам». Михаил поехал в Суздаль, а из Суздаля в Ростов, дал жителям весь наряд, утвердился с ними крестным целованием, взял много даров у ростовцев и, посадив брата своего Всеволода в Переяславле, сам возвратился во Владимир.

В 1177 году преставился благоверный князь Михаил, сын Юрьев, внук Владимира Мономаха. Владимирцы, вспомнив бога и крестное целование к великому князю Георгию, вышли перед золотые ворота и присягнули Всеволоду, брату Михайлову и детям его. Но в то же время ростовцы и бояре привели из Новгорода опять прежнего своего князя Мстислава Ростиславича. Мстислав приехал в Ростов, собрал ростовцев и бояр, гридбу, пасынков²¹ и всю дружину и поехал ко Владимиру; Всеволод выехал против него с владимирцами, с своею дружиною и что осталось у него бояр. Не желая пролития крови, он послал сказать Мстиславу: «Брат! если тебя привела старейшая дружина, то ступай в Ростов; там заключим мир; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом бог привел и владимирцы; Суздаль же пусть будет нам общий: кого захотят, тот и будет им князь». Но Мстислав слушался больше ростовцев и бояр, которые,

²¹ Гриди и пасынки, впоследствии дворяне и дети боярские.

в величании своем, забывши крестное целованье, говорили ему: «Если ты помиришься со Всеволодом, то мы не помиримся». Всеволод, приехав к Юрьеву и дождавшись переяславцев, сказал им, что Мстислав не хочет мира; переяславцы отвечали: «Ты ему добра хотел, а он головы твоей ловит; ступай, князь, на него; победит он нас, то ему наши жены и дети; брату твоему Михаилу еще девятого дня нет, а он уже хочет кровь проливать». Бог помог князю Всеволоду: Мстислав и дружина его побежали, а Всеволод возвратился во Владимир с честью великою. Мстислав из Ростова прибежал в Новгород, но новгородцы сказали ему: «Ты ударил пятою в Новгород, пошел на зов ростовцев; теперь бог рассудил тебя с дядею Всеволодом, зачем же к нам идешь?» Новгородцы не приняли его, и он поехал в Рязань, где подмолвил князя Глеба идти войною на Всеволода. Глеб на ту же осень пожег Москву; зимою пошел Всеволод на него и встретился на реке Колакче: Мстислав побегал первый, за ним Глеб; Всеволод погнался за ними со всею дружиною, рубя и хватая пленников. Захвачены были в плен сам князь Глеб Рязанский, сын его Роман, шурин Мстислав Ростиславич, вся дружина их и все думцы. Была большая радость во Владимире; но на третий день встал в городе мятеж; бояре и купцы пришли к князю и сказали: «Князь! мы тебе добра хотим и за тебя головы свои кладем, а ты держишь своих врагов без всякой осторожности; а враги твои и наши – суздальцы и ростовцы; либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам». Всеволод не хотел сделать этого и велел посадить пленников в тюрьму, а к рязанцам послал сказать: «У вас враг наш Ярополк Ростиславич, выдайте его, или иду на вас». Рязанцы начали рассуждать: «Князь наш и братья наши погибли изза чужого князя, чтобы и с нами того же не было», – поехали в Воронеж, взяли Ярополка и сами привели во Владимир; Всеволод велел и его посадить в тюрьму к прежним пленникам. Но чрез несколько дней встали опять люди все и бояре, многое множество пришло их на двор княжеский с оружием и с криком: «До чего их додержишь? хотим ослепить их». Князь Всеволод опечалился, но делать было нечего: Ростиславичей ослепили и выпустили; Глеб умер в тюрьме владимирской, сына его Романа выпустили невредимым на крестном целовании.

Глава XV

О Мстиславе храбром и о походе Игоря на половцев

В 1178 году новгородцы прислали звать к себе на стол Мстислава Ростиславича храброго²²; тот не хотел идти из Русской земли и отвечал: «Не могу идти из отчины своей и разойтись с братьею». Потому что он всегда горел желанием от всего сердца трудиться за родину свою и стремился всегда на великие дела. Но братья и дружина сказали ему: «Брат! если зовут тебя с честью, то ступай; разве там не наша же отчина?» Мстислав послушался братьев и мужей своих и пошел с боярами новгородскими; но сам положил на уме: «Если только бог даст мне здоровье, то никак не могу забыть Русской земли». Когда пришел он в Новгород, встретил его епископ с крестами и с новгородцами и с игуменами; все вошли во святую Софию, поклонились св. Спасу и св. Богородице, и так Мстислав сел на столе дедовском и отцовском, со славою и честью великою. Скоро бог вложил ему в сердце добрую мысль пойти на чудь; он созвал мужей новгородских и сказал им: «Братья! поганые нас обижают; что бы нам, призвавши на помощь бога и св. Богородицу, да пойти поотомстить за себя и освободить Новгородскую землю от поганных?» Люба была эта мысль всем мужам новгородским; они отвечали Мстиславу: «Князь! если богу любо и тебе, то мы готовы».

Мстислав собрал всех ратных людей новгородских и, сочтя, нашел 20 000 числом; с этим войском отправился он на Чудскую землю, пожег ее всю, ополонился рабами и скотом и возвратился домой. На весну вздумал он пойти на Полоцк, на зятя своего Всеслава; дед Всеслав приходил на Новгород, пограбил церковь и завел один погост за Полоцк; так Мстиславу хотелось возвратить Новгородскую волость и отомстить за прежнюю обиду. Уже он пришел на Луки с войском новгородским, как брат его Роман Смоленский прислал сказать ему: «Всеслав тебя не обижал, но если идешь на него, то прежде ступай на меня», – Мстислав не захотел сердить старшего брата и возвратился в Новгород. Вскоре после этого схватила его жестокая болезнь, силы начали ослабевать, язык отниматься; он посмотрел на дружину свою и на княгиню, вздохнул глубоко, прослезился и сказал: «Приказываю дитя свое Владимира Борису Захарьичу и отдаю его братьям Рюрику и Давиду вместе с волостью на руки; а обо мне что бог промыслит». После этих слов он преставился 13 июня, причастившись св. тайн; и плакала по нем вся земля Новгородская, особенно же плакали лучшие мужи новгородские и говорили: «Уже не можем, господин наш, поехать с тобою на чужую землю, поработить поганных под область Новгородскую: ты много говорил, господин наш, собирався идти на все стороны поганные; лучше бы нам умирать теперь с тобою, давшим такую свободу новгородцам от поганных; как и дед твой Мстислав, освободил ты нас от всех обид; ты подражал ему и преследовал путь деда своего; теперь уже не можем тебя больше видеть, солнце наше зашло, и остались мы в обиде». Так плакался над ним весь народ новгородский, и сильные, и худые, и нищие, и черноризцы, потому что был милостив ко всем. Этот князь Мстислав был росту среднего, лицом красив, всякою добродетелию украшен и благодетелен; любовь имел ко всем, раздавал богатую милостыню, снабжал монастыри, угощал чернецов и принимал их с любовию, беря у них благословение, снабжал и мирские церкви, и попов, и весь святительский чин достойною честью почитал; был крепок на рати, всегда жаждал умереть за Русскую землю и за христиан; когда видел, что поганые пленят христиан, то говаривал дружине своей: «Братья! не сомневайтесь: если теперь умрем за христиан, то очистимся от грехов и бог сравнит нас с мучениками; если бог пошлет милость, то слава богу; если же умрем, то все равно, надобно же когданибудь умирать». Говоря так, он вселял бодрость в воинов своих и бился от всего сердца за отчину свою.

²² Смоленского, который прежде боролся с Боголюбским, см. выше.

Он любил дружину свою, именья не берег, золота и серебра не собирал, но раздавал дружине своей или по церквам, на помин души; приложился к отцам и дедам своим, отдав общий долг, которого не избежать ни одному рожденному; не было той земли на Руси, которая не хотела бы его; всегда стремился он на великие дела – и умер еще очень молод. Братья, услышав о смерти его, сильно горевали; плакалась по нем вся земля Русская, не могли забыть доблести его, и черные клобуки все не могут забыть приглубления его.

В 1175 году Ярослав Изяславич выехал из Киева опять в свой Луцк; его место занял Роман Ростиславич Смоленский; последнего в 1177 году выгнал Святослав Всеволодич Черниговский, и сам сел в Киеве. В 1183 году вложил бог в сердце Святославу, князю Киевскому, и Рюрику Ростиславичу пойти на половцев; они послали за окольными князьями и, соединившись с ними, победили поганных и возвратились домой со славою и честью великою. В 1184 году пошел окаянный и безбожный и проклятый Кончак, со множеством половцев, на Русь пленить города и жечь их огнем: нашел он какого-то бусурманина, который стрелял живым огнем; были у них луки тугие, самострельные, такие, что едва 50 человек могли их натягивать. Половцы пришли и стали на Хороле; Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками, ни мало не медля, пошли против них и обратили в бегство, взяли в плен и бусурманина того, что стрелял живым огнем, и со всем снарядам. В 1185 году Игорь Святославич Северский, внук Олегов²³, поехал из Новгорода²⁴, взявши с собою брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска, сына Владимира из Путивля; шли они тихо, собирая дружину, и когда подходили вечером к реке Донцу, то Игорь, взглянувши на небо, увидал, что солнце стоит точно месяц; он сказал боярам своим и дружине: «Смотрите, что это за знамение?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Князь! не к добру это!» Игорь отвечал: «Братья и дружина! тайн божиих никто не знает, а знамению творец бог и всему миру своему; увидим, что нам даст бог, на добро ли, или на зло наше». Сказавши это, он переправился через Донец и два дня ждал в Осколе брата своего Всеволода, который шел иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше и на дороге встретили сторожей, посланных ловить языка; сторожа сказали: «Ступайте скорей или возвратитесь домой, потому что теперь не наше время». Игорь сказал на это: «Если нам возвратиться не бившись, то срам нам будет хуже смерти; поедem на волю Божию». Согласившись на этом, пустились во всю ночь и утром на другой день встретили полки половецкие. Князья изрядили шесть полков, а наперед поставили стрельцов. Игорь сказал братии: «Братья! мы искали этого; станем же крепко». Половцы обратились в бегство, русские захватили их вежи и взяли много полону. После этого Игорь говорил, чтобы поехать в ночь; но Святослав Ольгович сказал дядьям своим: «Я далеко гнал за половцами и измучил коней; если теперь опять ехать, то придется мне отстать на дороге». Положили ночевать на месте.

На другой день, в субботу, начали выступать полки половецкие, точно боровья. Изумились русские князья, откуда их взялось такое множество, и Игорь сказал: «Мы сами нарочно собрали на себя всю землю». Согласились сойти с коней и пешим пробиться к реке Донцу; князья говорили: «Если поедem, убежим сами, а черных людей оставим, и будет на нас грех, что их выдадим; но или умрем, или живы будем все вместе». Итак все сошли с коней и начали пробиваться; Игоря ранили в руку, и была большая печаль в полку его. Бились крепко до самого вечера; много было раненых и мертвых в полках русских; бились потом всю ночь; на рассвете в воскресенье возмутились коуи²⁵ и побежали. Игорь сидел в то время на коне, потому что был ранен; видя бегство коуев, он поскакал к ним, чтобы возвратиться, и отъехал далеко от своих; поняв опасность, он снял шлем и погнал опять к полкам, чтобы узнали князя и возвратились;

²³ Внук Олега Святославича, чрез Святослава Ольговича.

²⁴ Северского.

²⁵ Степные варвары, служившие в полках русских.

но никто не возвратился, и он попался в плен. Будучи схвачен и увидав, что брат его Всеволод крепко борется, Игорь просил у бога смерти, лишь бы только не видать падения брата своего. Игорь после рассказывал: «Вспомнил я тогда грехи мои пред богом, какое кровопролитие сделал я в земле христианской, когда взял приступом город Глебов у Переяславля; теперь вижу месть от бога: говорил я сам себе: где теперь возлюбленный мой брат, где брата моего сын? где чадо рождения моего, где бояредумы мои, где мужи храбрые, где ряд полчный, где кони и оружие многоценное? всего лишен и связанный предан в руки беззаконников». Из такого множества русских ратников мало кто спасся: нельзя было убежать, потому что как стенами сильными огорожены были полками половецкими; ушло только человек пятнадцать русских, а коуев еще меньше, прочие же потонули в море.

В то самое время великий князь Святослав Всеволодич шел в Корачев и собирал ратников с верхних земель, хотя идти на половцев к Дону на все лето. На возвратном пути, будучи у Новгорода Северского, услышал он о братии своей, что пошла на половцев тайком от него: не любо было это ему. Когда уже он пришел в Чернигов, прибежал Беловолод Просович и сказал ему о поражении Игоревом. Святослав вздохнул, прослезился и сказал: «Любезные мои братья и дети и мужи земли русской! дал бы мне бог, притомил бы я поганых, но вы не удержали молодости своей и отворили ворота в Русскую землю, воля господня да будет; как мне досадно было на Игоря, так теперь жаль его». Тотчас же Святослав послал сыновей своих Олега и Владимира в Посемье²⁶: смутились города Посемские, услышавши о судьбе Игоря: была скорбь лютая, какой прежде никогда не бывало во всем Посемьи, и в Новгороде Северском, и во всей волости Черниговской: князья в плену, дружина в плену избита! Смятение было страшное в городах, не мило тогда было никому свое ближнее, но многие отрекались тогда от душ своих, жалея о князьях. Потом Святослав послал сказать Давыду в Смоленск: «Мы сбирались с тобою идти на половцев и провести лето на Дону; но теперь половцы победили Игоря; приезжай, брат, сюда, постереги Русскую землю». Давыд пришел ко Днепру и стал у Треполя, а Ярослав стоял в Чернигове, собравши войско.

Поганые же половцы, победивши Игоря с братьею, загордились и собрали весь свой народ на Русскую землю; и была между ними распря. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где избиты наши братья и великий князь наш Боняк»; а Кза говорил: «Пойдем лучше на Семь, где остались одне жены да дети; полон нам собран готов, поберем города безо всякого страха». Таким образом разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, оступил город, и бились тут целый день. Князем в Переяславле сидел тогда Владимир Глебович: был он смел и крепок к рати, выехал из града, бросился на врагов и бился с ними крепко. Половцы оступили его со всех сторон; тогда граждане, видя, что князь их крепко бьется, выринули из города и отняли Владимира, уязвленного тремя копьями. Он послал сказать и Святославу, и Рюрику, и Давыду: «Половцы у меня, помогите». Святослав слал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя с смольнянами. Смольняне начали делать веча и говорили: «Мы пошли до Киева; если бы встретили врага, то бились бы; но теперь не искать же нам другой войны, мы истомились». Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давыд возвратился домой с смольнянами. Услыхав об этом, половцы отступили от Переяславля и осадили Римов, взяли его, набрали множество полону и пошли к себе домой.

Между тем Игорь Святославич уже год жил пленником в земле Половецкой. Половцы как будто стыдились его знаменитости и ничем его не оскорбляли; приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю, где хотел, тут ездил с ястребом на охоту, и собственных слуг его ездило с ним человек пять или шесть; сторожа слушались его и почитали, и куда бывало пошлет кого, исполняли приказание беспрекословно. Игорь привел к себе и священника из Руси со святою службою: он не ведал божия промысла, думал, что долго еще пробудет в плену. Между полов-

²⁶ Города, построенные по реке Семи.

цами нашелся человек, именем Лавор, который стал говорить Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь сперва не поверил ему, но держал мысль высокую, по своей молодости: ему хотелось схватить Лавора и бежать в Русь; он говорил: «Я для славы не бежал тогда от своей дружины и теперь не пойду бесславным путем». С Игорем жил в плену сын тысяцкого да конюший его; те также понуждали его бежать, говоря: «Ступай, князь, в Русскую землю, если богу будет угодно избавить тебя», – но он никак не мог улучшить удобного времени для бегства. Между тем пришла весть, что половцы возвращаются от Переяславля; тогда Игоревы думцы сказали ему: «Ты, князь, носишь в себе мысль высокую и неуютную господу: ищешь схватить Лавора и бежать с ним; а об том не подумаешь, что скоро приедут половцы с войны и хотят, как слышно, перебить всех вас князей и всю Русь; тогда не будет тебе ни славы, ни жизни». На этот раз князь Игорь принял совет их и начал искать случая, как бы бежать: нельзя было ему убежать ни днем, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; выискивал он только время в заход солнечный. Он посоветовался с Лавором и послал сказать ему через конюшего: «Переезжай на ту сторону Тора с конем поводным». К вечеру половцы напились кумыса; пришел конюший и сказал Игорю, что Лавор ждет его. Игорь встал с ужасом и трепетом, поклонился образу божию и кресту честному, надел на себя крест, икону, поднял стену и вылез вон; пришедши к реке, он перешел ее вброд, сел на коня и проехал сквозь вежи. Потом шел пешком одиннадцать дней до города Донца, оттуда уже отправился в свой Новгород.

Глава XVI

От том, что случилось в Галиче по смерти Ярослава Осъмосмысла, и о войне между Мономаховичами и Ольговичами

В 1187 году преставился Галицкий князь Ярослав, сын Владимиров; был он князь мудрый, речистый, богобоязливый, честен в землях и славен полками: где была ему обида, сам не ходил с полками своими, но посылал воевод; он устроил землю свою и милостыню большую раздавал, кормил нищих, любил странных и монахов и ходил во всем законе божием. Почувствовав приближение кончины, созвал он мужей своих и всю Галицкую землю, священников и монахов, нищих, сильных и худых, и со слезами говорил, обращаясь ко всем: «Отцы, братья и дети! вот уже я отхожу от сего суетного света и иду к творцу своему; грешен я больше всех, отцы и братья! простите и отдайте». Так плакался он три дня перед духовенством и перед всеми людьми и приказал раздавать имение свое по монастырям и нищим, три дня раздавали казну княжескую по всему Галичу и не могли раздать. Потом Ярослав сказал мужам своим: «Вот я одною своею худою головою ходя, удержал всю Галицкую землю; а теперь приказываю своему сыну Олегу, а Владимиру даю Перемышль»; урядив таким образом сыновей, он привел Владимира ко кресту с боярами галицкими, что не искать ему под братом Галича. Олег был сын наложницы княжеской и был Ярославу мил, а Владимир не ходил в воле его, потому отец и не дал ему Галича. Но по смерти Ярославовой встал сильный мятеж в Галицкой земле: галицкие бояре, в согласии с Владимиром, преступили крестное целование и выгнали Олега из Галича, а Владимир сел на его место. Но во время своего княжения он только пил, думы не любил с мужами своими; отнял у попа жену, повенчался с нею.

Тогда Роман Мстиславич Волынский²⁷, узнав, что бояре галицкие дурно живут с князем своим за его насилия, начал подучивать их, чтоб они выгнали Владимира, а его, Романа, приняли на княжение. Галицкие бояре послушались его, собрали полки и утвердились крестом всем вместе за одно. Однако они не смели ни схватить, ни убить Владимира, потому что не все были в той думе и боялись приятелей княжеских; в таких обстоятельствах они придумали послать к князю с следующими словами: «Князь! мы не на тебя восстали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить, а ты женись на ком тебе угодно». Они знали, что Владимир ни за что не отпустит попадью, и потому нарочно пригрозили ему, чтобы прогнать его самого. Так и случилось: Владимир испугался, забрал золото и серебро, дружину, жену, двоих сыновей и уехал в Венгрию к королю; галичане же послали за Романом: тот приехал и сел у них княжить. Но король венгерский, взяв с собою Владимира, пошел к Галичу со всеми своими полками: Роман, слыша, что король уже за Горою, и не могши стать против него, бежал опять во Владимир Волынский. Король въехал в Галич, только не посадил в нем Владимира, но, давши весь наряд галичанам, посадил у них князем сына своего Андрея, Владимира же взял с собою назад в Венгрию, отнял у него все имение и посадил в башню и с женою. Между тем (1189 г.) Мстислав говорил князьям Святославу и Рюрику: «Вон иноплеменики отняли отчину вашу; хорошо было бы вам потрудиться и возратить ее назад». Князья согласились идти к Галичу – Святослав с сыновьями и Рюрик с братьями; начали рядиться: Святослав хотел отдать Галич Рюрику, а себе взять всю Русскую землю около Киева, Рюрику же не хотелось лишиться своей отчины; итак, не уладившись, возвратились назад. В том же году послали галицкие мужи к Ростиславу, сыну Ивана Берладника, зовя его в Галич на княжение. Ростислав обрадовался зову, выпросил у Давыда Смоленского, у которого жил, и выехал поспешно из Смоленска. Приехавши к галицкой уkraine, взял там два города и оттуда пошел к Галичу. Но галицкие бояре

²⁷ Сын Мстислава Изяславича, которого Боголюбский выгнал из Киева.

не были все в одной мысли: чьи сыновья или братья были у короля, те держались крепко королевича; в то же время король прислал много венгерских полков, сыну на помощь, боясь князей русских. Королевич и воеводы венгерские, слыша, что Ростислав идет к Галичу, по совету галицких мужей, начали приводить их ко кресту: правые целовали крест, ничего не ведая, а виноватые – из страха. Ростислав же подошел к галицким полкам с малою дружиною, не зная коварства их, думая, что как ему обещали, так и сделают, – увидевши полк его, отступят от королевича; но даже и те галицкие бояре, которые с ним приехали, видя коварство своей братьи, отложились от него. Тогда дружина сказала ему: «Князь! ты уже видишь коварство их, поезжай прочь». Он отвечал: «Братья! вы знаете, на чем они мне крест целовали; если же они теперь ловят головы моей, то бог им судья и тот крест, который ко мне целовали; а я не хочу скитаться в чужой земле, хочу положить голову вотчине своей». Сказавши это, он бросился к полкам галицким: галичане и венгры окружали его со всех сторон, сбили с коня и раненого, едва дышащего понесли в Галич. Жители этого города возмутились, желая отнять Ростислава у венгров и принять к себе на княжение. Венгры, увидав это, приложили ядовитое зелье к ранам Ростислава, от чего тот и умер. После этого, зная, что граждане галицкие ищут себе русского князя, венгры начали делать им во всем насилия: отнимать жен и дочерей, ставить лошадей в церквах и домах. Галичане же начали сильно тужить и горько раскаивались, что прогнали князя своего.

В 1190 году ушел Владимир из Венгрии, из каменной башни, где держал его король с женою и двумя детьми. На башне поставлен был ему шатер: он изрезал его, свил себе веревку и спустился вниз; двое сторожей ему благоприятствовали, они и довели его до немецкой земли, к императору. Император, узнав, что он племянник великому князю Всеволоду Суздальскому, принял его с любовью и великою честью, приставил к нему бояр своих и послал к Казимиру, князю польскому, с тем чтобы тот добыл ему Галич, а Владимир взялся за это давать императору по 2000 серебряных гривен ежегодно. Казимир приставил к нему своего вельможу Николая и послал в Галич. Галичане встретили его с радостью великою, князя своего и дедича, а королевича прогнали. Севши опять на столе дедовском и отцовском, Владимир послал к дяде своему Всеволоду в Суздаль с такою просьбою: «Отец и господин! удержи Галич подо мною, а я божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда». Всеволод Суздальский послал по всем князьям и к королю польскому и всех привел к присяге не искать никогда Галича под его племянником: с тех пор никто не восставал на Владимира, и он утвердился в Галиче.

В 1194 году умер князь Святослав Киевский; Рюрик Ростиславич заступил его место и в 1195 году послал к брату своему Давыду в Смоленск с такими речами: «Брат! вот мы остались старшими в Русской земле, ступай ко мне в Киев; что будет думы о Русской земле и о братьи, о Владимировом племени, то все покончим и повидаемся подобрупоздорову». Давыд пошел из Смоленска водою и пришел в Вышгород, Рюрик позвал его к себе на обед, одарил богатыми дарами и отпустил. Потом позвал Давыда на обед племянник его Ростислав Рюрикович в Белгород, и там также пировали очень весело; Ростислав богато одарил дядю и отпустил. После этого Давыд позвал к себе на обед великого князя Рюрика с детьми, одарил всех и отпустил; потом Давыд же позвал монастыри все на обед, веселился с ними и роздал им и нищим большую милостыню; потом позвал Давыд черных клобуков всех, и черные клобуки пили у него и получили богатые дары; наконец Давыд угощал киевлян обедом. Между тем с братом своим Рюриком он покончил все ряды о Русской земле и о братьи своей, о Владимировом племени и отправился назад в свой Смоленск. В том же году Всеволод, князь Суздальский, прислал послов к свату своему Рюрику с такими словами: «Вы назвали меня старшим в своем племени Владимировом; а теперь сел ты в Киеве, и мне части не дал в Русской земле, роздал другим младшим из братьи своей; но если мне нет в ней части, то блюди и стереги ее с теми, кому в ней дал часть; посмотрю, както вы ее удержите, а мне не надобно». Рюрик начал думать с мужами своими, какую бы волость дать Всеволоду: тот просил у него Торческу, Треполя, Кор-

суна, Богуслава и Канева, но Рюрик уже отдал эти пять городов зятю своему Роману и поклялся не отдавать их под ним никому. Он не хотел никак нарушить клятвы и потому давал Всеволоду другую волость; но тот не брал и требовал именно городов Романовых.

Была между ними распря большая и крупные речи, и хотели встать между собою на рать. Рюрик призвал на совет митрополита Никифора; митрополит сказал ему: «Князь! мы приставлены от бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития; если должна проливаться кровь христианская изза того, что ты дал волость младшему, и тем обидел старшего, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя; а ты послушайся меня: возьмика волость у зятя своего и дай ее старшему, а Роману дашь другую вместо нее». Рюрик послал сказать Роману: «Всеволод просит под тобою волости и жалуется на меня изза тебя». Роман отвечал ему: «Батюшка! не ссориться же тебе с сватом изза меня? а мне все равно: либо дай другую волость вместо той, либо деньгами заплати чего будет стоить». Всеволод получил пять городов, отдал из них Торческ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а в остальные города послал посадников. Узнав об этом, Роман начал слать к тестю своему с жалобами, думая, что тот, сговорясь со Всеволодом, нарочно отнял у него волости для сына. Рюрик отвечал ему: «Ведь я прежде всех дал тебе волость; Всеволод прислал ко мне с жалобою, зачем на нем чести не положили, я ведь объявил тебе все его речи, ты отступился от волости добровольно; а нам как было ее ему не дать, нам без Всеволода нельзя быть, положили мы на нем старшинство во всем Владимировом племени; а ты мне сын свой, вот тебе и волость, равная той». Но Роман не хотел никакой другой волости, подыскиваясь под тестем и не хотя с ним любви: он начал думать с мужами своими и пересылаться с Черниговским князем Ярославом Всеволодичем, уговариваясь с ним идти на Киев. Узнав об этом, Рюрик послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, старший во Владимировом племени, так думай и гадай о Русской земле и о своей чести и о нашей»; а к Роману послал бояр своих обличить его и бросить ему крестные грамоты. Роман испугался и поехал в Польшу, к тамошним князьям Казимировичам за помощью; те сказали ему: «Мы бы и рады были тебе помочь, да нас самих обижает дядя наш Мешка, ищет под нами волости; прежде помоги ты нам, чтобы потом все мы ляхи были не розно, но за одним щитом с тобою и мстили бы за твои обиды». Роман послушался их и поехал на Мешку, думая так: «Прилучу его, и если бог мне пошлет, тогда совою всех ляхов воедино и с ними отомщу свое бесчестие и исполню желание свое». Мешка прислал к нему с просьбою, чтобы он не бился с ним, а помирил бы его с племянниками; но Роман не послушался ни его, ни мужей своих и вступил в битву: ляхи ударились с русью, и потоптали ляхи русь, победил Мешка Романа, перебил много в полку его руси и своих ляхов. Раненого Романа дружина принесла во Владимир Волынский. Отсюда послал он к тестю Рюрику, раскаиваясь в своей вине; послал и к митрополиту Никифору с просьбою умолить Рюрика о прощении. Никифор начал ходатайствовать за Романа; Рюрик послушался митрополита и простил зятя, сказав мужам своим: «Если он умоляет меня и кается в своей вине, то я приму его, приведу ко кресту и наделю волостью; устоит он в своем слове, станет меня держать отцом и добра мне хотеть, то я попрежнему буду держать его сыном». В тот же год Рюрик, сославшись со сватом своим Всеволодом и с братом Давыдом, послали мужей своих к Ярославу и ко всем Ольговичам сказать им: «Целуйте нам крест не искать нашей отчины, Киева и Смоленска под нами, и под нашими детьми, и под всем нашим Владимировым племенем: как нас разделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вам не надобен». Ольговичи отвечали Всеволоду: «Что ты говоришь о Киеве, что блюсти его под тобою и под твоим сватом Рюриком, то в том стоим; но если велишь отказать от него навсегда, то мы не венгры и не ляхи, но одного деда внуки; при вашей жизни не ищем его, но после вас кому бог даст». И были между ними большие распри и крупные речи, и не уладились. Всеволод, желая оправить все племя Владимирово, хотел в ту же зиму выступить против Ольговичей; те испугались и послали к нему мужей своих кланяться и обещаться быть в его воле: он поверил им и сошел с коня. Но в ту же зиму Ярослав Всеволодич Черниговский с

братьею своею преступили крестное целование, начали войну против Мстиславичей и взяли в плен Мстислава Романовича, племянника Рюрика.

В 1196 году Рюрик, подумавши с мужами своими, послал сказать свату своему Всеволоду, князю суздальскому: «Как ты уговорился со мною и с братом Давыдом сесть на коня о Рождестве Христове и сойтись всем в Чернигове, то я и соединился с братьею и с дружиною своею и с дикими половцами и сидел совсем готов, ожидая от тебя вести; ты же ту зиму не сел на коня, поверив Ольговичам, что они будут на всей нашей воле; я, услышав об этом, что ты не сел на коня, распустил братью и диких половцев, а с Ярославом Черниговским целовал крест на том, что не воевать до тех пор, пока или уладимся все, или не уладимся все; но теперь, брат, мой и твой сын Мстислав, сидит пленником у Ольговичей; так не мешкая сел бы ты на коня, и, соединившись гденибудь, поместили бы мы за свою обиду и за свой стыд, племянника своего выручили бы и правду свою отыскиали». От Всеволода не было вести все лето. Осенью пришла весть, что Всеволод, соединившись с Давыдом Смоленским, пожег Черниговские волости.

Тогда Ярослав Всеволодич, собрав братью свою и подумав с ними, выехал против Всеволода и Давыда с дикими половцами и стал под своими лесами, поставив засеки от Всеволода и Давыда, а по рекам велел мосты подсесть, а между тем отправил ко Всеволоду и Давыду посла с такими речами: «Брат и сват! отчину нашу и хлеб наш ты взял; если хочешь с нами рядом правого и любви, то мы любви не бегаем и на всей воле твоей станем; если же ты замыслил иное, то и от того не бегаем, как нас бог рассудит с вами и святой Спас». Всеволод начал думать с Давыдом, и с рязанскими князьями, и с мужами своими, желая помириться с Ольговичами. Давыду же не хотелось мира, он подучал его все пойти к Чернигову, говоря: «Ты уговорился с братом Рюриком и со мною сойтись всем у Чернигова, чтобы там и помириться всем вместе на всей своей воле; но теперь ты ни мужа своего не послал к брату Рюрику, ни о походе нашем не объявил ему; он же теперь воюет с ними и волость свою пожег для тебя, а ты без его думы хочешь мириться; так скажу тебе, что брат мой Рюрик не улюбит этого мира». Всеволоду не понравились слова Давыдовы: он начал пересылаться с Ольговичами и урядился с ними – Киева под Рюриком не искать, а под Давыдом Смоленска. Рюрик, услышав о мире, начал жаловаться на Всеволода и послал сказать ему: «Сват, ты мне крест целовал на том: кто мне враг, тот и тебе враг, и в Русской земле ты части просил у меня, я же тебе дал волость самую лучшую, не от обилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа, для тебя; он же теперь стал врагом моим не за кого другого, как все за тебя же; ты мне обещал потом сесть на коня и помочь мне, но все лето и зиму перевел, а теперь и сел на коня, но как помог? свой ряд взял! А мне с Ольговичами которая обида была? они подо мною Киева не искали; но за тебя же я с ними в ссоре, и воевал с ними, и волость свою пожег; о чем ты со мною ни уговаривался, на чем ты мне креста ни целовал, ничего того не исправил!» В сердцах Рюрик отнял у Всеволода города, которые было дал ему в Русской земле, и роздал опять своей братьи.

В 1199 году умер Владимир Ярославич Галицкий. Роман Мстиславич Волынский пошел в Польшу и привел оттуда короля Лешка к Галичу, желая с его помощью сесть там на столе. Галичане не хотели Волынского князя и бились крепко; однако были побеждены и принуждены принять Романа. В 1202 году встал Рюрик на Романа, привел к себе Ольговичей в Киев и хотел идти к Галичу; но Роман упредил его, собрал полки галицкие и волынские и въехал в Русскую землю; князья, черные клобуки и города русские отложились от Рюрика и перешли на сторону Романа, который поспешно, с своими полками, поехал к Киеву; киевляне отворили ему Подольские ворота, он въехал в Подолье, послал на гору приводить ко кресту Рюрика и Ольговичей: Рюрика отпустил в Овруч, Ольговичей за Днепр в Чернигов, а в Киев посадил Ингваря Ярославича²⁸. В следующем году взят был Киев Рюриком, Ольговичами и всею Половецкою землею: приключилось зло в Русской земле, какого не бывало от крещения ее; были

²⁸ Сын Ярослава Изяславича Луцкого, о котором см. выше.

напасти, брали и прежде враги Киев, но все не было того, что теперь: не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли и церкви св. Софии, и Десятинную разграбили и все монастыри, иконы ободрали, другие побрали, также кресты, и сосуды, и одежды старых князей, повешанные в церквях на память, – все это побрали; стариков и старух посекли, молодых иноплеменики повели к себе в вежи. К концу года пришел Роман к Овручу на Рюрика, чтобы отвести его от Ольговичей и от половцев; Рюрик принужден был целовать крест к великому князю Всеволоду и сыновьям его, причем Роман сказал ему: «Ты уже крест целовал, так пошли мужа своего к свату, а я пошлю своего к отцу и господину Всеволоду, упрасивай ты его, и я буду упрасивать, чтоб он опять дал тебе Киев». Всеволод согласился, и Рюрик опять стал княжить в Киеве. Потом пошли русские князья на половцев – Рюрик Киевский, Роман Галицкий и другие. Была тогда зима лютая, и половцам пришлось тяжело; русские князья взяли полону много, и была большая радость всем христианам Русской земли. Один только дьявол был печален: в Треполи князья начали рядиться о волостях, поссорились, Роман схватил Рюрика, отослал в Киев и постриг в монахи вместе с женою и дочерью. Великий князь Всеволод сильно опечалился, услышав, что делается в Русской земле. Он послал мужей своих к Роману в Галич: тот послушался его и выпустил из плена зятя его Ростислава, сына Рюрикова, который и стал Киевским князем.

Глава XVII

О том, что случилось в Южной Руси по смерти Романа Великого и в Северной по смерти Всеволода Великого

В 1205 году Роман Галицкий пошел на ляхов и взял у них два города; но когда стоял он над Вислою и отъехал с малою дружиною от своего полку, ляхи напали на него и убили. Галичане целовали крест сыну его Даниилу. Но скоро наступила здесь большая смута и войны беспрестанные. Рюрик свергнул с себя монашество и вместе с Ольговичами и половцами приходил добывать Галича; вдова Романа с двумя малолетними сыновьями – Даниилом и Васильком – принуждена была бежать в Венгрию; Галич достался двум Ольговичам, сыновьям Игоря Северского, Владимиру и Роману: Владимир сел в Галиче, Роман в Звенигороде. Оба Игоревича согласились перебить бояр галицких и перебили их человек с 500, а другие разбежались. Трое из них Владислав, Судислав и Филипп ушли в Венгрию и просили тамошнего короля: «Дай нам отчича галицкого Даниила, пойдем с ним и возьмем Галич от Игоревичей». Король с великою любовью послал войско в силе тяжкой; когда оно пришло под Перемышль, то Владислав подъехал к городу и сказал жителям: «Братья! что вы смущаетесь? не Игоревичи ли перебили отцов ваших и братьев, именье ваше разграбили, дочерей ваших отдали за рабов ваших, – пришельцы владеют вашими отчинами? и за такихто князей хотите душу свою положить?» Перемышльцы тронулись его словами и сдали город. Князь Владимир убежал из Галича, другие братья его – Роман, Святослав и Ростислав – попались в плен. Тогда бояре волынские и галицкие и воеводы венгерские посадили князя Даниила на столе отца его Романа. Пленных же князей венгры хотели вести к королю своему, но галичане умоляли, чтобы дали им их повесить из мести; венгры за большие дары исполнили их просьбу, и князья были повешены. Даниил стал княжить, но он был еще очень молод; мать его хотела управлять за него, но бояре выгнали ее, из них главным был Владислав. Король венгерский привел опять в Галич вдову Романа; боярин Владислав был отведен пленником в Венгрию; но братья его бежали в Пересопницу и вооружили тамошнего князя Мстислава против Романова семейства; оно должно было опять бежать в Венгрию. Король снова вооружился; но мятеж помешал ему идти к Галичу; туда явился выпущенный им на свободу боярин Владислав и стал княжить. Тогда Лешко, король польский, послал сказать Андрею, королю венгерскому: «Не хорошо боярину княжить в Галиче; но возьми лучше дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче». Андрею понравился этот совет: он исполнил его и посадил сына Коломана в Галиче, а Лешку Польскому отдал Перемышль; но скоро опять отнял. Тогда Лешко, раздосадованный таким позором, послал сказать Мстиславу Мстиславичу, князю Новгородскому²⁹: «Ты мне, брат, поди и сядь в Галиче», – Мстислав пошел на Галич и сел там, выдав дочь свою Анну за Даниила Романовича.

В 1212 году умер великий князь Всеволод, княжив в Суздальской земле тридцать семь лет; перед смертию он вызывал из Ростова старшего сына своего Константина, желая передать ему стольный город Владимир вместе с великим княжением; но Константин не пошел во Владимир к отцу, а послал сказать ему: «Любезный батюшка! дай мне старый, начальный город Ростов и к нему Владимир». Великий князь послал к нему во второй раз звать к себе; тот не пошел; Всеволод послал к нему в третий раз; Константин не пошел и в третий, а все толковал: «Дай мне и Владимир к Ростову». Всеволод рассердился, и созвал собор, и объявил великим князем по себе второго сына своего Юрия, дал ему Владимир, со всеми людьми, укрепил к нему всех крестьян целованием и поручил ему младших братьев. Константин сильно рассердился за это на Юрия. В год смерти Всеволодовой Юрий вместе с братом Ярославом прихо-

²⁹ Сыну Мстислава Ростиславича Храброго.

дили на Константина к Ростову, но помирились и разошлись по домам; на следующий год приходили в другой раз к Ростову и в другой раз помирились с Константином и урядились с ним о волостях.

В 1214 году Всеволод Чермный, князь Черниговский, сын Святославов, правнук Олегов, выгнал внуков Ростиславовых из Руси, говоря: «Братьев моих двоих князей повесили вы в Галиче как злодеев и положили позор на всех нас; так нет же вам части в Русской земле», — тогда Ростиславовы внуки послали сказать Мстиславу Мстиславичу в Новгород: «Не дает нам Всеволод Святославич части в Русской земле; поди, поищем своей отчины». Мстислав созвал вече на Ярославовом дворе и начал звать новгородцев в Киев на Всеволода Чермного; новгородцы отвечали ему: «Куда, князь, посмотришь, туда мы бросимся головами своими». Вот и пошел князь Мстислав с новгородцами в Киев; но как дошли они до Смоленска, случись ссора у новгородцев с смолянами; новгородцы убили одного смолянина и не захотели идти дальше за своим князем. Мстислав стал звать их на вече, они и на вече не пошли. Тогда князь простился с ними со всеми, поклонился и пошел. Новгородцы собрали особое вече, посадник Твердислав начал говорить: «Братья! как трудились наши деды и отцы за Русскую землю, так и мы пойдем по своему князе». Новгородцы послушались Твердислава, тронулись из Смоленска, догнали Мстислава и начали воевать по Днепру города Черниговские. Всеволод выбежал из Киева за Днепр, Мстислав вошел туда с братьями и новгородцами; киевляне поклонились им и посадили в Киеве Мстислава Романовича, внука Ростиславова. После этого Мстислав пошел из Киева к Чернигову, стоял под ним 12 дней, взял мир и дары, и возвратились все в Новгород по добру и по здорovu.

В 1215 году собрался опять Мстислав на юг; он созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «Есть у меня дела в Руси, а вы вольны в князьях». Новгородцы долго думали, наконец послали за Ярославом Всеволодичем, внуком Юрия Долгорукого. Ярослав приехал к ним; но в том же году ушел в Торжок и сел там. Осенью случилась большая беда: мороз побил весь хлеб по волости, а на Торжке все было цело. Тогда князь Ярослав не пустил в Новгород из Торжка ни воза; новгородцы отправили за ним послов; он их задержал. А между тем в Новгороде зло все росло более и более: кадь ржи покупали по десяти гривен, а овса по три гривны, а репы воз по две гривны; люди ели сосновую кору, лист липовый, мох. Ох горе тогда было, братья! отцы отдавали детей в рабы; поставили скудельницу и наметали полну. О горе, горе было тогда! по торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы; не могли псы переест людей; а вожане померли, остаток разбрелся; итак, по грехам нашим, разошлась наша волость и наш город.

Новгородцы, оставшиеся в живых, послали посадника Юрия Ивановича с иными мужами по князя; он и тех задержал в Торжке, а в Новгород прислал Ивора и Чапоноса, вывел княгиню свою к себе, дочь Мстиславову. Наконец новгородцы послали к нему с последнею речью: «Ступай в свою отчину, к святой Софии, а не хочешь идти, так скажи», — Ярослав и тех послов не отпустил назад да еще купцов всех новгородских захватил, и была в Новгороде печаль и вопль. Тогда Мстислав, узнав обо всех этих бедах, приехал в Новгород, схватил Хоту Григорича, наместника Ярославова, поковал всех его дворян, въехал на Ярославов двор, целовал честной крест и сказал новгородцам: «Либо отыщу людей новгородских и волости их, либо головою повалю за Новгород». Ярослав, узнав о приезде Мстислава, велел засечь все пути от Новгорода и реку Тверцу; а в Новгород послал сто мужей новгородских выпроваживать Мстислава из города; но они не взялись за это, а согласились единодушно жить и умереть со Мстиславом. Мстислав послал к Ярославу в Торжок попа Юрия с такими словами: «Сын! кланяюсь тебе: мужей моих и купцов пусти, сам с Торжка выди и со мною помирись». Князю Ярославу не понравились эти слова; он отпустил попа без мира, а новгородцев всех послал в оковах, по своим городам, товары и лошадей их роздал, а было у него новгородцев больше 2000. В самом Новгороде оставалось людей мало: лучшие мужи были задержаны Ярославом, меньшие

разошлись, а иные померли голодом. Несмотря на то, Мстислав созвал вече и сказал: «Пойдем поищем мужей своих, вашей братьи и волости своей; да не будет Торжок Новгородом, ни Новгород Торжком, но где святая София, тут и Новгород; и в силе бог, да и в мале бог и правда».

В 1216 году, первого марта, пошел князь Мстислав на зятя своего Ярослава с новгородцами во вторник, а в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники: Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Алексеич, Гаврила Милятинич с женами и детьми. Соединившись на Волге с Владимиром Рюриковичем и смольнянами, Мстислав послал в Торжок к Ярославу за миром; Ярослав отвечал: «Мира не хочу, если пошли, так ступайте, на одного из вас придется по сту наших». Князья сказали тогда между собою: «Ты, Ярослав, с плотью, а мы с крестом честным». Тогда новгородцы сказали князьям: «Пойдем мы к Торжку»; князья отвечали: «Если пойдем к Торжку, то попустошим волость Новгородскую». И пошли к Твери, начали брать села и жечь, а об Ярославе не было вести, в Торжке ли он или в Твери. Когда он узнал, что неприятель берет села, то выехал из Торжка в Тверь, забрав с собою старших бояр и новгородцев, а молодых по выбору, Мстислав отправил посла к князю Константину Всеволодичу в Ростов, а сам с новгородцами пошел воевать по Волге, и пожгли все Поволжье. Тут встретил их воевода Еремей от князя Константина из Ростова и сказал: «Князь Константин кланяется вам, и велел сказать: обрадовался я приходу вашему, вот вам от меня в помощь 500 человек; да пришлите ко мне шурина моего Всеволода с полным наказом». Всеволода отрядили со многими ратными людьми и послали к князю Константину, а сами пошли по Волге вниз; здесь бросили вozy, сели на коней и пошли к Переяславлю.

Апреля 9, в Светлое воскресенье, встретились они с Константином Ростовским; и была большая радость: князья целовали крест стоять за одно. На Фоминой неделе попался им в плен человек, который объявил, что князя Ярослава нет в Переяславле, пошел к князю Юрию с полками, а князь Юрий Всеволодич, с братьями Святославом и Владимиром, вышел из Владимира. У них были сильные полки, вся сила Суздальской земли, потому что всех погнали. Страшное и дивное чудо было! пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, господин на рабов. Князь Ярослав и Юрий с братьею стали на реке Кзе, князь Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева; а князь Константин далеко стал с своими полками, на реке Липице. Мстислав, Константин и Владимир послали сотского Лариона сказать князю Юрию: «Кланяемся тебе, нам нет с тобою обиды, обида нам с Ярославом». Юрий отвечал: «Мы одно с братом Ярославом». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти новгородцев и новоторжцев; что захватил волостей Новгородских, отдай назад, помирись с нами, целуй к нам крест и крови не проливай». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, новгородцев и новоторжцев не отпускаю; вы далеко шли и вышли, как рыба на сухо». Ларион пересказал ту речь князьям. Они опять послали к обоим князьям с последнею речью: «Мы пришли, братья Юрий и Ярослав, не на кровопролитие, дай бог нам управиться без крови; мы ведь все одного племени, дадим старшинство князю Константину, посадите его во Владимире, а вам вся земля Суздальская». Князь Юрий отвечал: «Скажи братья моей, князьям Мстиславу и Владимиру: сами пришли сюда, так теперь и ступайте куда хотите; а брату князю Константину молви: помоги нас, и тебе вся земля». Так князья Юрий и Ярослав вознеслись славою: видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре с своими боярами. Один боярин сказал: «Заключитека мир, князья Юрий и Ярослав: меньшие братья в вашей воле; помоему лучше бы мир заключить и дать старшинство князю Константину; Ростиславово племя все князья мудрые и храбрые, и мужи их, новгородцы и смольняне, смелые на бою, Мстислава же Мстиславича и сами знаете в том племени, что дана ему от бога храбрость выше всех; подумайтека, господа». Не любя была речь эта князю Юрию и Ярославу. Тут другой боярин сказал: «Князья Юрий и Ярослав! Не было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел цел; хотя бы и вся Русская земля, и Галицкая, и Киевская, и Смоленская и Черниговская, и Новгородская и Рязанская встали

на нас, то не успеть им против нашей силы; а этито полки – право, закидаем их седлами». Полюбилась эта речь князю Ярославу; он созвал бояр своих и начал им говорить: «Придет обоз вражий в наши руки, то вам будут кони, брони, платье; и возьмет кто человека живого, тот сам будет убит; если и золотом шито будет оплечье³⁰, убивай, не оставим ни одного живого; если кто убежит из полку и попадется в плен, тех будем вешать или распинать; а о князьях, когда попадутся в наши руки, после подумаем».

Отпустивши бояр, вошли князья в шатер одни и стали делить города; князь Юрий сказал: «Мне, брат князь Ярослав, земля Владимирская и Ростовская, а тебе Новгород, Смоленск брату нашему Святославу, Киев отдай Черниговским князьям, а Галич нам же»; и целовали крест между собою, и написали грамоты: грамоты эти, после победы, взяли смоляне в стане Ярославовом и отдали своим князьям. Князья Юрий и Ярослав, поделивши все города русские и надеясь на свою великую силу, начали звать к Липицам на бой. Мстислав и Владимир призывали князя Константина и, думавши с ним много, привели его ко кресту, что не будет от него перевета, после чего двинулись в ночь. На другой день утром пришли они к Липицам, куда их звали на бой; есть там гора, слывет Авдова: тут поставили князья Юрий и Ярослав свои полки; а князья Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили полки свои на другой горе, что слывет Юрьева гора, посреди нее течет ручей, имя ему Тунег. Ставши на Юрьевой горе, князья послали к Юрию троих мужей мира просить: «А не дадите мира, так отступите дальше, на ровное место, а мы на вашу сторону пойдем; или мы отступим на Липицы, а вы пойдете на наше место». Князь Юрий отвечал: «Мира не беру и не отступаю; пошли через землю, то чего вам стоит перейти эту дебрь». Юрий надеялся на твердость места: оно было плетнем оплетено и колья насованы, на случай если бы ударили на них в ночь. Услыхав ответ Юрьев, князья послали младшую дружину биться против Ярославовых людей; бились они целый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно.

На другой день князья хотели пойти ко Владимиру, не трогая неприятельских полков; но князь Константин сказал: «Братья! если пойдем мимо их, то возьмут нас в тыл, да притом же мои люди не охотники до бою, того и смотри что разойдутся по городам». Князь Мстислав отвечал ему на это: «Гора нам не поможет, гора нас и не победит; так пойдем к ним, в надежде на крест честной и на правду». Начали ставить полки: Владимир Смоленский поставил полки свои с края, а подле него стал Мстислав и Всеволод с новгородцами и Владимир Псковский с псковитянами, а подле Владимира стал Константин с ростовцами. Ярослав же стал с своими полками муромскими и с городчанами и с бронниками против Владимира и смолян, а Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всею землею Суздальскою, а меньшие братья его стали против князя Константина. Мстислав и Владимир начали укреплять новгородцев и смолян: «Братья! вошли мы в землю сильную: так в надежде на бога станем крепко, не будем озираться назад, побегши не уйти; позабудем, братья, дома, жен и детей; кому не умирать? кто хочет, пусть сражается пеш, а кто хочет на конях». Новгородцы отвечали: «Не хотим помирать на конях: будем биться пеши, как бились отцы наши!» Князь Мстислав был рад тому, и новгородцы, сойдя с коней, скинув сапоги и платье, поскакали босиком; за ними бросились смоляне, так же пешком, за смолянами отрядил князь Владимир Ивора Михайловича с полком, а сами князья и все воеводы поехали за ними на конях. Когда полк Иворов вступил в дебрь, то под Ивором споткнулся конь; а пешие ратники, не дожидаясь Ивора, ударили на пещев Ярославовых с страшным криком; те побежали, новгородцы и смоляне за ними, начали их бить и подсекли стяг Ярославов; тут настиг их Ивор, с которым досеклись до другого стяга Ярославова, а князья все еще не приезжали. Мстислав, видя удаль своих, сказал братьям: «Не дай бог выдать добрых людей» – и ударил с своим полком сквозь своих же пещев; за ним последовали и другие князья. Трижды проехал Мстислав сквозь полки Юрьевы и Ярославовы,

³⁰ То есть боярин.

секучи людей, также и князь Владимир, и досеклись наконец до обоза. Князья Юрий и Ярослав, видя, что их люди жнут, как колосья на ниве, побежали с меньшею братьею и с муромскими князьями. Тогда князь Мстислав закричал: «Братья новгородцы! не останавливайтесь при обозе, не покидайте битвы: вернутся – измнут они нас». Новгородцы бились не из корысти, но смоляне напали на обоз и одирали мертвых, а о битве им и дела не было. Велик промысел божий! на том побоище пало только 5 человек новгородцев да один смолянин, а то все сохранены были силою честного креста и правдою. Людей же Юрьевых и Ярославовых было избито бесчисленное множество, взято же в плен было только 60 человек. Было у князя Юрия 13 стягов, труб и бубнов 60; говорили и про Ярослава, будто у него было 17 стягов да труб и бубнов сорок. Убитых всех считали 9233 человека. Крик живых, не до смерти убитых, и вытье раненых были слышны в Юрьеве городе и около Юрьева; много перетонуло в реке во время бегства, иные раненые, забредши неведомо куда, померли, живые же побежали одни к Владимиру, другие к Переяславлю, иные в Юрьев. Князь Юрий стоял против Константина; увидя, что Ярославов полк побежал, побежал и он во Владимир, куда прискакал оттуда, на четвертом коне, а трех загнал; прискакал он в одной сорочке, без седла.

Во Владимире оставался народ все не ратный: попы, чернецы, жены да дети; увидав, что кто-то скачет к городу, они обрадовались, думая, что гонец от князя; они говорили друг другу: «Наши одолевают!» И вот прискакал князь Юрий один; начал он ездить около города, крича: «Твердите город!» В народе началось смятение, вместо веселья послышался плач; к вечеру и в ночь стали прибегать ратники, иной ранен, другой наг.

На другой день утром князь Юрий созвал людей и сказал им: «Братья владимирцы! затворимся в городе, авось отобьемся от них». Люди отвечали: «Князь Юрий! с кем нам затвориться? братья наши избиты, а иные в плену, а остальные прибежали без оружия, с кем нам стать?» Юрий сказал: «Все это я сам знаю; только не выдайте меня брату князю Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы мне выйти по своей воле из города». Они обещались ему. Ярослав также прибежал один в Переяславль на пятом коне, а четырех загнал и затворился в городе. Не довольно ему было первого зла, не насытился крови человеческой, избив в Новгороде столько людей, и в Торжке, и на Волоке; но и тут, прибежав в Переяславль, перехватывал новгородцев и смолян, которые для торговли зашли в землю его, и велел их пометать в погреба, а иных засадил в тесную избу, где 150 из них задохлось; смолян запер 15 человек; те все живы остались. Князья же милостивое племя Ростиславово и до христиан доброе, целый тот день стояли на побоище; а если бы захотели гнаться за неприятелем, то Юрию и Ярославу не уйти бы, и город Владимир захватили бы врасплох; но Мстислав с братьею пришли тихо ко Владимиру и, объехав его, стали думать, откуда бы взять. В ночь загорелся в городе княжий двор: новгородцы хотели было лезть на стены, да князь Мстислав им не дал; во вторник, в ночь, загорелся город и горел до света: смоляне просились тогда взять город, но князь Владимир не пустил их. Наконец Юрий выслал к князьям с челобитьем. «Не приступайте нынче к городу, завтра выйду из него вон». И в самом деле, на другой день выехал князь Юрий с двумя братьями, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру и сказал: «Братья! вам челом бью, вам дать мне жизнь и хлебом накормить; а брат мой Константин в вашей воле». Тут он подал им богатые дары и получил мир. Мстислав и Владимир порешили так: князю Константину отдали Владимир, а Юрию Радилов Городец.

Владыка, княгиня и все люди Юрьевы, поспешно убравшись на лодки и в насады, поехали вниз по реке; сам же князь Юрий, вошедши в соборную церковь Богородицы, ударил челом у отцовского гроба и плакал, приговаривая: «Суди бог брату моему, князю Ярославу, что довел меня до этого», – и пошел из Владимира в Городец. Князь же Константин поехал во Владимир, и был встречен за городом всем священническим чином и всеми людьми; он одарил в тот день князей и бояр богатыми дарами, а владимирцев привел к присяге. Но князь Ярослав, еще дыша злобою и гневом, не покорялся, затворился в Переяславле и хотел там отсидеться;

князья решились идти к этому городу. Услыхав об этом, Ярослав испугался и начал высылать людей, умоляя о мире. Во вторник утром приехал он к князю Константину, ударил ему челом и сказал: «Господин! я в твоей воле, не выдай меня тестю моему князю Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом». Князь Константин помирил Мстислава с Ярославом. Мстислав, не доходя до города, взял дары и послал привести к себе дочь, княгиню Ярославову, и что осталось живых новгородцев. Ярослав много раз присылал ко Мстиславу, прося княгини своей назад, но Мстислав не пустил к нему дочери. Наконец князья разошлись: Константин во Владимир, Мстислав в Новгород, Владимир в Смоленск, а другой Владимир в Псков, победив сильные полки, взявши свою честь и славу.

Глава XVIII

О первом татарском нашествии, и о том, что случилось в Галиче по смерти Мстиславовой

В 1218 году умер великий князь Константин во Владимире; великим князем по нем стал опять брат его Юрий.

В 1224 году явился народ незнаемый; пришла неслыханная рать, безбожные татары, о которых никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и что у них за язык, и какого они племени, и какая у них вера. Попленивши многие страны, ясов, обезов и косогов, пришли они в землю Половецкую. Половцы не могли противиться им и побежали к Днепру. Хан их Котян был тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому; он пришел с поклоном к князю Мстиславу, зятю своему, и ко всем князьям русским, поднес им богатые дары, коней, верблюдов, буйволов и невольниц, и сказал: «Татары отняли нашу землю нынче, а завтра вашу возьмут, так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы будете завтра иссечены». Котян умолял зятя своего о пособьи, а Мстислав стал умолять князей русских, братью свою, говоря: «Если мы, братья, им не поможем, то они передадутся татарам, и у тех будет больше силы». Князья думали, думали и наконец решились помогать Котяну. Совет у них был в городе Киеве, где говорили так: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей», — и начали строить войско, каждый свои полки. Тогда княжил Мстислав в Киеве, другой Мстислав Козельский в Чернигове, третий Мстислав Торопецкий в Галиче: то были старшие князья в Русской земле, князя же великого Юрия Суздальского не было в совете том; потом были молодые князья: князь Даниил Романович, князь Михайло Всеволодич, князь Всеволод Мстиславич, и другие многие князья.

Совокупив всю землю Русскую против татар, князья пришли к реке Днепру на Заруб, к острову Варяжскому. Тут татары прислали к ним послов с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших и на вас не приходили; пришли мы, попущением божиим, на холопов своих и конюхов, на поганных половцев; возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда».

Князья русские не послушались послов, но перебили их, пошли против татар и, не дошедши Олешья, стали на Днепре; тут прислали татары вторых послов с такими словами: «Если вы послушали половцев, послов наших избили и идете против нас, то ступайте; а мы вас не трогаем, бог нас всех рассудит». На этот раз послов их отпустили. Тут пришла вся земля Половецкая со всеми князьями, а из Киева пришел князь Мстислав со всею силою, из Галича другой Мстислав, из Чернигова Владимир Рюрикович. Мстислав Галицкий с 1000 человек перешел Днепр, ударил на сторожей татарских и победил их; остальные побежали с воеводою Гемябеком, и тут им не было помощи; они было зарыли воеводу Гемябека живого в землю, чтоб соблюсти его; но русские нашли воеводу: половцы выпросили его у них и убили.

Услыхав о победе, все князья русские пошли за Днепр со множеством людей; галичане пришли по Днепру и стали у реки Хортицы, на броде: с ними были Юрий Домамерич и Держикрай Владиславич. Даниил Романович погнал с конницею вперед оглядеть татар; Юрий Домамерич говорил, что они хорошие стрелки, другие же говорили, что они люди простые, плоше и половцев, но Юрий утверждал, что они добрые ратники. Все люди и князья перешли Днепр и поехали на конях в степи половецкие, где встретили отряд татар; русские стрельцы победили их и гнали далеко в степь, взяли весь их скот и пригнали к своим полкам. Оттуда шли восемь дней до реки Калки, где встретили главную силу татарскую. Князь Мстислав Мстисла-

вич Галицкий велел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками и сам перешел за ними. Увидав татарские полки, он приказал ратникам своим поскорее вооружиться; а другие два Мстислава сидели в стане и ничего не знали: Мстислав не сказал им ничего из зависти, потому что между ними была большая распря.

Битва началась: Даниил выехал наперед и получил рану в грудь; но по молодости и пылости не почувал раны: ему было тогда 18 лет. Князь Мстислав Немой, видя, что Даниил ранен, бросился в битву: это был человек крепкий и родня Роману, от одного племени Мономаховского; он очень любил отца Даниилова и отказал Даниилу по смерти свою волость. Татары уже бежали, Даниил бил их с своим полком, Олег Курский крепко бился, как вдруг половцы побежали и потоптали станы князей русских, а князья не успели ополчиться; тогда все полки русские смялись, настала сеча лютая, и русские полки были побеждены. Даниил, видя, что татары побеждают, обратил коня и бежал от натиска вражьего; жажда мучила его, он испил воды и тут только почувал рану на теле своем, а в битве не чувствовал ее по причине крепости и мужества, потому что был смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока. И была победа на всех князей русских, какой никогда не бывало от начала Русской земли.

Князь Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места; он стоял на горе над рекою Калкою; место было тут каменистое, он огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня. Были тут с ним бродники старые с воеводою Пlosкинею: эти окаянные целовали крест к князю Мстиславу и двоим другим князьям, что они их не убьют и пустят на окуп. Но вместо того нарушили клятву, связали князей и продали их татарам, укрепления взяли, людей посекали. Татары, взявши князей, раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей гнали до Днепра и шестерых убили; убит был и Александр Попович с семидесятью другими богатырями; из остального войска разве десятый возвратился домой. Князь Мстислав Мстиславич прежде всех перебежал Днепр и, пришедши к лодкам, велел их жечь, а другая рубить и отталкивать от берега, боясь татарской погони, а сам едва убежал в Галич; молодые князья прибежали с малою дружиной; князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел там на столе. Татары, победив русских князей, дошли до Новгорода Святопольского; жители, не зная их коварства, выходили к ним навстречу с крестами, но были тут же побиваемы; татары, однако, воротились назад от реки Днепра в землю восточную.

В следующем году Александр, князь Бельзский, все ссорил галицкого князя Мстислава Мстиславича с зятем его Даниилом Романовичем; он беспрестанно толковал Мстиславу: «Зять твой хочет тебя убить». Но скоро все князья узнали клевету Александрову и начали говорить Мстиславу: «Возьми волость его за позор свой», – а он, по братолюбию своему, не взял волости, и все похвалили его за то. Узнавши невинность Даниилову, Мстислав принял его с любовью, почтил его богатыми дарами, подарил ему коня своего борзого, какого в те годы не бывало другого, и дочь свою Анну дарил большими дарами и, свидевшись с братьею в Перемышле, утвердил мир.

В 1226 году Мстислав, по совету коварных бояр галицких, обручил меньшую свою дочь за венгерского королевича Андрея и дал ему Перемышль. Боярин Судислав все толковал Мстиславу: «Князь! отдай Галич королевичу: самому тебе его не удержать, бояре не хотят тебя». Мстиславу не хотелось отдать Галич Андрею, ему хотелось отдать его Даниилу; но бояре Глеб Зеремеевич и Судислав противились тому; они говорили: «Если отдашь Галич королевичу, то можешь взять его у него, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то вовеки не будет твой Галич». Мстислав послушался и отдал Галич венгерскому королевичу, а себе взял Понизье. Он скоро потом раскаялся в этом и послал сказать Даниилу: «Сын! согрешил я, что не дал тебе Галича, а дал иноплеменику, по совету Судиславальстеца: он обольстил меня; если богу будет угодно, пойдём на венгров; я посажу на коней половцев, а ты пойдешь с своими полками, и если бог даст нам опять Галич, то ты возьмешь его, а я Понизье». Но скоро после этого Мстислав

умер: при конце жизни ему очень хотелось видеть Даниила; но Глеб Зеремеевич, из зависти, не пустил к нему зятя; Мстиславу хотелось отдать на руки Даниилу дом свой и детей.

В 1229 году прислали галичане сказать князю Даниилу: «Судислав пошел в Понизье, а королевич один остался в Галиче, ступай к нам скорее». Даниил, собрав поспешно полки, послал воеводу Демьяна на Судислава, а сам пошел с малою дружиной к Галичу. Судислав не удержался перед Демьяном и побежал в Галич: Даниил подступил к этому городу и взял двор Судиславов, где нашел много вина, овощей, корму, копий, стрел. Видя, что люди его обогатились добычею, Даниил перешел на другую сторону Днестра. Сюда пришел к нему воевода Демьян со многими боярами галицкими; Даниил обрадовался его приходу, но горевал о том, как перейти Днестр, потому что мост на нем был зажжен лихим Семеном, похожим на лисицу, по красноте тела; подъехав, однако, к реке, Даниил увидал, что конец моста погас, и была большая радость; на другой день перешли мост и стали по берегу Днестра. На другое утро Даниил объехал город и осадил его в силе тяжелой; осажденные изнемогли и сдали город. Даниил, взяв город, вспомнил прежнюю любовь короля Андрея, отпустил сына его и проводил до реки Днестра; с королевичем выехал один только Судислав; жители бросали в них камнями, крича: «Ступай вон из города, мятежник земли». Когда королевич Андрей пришел к отцу и брату, то Судислав не переставал говорить им: «Ступайте на Галич и возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас». Король Бела вооружил огромное войско и выступил к Галичу, говоря: «Теперь уже никто не избавит его от руки моей». Но как скоро вошел он в горы, полились дожди, кони тонули, люди избегали на высокие места; однако Бела не оставил своего намерения и обступил город; жители не сдавались, Бела изнемог и отступил.

Теперь начнем рассказ о бесчисленных ратях, о великих трудах, о частых войнах, о многих крамолах, восстаниях и мятежах. Завели крамолу безбожные бояре галицкие, совещались убить князя своего и передать землю. Когда сидели они в думе и хотели зажечь двор княжеский, молодой князь Василько вышел вон и в шутку обнажил меч на слугу королевича; крамольники, увидав это, испугались, говоря: «Совет наш разрушился», – и побежали, как окаянный Святополк. Князья Даниил и Василько ничего не знали об этом, и Василько поехал во Владимир, а Филипп безбожный позвал князя Даниила в Вишню: здесь уговорились убить его. Когда он въехал в Браневичев, приехал к нему посол от тысяцкого Демьяна с известием, что боярин Филипп вместе с племянником Данииловым, Александром, хотят убить его. Услышав это, князь возвратился назад и послал сказать брату своему Васильку: «Ты ступай на Александра», – а Ивана, седельничего своего, послал на неверных бояр. Василько взял Бельз, волость Александрову, а Иван переловил 28 бояр; Даниил простил их. Однажды на пиру один из этих безбожных бояр залил лицо ему из чаши; Даниил и то стерпел.

В 1231 году Даниил созвал вече: осталось у него только 18 верных отроков с тысяцким Демьяном; князь сказал им: «Хотите ли быть мне верны и идти со мною на врагов?» Они воскликнули: «Верны богу и тебе, господину нашему, ступай с божиею помощию!» А сотский Микула сказал: «Господин! не подавивши пчел, меду не есть». Помолившись богу, Даниил выступил с малым войском; к нему на помощь пришел Мирослав, так же с немногими отроками, присоединились и неверные бояре, показывая вид, что верны. Даниил подступил к Перемышлю; Александр не стерпел и побежал в Венгрию, оставив все имение свое. Судислав взялся хлопотать за него и поднял короля венгерского; король подступил к Ярославлю. Здесь затворился боярин Даниилов Давыд Вышатич с Васильем Гавриловичем; венгры бились даже после захождения солнца, но город отбил. Несмотря на то, Давыд испугался, теща его была на стороне Судислава, который называл ее матерью; она стала говорить зятю: «Ты не удержишь этого города». Василий же Гаврилович говорил ему: «Не погуби чести нашего князя; эта рать не может взять города». Василий был муж крепкий и храбрый; но Давыд не слушал его и хотел сдать город и сдал, вышедши сам цел со всем войском. Король, взявши Ярославль, пошел к Галичу. Климята с Голых гор убежал от князя Даниила к королю, и за ним все бояре галицкие

передались венграм. Оттуда король пошел ко Владимиру Волынскому; пришедши, удивился красоте города и сказал: «Такого города не находил я и в немецких странах». Ратные люди в полном вооружении стояли на стенах, щиты их блестели, как солнце. В городе сидел воеводою Мирослав: прежде был он храбр, но тут бог ведает, что с ним сделалось, смутился умом, заключил мир с королем без совета с князем Даниилом и братом его Васильком; тут же, по договору, уступил Бельз и Червен Александру. Король посадил сына своего Андрея в Галиче, по совету неверных галичан, а Мирослав стал запирается, что в договоре не передавал Червена венграм; укор был ему большой от обоих братьев: «Зачем заключил мир, когда у тебя было столько войска?»

В 1233 году умер королевич венгерский в Галиче; галичане послали за Даниилом. В 1235 году отнял у Даниила Галич князь Михаил Черниговский и посадил здесь сына своего Ростислава. Получив весть, что Ростислав пошел на Литву с всеми боярами, Даниил вышел из Холма и на третий день был у Галича. Здешние граждане любили его; подъехав под город, он сказал им: «Граждане! долго ль вам терпеть державу иноплеменных князей?» Те воскликнули в ответ: «Вот наш держатель богом данный» – и пустились к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. Епископ Артемий и дворский Григорий не хотели пускать Даниила в Галич, но, видя, что не могут удержать города, вышли навстречу с слезными глазами, осклабясь и облизываясь, и по неволе сказали: «Приди, князь Даниил, возьми город». Даниил вошел в город свой, помолился святой богородице, принял стол отца своего и объявил победу, поставив на Немецких воротах хоругвь свою. Бояре, пришедши, пали к ногам его, прося милости и говоря: «Согрешили пред тобою, другого князя держали». Даниил отвечал: «Милость вы получили, так вперед опять того же не делайте, чтобы не было вам хуже».

Глава XIX

О втором татарском нашествии

В 1237 году пришли от восточной страны на Рязанскую землю, лесом, безбожные татары с царем Батыем и послали послов своих, женучародейку да два мужа с нею, к князьям рязанским, прося у них десятины со всего, с князей, и с людей, и с коней белых, вороных, бурых, рыжих и пегих. Князья рязанские отвечали им: «Если нас не будет всех, то все ваше будет». И послали рязанские князья к князю Юрию Владимирскому просить помощи; но князь Юрий сам не пошел и не послушал мольбы князей рязанских: он хотел один воевать особо. Тогда иноплеменники обступили город Рязань и огородили острогом; а князь рязанский затворился в городе с людьми. Татары взяли Рязань и пожгли всю, князя Юрия убили и с княгиней; мужей, жен и детей рассекали мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали, остальных вязали; многие святые церкви огню предали, монастыри и села пожгли, имение немалое собрали и потом пошли на Коломну.

В ту же зиму пошел Всеволод, сын Юрьев, и князь Роман Ингварович с своею ратью из Владимира против татар; тогда же князь Юрий Владимирский послал Еремея Глебовича в сторожах воеводою, который присоединился также ко Всеволоду и Роману. Оступили их татары у Коломны и бились крепко; была сеча великая; убили князя Романа и воеводу Еремея, а Всеволод с малою дружиной прибежал во Владимир. Татары пошли к Москве, взяли ее, убили воеводу Филиппа Няньку и князя Владимира, сына Юрьева, руками взяли, людей перебили от старцев до младенцев и, взявши много именина, пошли прочь.

Князь Юрий выехал из Владимира, урядив вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава; а сам с племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром Константиновичами поехал на Волгу и стал станом на реке Сити, поджидая к себе братьев князей Ярослава и Святослава с полками. Третьего февраля, татары, как саранча, обсели Владимир; владимирцы затворились в городе с князьями Всеволодом и Мстиславом, а воеводою был у них Петр Ослядькович. Татары подъехали к Золотым воротам, ведя с собою княжича Владимира Юрьевича, и начали спрашивать: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы пустили по стреле на татар, те пустили также по стреле на город и на Золотые ворота и потом сказали владимирцам: «Не стреляйте!» Когда владимирцы перестали стрелять, татары подъехали поближе к воротам, показали гражданам Владимира и спросили: «Знаете ли своего княжича?» – потому что он был уныл лицом и изнемог от беды и нужды. Всеволод и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. Князья, бояре и все граждане стали плакать, смотря на него. Всеволод и Мстислав сказали всей дружине и Петру воеводе: «Братья! лучше нам умереть пред Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую веру, нежели быть в их воле».

Татары, урядив станы свои около города Владимира, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, двор княжеский огнем пожгли, а что людей старых и молодых, то все иссекли; был тогда трепет великий всюду. Множество полона свели татары в станы свои, а сами пришли ко Владимиру и начали леса и пороки³¹ ставить от утра до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли в церковь св. Богородицы и постриглись в монахи от владыки Митрофана. Седьмого февраля, после заутрени, татары приступили к городу; они зашли от Золотых ворот у св. Спаса, и вошли по примету в город через стену, и взяли до обеда Новый город, и запалили его огнем. Князья Всеволод и Мстислав бежали в Печерный город; епископ Митрофан, княгиня Юрьева с дочерью, со снохами и со внучатами и прочие княгини, множество бояр и людей затворились в церкви св.

³¹ Стенобитные орудия.

Богородицы; татары отбили двери, наволочили лесов около церкви и в церковь и зажгли: все бывшие здесь люди задохлись от великого зноя, другие погибли в огне, иные от оружия; а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери одрали.

Оттуда пошли на великого князя Юрия; одни шли к Ростову, другие к Ярославлю, иные на Волгу и на Городец, и попленили все по Волге до самого Галича Владимирского; иные пошли к Переяславлю и взяли его; оттуда попленили всю страну и города: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, до самого Торжка не было места, где бы не повоевали; по всей стране Ростовской и Суздальской взяли четырнадцать городов, кроме слобод и погостов, в один февраль месяц.

Князь Юрий, узнав о взятии Владимира, послал Дорожа с 3000 человек проводить про врагов; Дорож прибежал и сказал: «Князь! уже татары нас обошли». Услыхав это, Юрий сел на коня, с братом своим Святославом, племянниками, мужами, и пошел против поганых. Князь начал ставить полки, и вот внезапно приспели татары на Сить; Юрий, отложив всю печаль, пошел к ним, обои полки соступились, была сеча злая, и наши побежали пред иноплеменниками; тут убит был великий князь Юрий Всеволодович на реке Сити, и воины его многие погибли.

А Василька Константиновича руками взяли и повели в станы свои с большою нуждою; дошедши до Шеренского леса, татары остановились и стали нудить Василька быть в их воле и воевать вместе с ними. Но он не повиновался их обычаю, не брал ни пищи их, ни питья и говорил против них так: «О глухое царство и скверное! не отлучить вам меня от христианской веры; если я теперь и в большой беде, то бог навел ее на меня за грехи мои; какой ответ дадите богу, что погубили столько душ без правды? За них бог будет мучить вас в бесконечные века». Они скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови, и убили его в том лесу. Был князь Василько красив лицом, очами светел, взором грозен, необыкновенно храбр, на охоте отважен, сердцем легок, и кто служил ему, тот не мог забыть его до смерти.

От Шеренского леса пошли татары и оступили Торжок, бились пороками целые две недели, люди в городе изнемогли, из Новгорода не было им помощи, все были сами в недоумении и страхе; и так поганые взяли Торжок, перебили всех мужчин и женщин; отсюда погнали татары Селигерским путем до Игнатъего креста, посекая людей, как траву, только ста верст не дошли до Новгорода.

Отсюда воротился Батый и пришел к городу Козельску, где был молодой князь, именем Василий. Поганые сведали, что у людей в городе ум крепкодушевный, словами льстивыми нельзя взять города, жители Козельска решили не сдаваться Батыю, говоря: «Хотя князь наш и молод, но положим живот свой за него, и, приняв здесь славу этого света, там примем от Христа бога венцы небесные». Татары разбили стены и взошли на вал, граждане резались с ними ножами; потом положили выйти на полки татарские и, вышедши из города, побили четыре тысячи врагов, но и сами были все перебиты. Батый взял наконец Козельск и истребил всех до грудных младенцев; а о князе Василии неизвестно; говорят, будто он утонул в крови, потому что был молод. С тех пор татары не смели называть этого города Козельском, но звали его злым городом, потому что они бились около него семь недель и потеряли троих сыновей темниковых; они искали их, но не нашли во множестве трупов.

Батый, взявши Козельск, пошел в землю Половецкую. Отсюда начал он посылать воевод своих на города русские: взят был город Переяславль копьем³², жители избиты. В то же время послал и на Чернигов: обступили город в силе тяжкой; князь Мстислав Глебович, услышав о нападении иноплеменных, пришел на них со всем войском своим, но был побежден; множество воинов его побито, город взят и запален огнем. Воевода татарский Меньчукан пришел осмотреть Киев и удивился красоте и величеству его; он прислал послов к князю Михаилу и к гражданам, желая прельстить их, но они его не послушали.

³² Приступом.

Михаил вслед за сыном побежал в Венгрию пред татарами; Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве; но Даниил Галицкий наехал на него, взял его в плен и город Киев поручил боярину Димитрию, чтобы тот защищал его от татар. Пришел Батый к Киеву в силе тяжелой, окружила город и остолпила сила татарская, и не было ничего слышно от скрипения телег, от рева верблюдов, от ржания коней; наполнилась земля Русская ратными. Батый поставил пороки подле ворот Лядских, пороки били беспрестанно день и ночь и выбили стены. Граждане взошли на остаток стены, и тутто было поглядеть лома копейного, стрелы омрачали свет; воевода Димитрий был ранен, татары взошли на стены; но граждане построили другой город, около церкви Богородичной. На другой день татары пришли на них, и была брань лютая; люди взбежали на церковь с имуществом своим, от тягости стены церковные повалились вместе с ними, и город был взят. Воеводу Димитрия вывели раненого и не убили за его мужество.

Услыхав, что Даниил Галицкий в Венгрии, Батый пошел сам ко Владимиру, и, пришедши к городу Колодяжну, поставил 12 пороков, и не мог разбить стены, тогда он стал уговаривать граждан к сдаче; те прельстились его обещаниями, сдались и были перебиты; Батый взял и Владимир копьем, и Галич, и много иных городов без числа. Тогда Димитрий, киевский тысяцкий Даниилов, сказал Батыю: «Не мешкай в этой земле, время уже тебе идти в Венгрию; если же будешь медлить здесь, то Венгрия земля сильная, соберутся там на тебя и не пустят в свою землю». Он говорил ему так для того, что видел, как земля Русская гибла от нечестивого. Батый послушал Дмитриева совета и пошел в Венгрию.

Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого Публичные лекции

Чтение первое

Если к каждому частному человеку можно обратиться с вопросом: «Скажи нам, с кем ты знаком, и мы скажем тебе, кто ты таков», – то к целому народу можно обратиться со следующими словами: «Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков». В настоящее время, когда у нас обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошлое, познать, кто мы таковы, я не решился занять ваше внимание изложением событий внешней отечественной истории, но счел более приличным представить в сжатом очерке важнейшую сторону нашей внутренней истории, именно постепенное установление государственного порядка, или, как выражались наши предки, наряда в Русской земле.

Где, при каких природных влияниях действовал народ и с какими чужими народами и государствами изначала и преимущественно должен был иметь дело – вот первые вопросы в истории каждого народа.

Задолго до начала нашего летосчисления знаменитый грек, которого зовут отцом истории, посетил нынешнюю Южную Россию: верным взглядом взглянул он на нашу страну, на племена, в ней живущие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменились одни другими, образовалось могущественное государство; но явление, замеченное Геродотом, остается попрежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких скольконибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению, – и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота. «В Скифии, – говорит он, – нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». В самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют таким образом по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни. Как везде, так и у нас, реки служили проводницами первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города; так как самые большие из них текут на восток или юговосток, то этим условилось и преимущественное распространение русской государственной области в означенную сторону; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую – область Западной

Двины, т. е. область Кривокая, или Полоцкая, третью – область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую – область Верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юговосток, соприкасается непосредственно с степями Средней Азии: толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими. Как на ясной памяти истории в нынешней Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменялось господством сарматов; но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами; переменялись имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинакий. Ясное понятие об этом быте, противоположности его с бытом исторических народов может дать нам предание о походе персидского царя Дария Гистаспа в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских; но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погонею, Дарий наконец послал сказать скифскому царю: «Станный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся; если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха; не побегу и перед тобою: что делаю я теперь, то привык делать и во время мира; а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы; попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к стране, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим.

У берегов Понта, при устьях больших рек греческие города построили свои колонии для выгодной торговли с варварами. Можно видеть любопытную картину быта греческих колонистов в рассказе Диона Хризостома, который в одной из колоний, именно в Ольвии, искал убежище от преследований Домициана. Когда жители Ольвии увидели заморского оратора, то с греческою жадностию бросились послушать его речей: старики, начальники уселись на ступенях Юпитерова храма, толпа стояла с напряженным вниманием. Дион восхищался античным видом своих слушателей, которые все, подобно грекам Гомера, были с длинными волосами и длинными бородами; но все они были также вооружены: накануне толпа варваров показалась перед городом; и в то время, когда Дион произносил свою речь, городские ворота были заперты и на укреплениях развевалось военное знамя; когда же нужно было выступать против варваров, то в рядах колонистов раздавались стихи «Илиады», которую почти все ольвиополиты знали наизусть. Быть может, спросят: не производили ли эти греческие колонии, хотя медленного, но заметного в истории влияния на быт окружающих варваров? Известия древних показывают между скифами людей царского происхождения, обольщенных красотою греческих женщин и прелестями греческой цивилизации: они строят себе великолепные мраморные дворцы в колониях, даже ездят учиться в Грецию, но гибнут от рук единокровцев своих как отступники отеческого обычая. Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить восток, мир варваров против Рима остались также тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах Понтийских. Но вот слышится предание о противоположном движении, с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю, племен славянских.

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда; но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток вследствие натиска от какого-то сильного врага. Это предание заключает в себе факт, не подлежащий сомнению:

древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях; сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – римляне, с востока – азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь, только на северо-востоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных влияний и натисков запада, до тех пор, пока оно, собравши силы, могло уже без опасения за свою независимость выступить на поприще и обнаружить, со своей стороны, влияние и на восток, и на запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.